ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА
История России
в воспоминаниях,
дневниках,
письмах

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

А. Ненароков

В ПОИСКАХ ЖАНРА

Книга вторая

СВЕЧА В ДОМЕ

Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2009

УДК 930.85(470+571)"19"
ББК 63.3(2)6
Н-51

Издается в авторской редакции.

Рецензенты:
доктор исторических наук *В.Д. Есаков*,
доктор исторических наук *А.Е. Иванов*.

Подбор иллюстраций, обложка, дизайн и оформление *С. Щербины*.

Ненароков, А.П.
В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме / А.П. Ненароков; — М.: Ассоциация исследователей российского общества; Новый хронограф, 2009. — 360 с. : ил., фот. (Серия «От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»). — ISBN 978-5-94881-068-3, — ISBN 978-5-91022-056-4.

Агентство CIP РГБ

Вторая книга «Записок архивиста» дает возможность познакомиться с тем удивительным, ни с чем не сравнимым ощущением погружения в документы, которое творит чудо. «Когда, по словам автора, далекие и чуждые по началу события вдруг обретают очертания и становятся близкими. Когда глухой гул, в котором все лишь эхо, вторье, отголосок, — обретает некую индивидуальность и в огромном смешанном хоре, явно не ставящем целью согласное пенье, вдруг начинают проявляться отдельные голоса еще неведомых певчих. А затем, словно по дирижерской указке, возникает некий лад и сквозь нарастающую стройность хора всякий раз ошеломляюще неожиданно прорывается соло тех, чьи голоса отныне больше никогда не спутать с другими. И любой рассказ о них, доверивших тебе свои горести и радости, потери и обретения, вдруг превращается в разговор о себе, заново обретающем в этом творческом озарении теряемые с возрастом слух и зрение, перерастает в рассказ о тех, кто подарил тебе жизнь либо обогатил ее своей». В книгу включены эссе о П.Б. Аксельроде, И.Г. Церетели, Б.И. Николаевском, В.С. Войтинском, публикуются письма и черновики рукописей, найденные в архивах.

Книгу сопровождают редкие фотографии из ГА РФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ, зарубежных архивов и личного архива автора. Предназначается она как для исследователей истории России XX века, так и для широкого круга неравнодушных читателей.

ISBN 978-5-91022-058-8

Содержание

Указатель имен

и 17 губернских организаций. Они объединяли вокруг себя около 190 тыс. членов[1].

Биография Аксельрода естественно вобрала в себя все этапы становления и развития революционного движения в России конца XIX — начала XX вв., все зигзаги становления рабочей социал-демократической партии. Понятно, что первый же очерк, посвященный жизни и деятельности Аксельрода, окажется закованным именно в эти рамки. Это был уже неоднократно поминавшийся нами очерк А.Н. Потрéсова, охватывавший, правда, хронологический период всего лишь от детских и гимназических лет героя и до 1912 г. Он стал первым, где биография служит основой для повествования об истории российского социалистического рабочего движения. Позже по этому же принципу будут строиться многие биографические труды и исторические исследования. К ним относятся и лучшая на сегодняшний день книга о П.Б. Аксельроде американского историка Аббрахама Ашера[2], и прекрасный очерк Петра Юрьевича Савельева, выпускника моего родного МГПИ-МПГУ[3].

Если для работ исторического плана такой подход не только понятен и дает нередко блестящие результаты, то к великому сожалению этого нельзя сказать о самих воспоминаниях Аксельрода. Они, под влиянием готовивших их к публикации Владимира Савельевича Войтинского и Бориса Ивановича Николаевского, приобрели в конечном виде характер все тех же очерков по истории революционного движения в России.

В жертву, по соображениям целесообразности и политической значимости, оказался принесен литературный дар автора, масса жизненных впечатлений, зарисовок, портретов осталась вне рамок книги.

Даже о жене в вышедшем в 1923 г. первом томе своих воспоминаний Аксельрод не сможет в результате этого сказать так, как хотел бы. Ее имя мелькнет, как это было и в черновых набросках, лишь в перечне других, сначала при упоминании

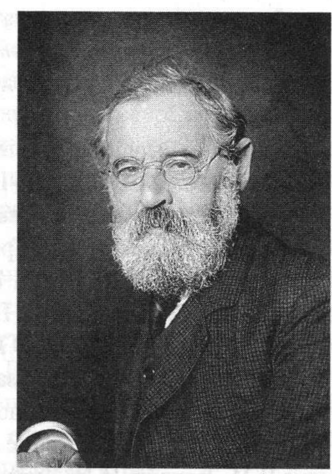
1. Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.575.

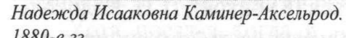
2. *Ascher A.* Pavel Axelrod and development of Menshevism. — Cambridge, Mass., 1972.

3. *Савельев П.Ю.* П.Б. Аксельрод: человек и политик //Новая и новейшая история. 1998. №2 и 3.

отца — врача и поэта Исаака Каминера, затем среди тех, с кем Аксельрод встречался в Женеве в 1874–1875 гг., где они и поженились, после того как она переехала туда к нему.

Надежда Исааковна Каминер-Аксельрод. 1880-е гг.

Павел Борисович Аксельрод. 1910-е гг.

Между тем Надежда Исааковна была женщиной удивительной, «благородной», как отозвался о ней Герман Грейлих, ветеран швейцарской социал-демократии, имевший возможность наблюдать ее близко в течение долгого времени, пока они квартировали вместе. Всем, кем стал и чего достиг, Аксельрод был обязан не только себе, но и ей.

Надежда Исааковна поддерживала его, как могла, давала возможность работать и непрерывно совершенствоваться, верила в него и укрепляла эту веру в нем самом. И этому же учила детей — сына Александра и дочерей Веру и Соню. «Вся семья всей душой была предана одному и тому же делу и служила ему с истинным самоотвержением», — свидетельствовал Грейлих[1].

Когда в 1906 г. появится первое издание работы Аксельрода «Борьба социалистических и буржуазных тенденций в рус-

1. *Грейлих Герман.* Привет из Цюриха //Социалистический вестник. 1925. 18 августа. №15/16 (109/110). С.26.

отмечаемых “отрадных явлений” не велики, скорее бесконечно малы… Но они велики относительно, ибо знаменуют, что мы снялись с мертвой точки. А ведь это не мало, — правда, Павел Борисович?»[1]

Предложения Николаевского по скорейшему завершению работ по публикации воспоминаний Аксельрода и материалов из его архива поддержит и партийное руководство.

Лидия Осиповна Дан, сестра Мартова и жена Дана, летом 1923 г. обратится к Аксельроду со специальным письмом.

«…Вы знаете уже, — писала она, — что тов. Югов и я решили организовать издательство, ставящее себе целью издание всякого рода материалов по истории нашего революционного движения. В первую голову мы очень хотели бы опубликовать некоторые материалы из Вашего архива. Мы думаем, что молодежи будет очень полезно познакомиться и с Вашей перепиской с Юлием Осиповичем и с другими товарищами, а также и с более ранними материалами — письмами к Вам Драгоманова, Зибера и др.

Если эта идея встречает Ваше сочувствие, Вы сможете оказать нам большое содействие, предоставив нашему издательству, которое мы окрестили “Русский Революционный Архив”, некоторые материалы из Вашего архива. Сейчас, на первое время, нас больше всего интересуют письма Юлия Осиповича к Вам первого заграничного периода, письма во время войны, письма к Вам 70-х и 80-х годов Драгоманова, Зибера и др. Я, со своей стороны, решила предоставить в распоряжение этого новорожденного издательства некоторые материалы из архива Юлия Осиповича. Со своими в Москве я списалась и они вполне удовлетворены таким использованием писем Ю.О.

Пока еще трудно сказать, как широко удастся развить работу издательства, как велики будут его средства, но кое-что в этом смысле уже есть, а, может быть, будет и больше. Во всяком случае, уже сейчас можно сказать, что мы сможем оплачивать весь используемый материал. Есть также средства и на оплату редакционной работы.

1. IISH. Pavel B. Axelrod Collection. Folder 31. Письмо Б.И. Николаевского Аксельроду от 1 марта 1922 г. Оригинал, рукопись, чернила.

Мы полагаем, что мы можем предложить Вам по 15 дол. с листа за печатный лист, т. е. за 40.000 типографских знаков. Если бы Вы признали это приемлемым, очень порадовали бы нас. К сожалению, сейчас материальные дела таковы, что нам трудно фиксировать сроки, в которые будет производиться уплата следуемых Вам денег, постараемся, во всяком случае, чтобы сейчас же после выхода книги в свет, гонорар был выплачен. Также затруднительным представляется для нас теперь же фиксировать, в каком количестве экземпляров книги будут выпущены в свет, а также время, когда книги будут закончены. Как только все это выяснится, сейчас же извещу Вас. Надеюсь, Вам не будет неприятно, что мы хотим поместить Ваш портрет, это очень украсит книгу.

Если у Вас нет существенных возражений против этого плана, то, будьте добры, письменно подтвердите в письме на мое имя или имя Югова, что Вы согласны и разрешаете нам воспользоваться Вашим архивом, т. е. опубликовать его»[1].

Все это не могло не привлечь внимания Аксельрода.

Письма Николаевского и Лидии Осиповны Дан положили начало многолетним серьезным и обоюдополезным контактам между ним и большим коллективом публикаторов, комментаторов и редакторов (кроме В.С. Войтинского, Б.И. Николаевского, Л.О. Дан, примут участие также и Ф.И. Дан и П.А. Берлин[2]).

Одним из результатов этой работы станет издание великолепных документальных публикаций из архива Аксельрода, его переписки с Мартовым и Плехановым.

Познакомившись с вышедшими в 1925 г. двумя томами переписки с Плехановым, Церетели писал Аксельроду: «…Перечитываю. Прекрасная книга, которая дает для ознакомления с лучшей полосой нашего движения больше, чем могла бы дать любая история. Лучшей службы памяти Плеханова нельзя было оказать, чем издание этой книги. Его характер, казавшийся слишком индивидуалистическим и холодным, раскрывается

1. IISH. Pavel B. Axelrod Collection. Folder 15. Письмо Л.О. Дан П.Б. Аксельроду от 16 августа 1923 г. Оригинал, машинопись с автографом.

2. Берлин Павел Абрамович (1877–1962) — исследователь общественного движения в России, стоявший близко к российской социал-демократии.

в переписке с лучшей, самой значительной стороны. Чувствуется в нем прямо героическая страсть и сила духа. И Ваше отношение к нему стало мне вполне понятным только после этой переписки»[1].

Последнее издание, как и многие другие, стараниями Рязанова и Николаевского выходило в Москве. Однако именно его, поскольку издателем выступала сама Розалия Марковна Плеханова, большевистские руководители непрерывно откладывали под различными предлогами. Л.О. Дан хотела даже обратиться к Н.К. Крупской, чтобы ускорить процесс. По этому поводу обычно выдержанный Церетели заметил Николаевскому: «…Надеюсь, Вы совершенно пресекли это намерение. Это было бы ужасно для П.Б. [Аксельрода], да и для всей партии. Удивительно, как сама Л[идия] этого не соображает»[2].

Практически в эти же годы начнется и подготовка к изданию собрания сочинений Аксельрода. Войтинский 20 октября 1924 г. информировал Церетели: «…старый план об издании полного собрания его сочинений в России получил, наконец, осуществление. Собрание выйдет в той же серии, что сочинения Плеханова и Засулич, под редакцией Рязанова; фактически подготовлять изд[ание] будет Потрéсов (состоящий на службе в "Институте К. Маркса и Ф. Энгельса"); это обстоятельство доставляет П.Б. большое удовлетворение»[3].

Все было хорошо, но главы для второго тома Аксельрод решит писать по-новому. В них появятся юмор, детализация, собственные неповторимые интонации, которые редакторы-составители первого тома посчитали излишними. Но именно эту свою книгу Аксельрод не допишет. Отдельные наброски из нее появятся в отрывках в первом томе его переписки с Г.В. Плехановым, вышедшем в 1925 г., и VI томе журнала «Летопись марксизма» за 1928 г., год его смерти.

1. См.: IISH. Pavel B. Axelrod Collection. Переписка. Folder 11. Письмо И.Г. Церетели П.Б. Аксельроду от 23 июня 1925 г. Рукописный подлинник, чернила.

2. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 248. Box 504. Folder 40. Письмо от 20 октября 1925 г. Оригинал, рукопись, чернила.

3. Там же. Series 15. Box 30. Folder 1. К сожалению, этот план так никогда и не был реализован.

Революционный 1917-й

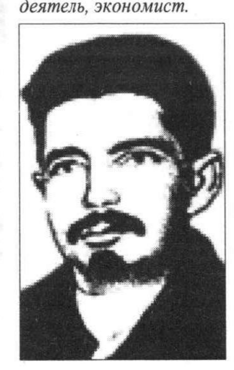
Февраль 1917 г. застанет Аксельрода в Цюрихе. Как-то сразу уйдут в сторону ленинские наскоки и обвинения в «отступлении от революционного социализма Маркса», в стремлении создать в России разновидность «буржуазной рабочей партии», в каутскиантстве, в защите оппортунизма, споры по поводу «более точного и полного определения империализма»[1] и т. д., и т. п. Зато с новой силой проявятся разногласия в оценке движущих сил революции и ее перспектив.

Для многих, но не для Ленина революция в России предстанет доказательством верности вывода Аксельрода о том, что ее победа может быть обеспечена лишь объединением усилий либералов, демократов и социалистов. «Жизнь представила Вам редкий случай видеть вполне оправдавшимся прогноз Ваш относительно хода вещей в России — имею в виду революционную роль русской буржуазии и отрицание ее Лениным» — писал Аксельроду Юрий Ларин, в то время примыкавший к меньшевикам-интернационалистам, сторонникам Мартова[2].

В оценке февральских событий Аксельрод и Мартов были единодушны, приветствуя «наступление новых времен», «зарю свободы» и «республику». Оба видели Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в качестве «представительства революционного пролетариата». Оба настороженно относились к сближению с Потрéсовцами (или, как они говорили, «товарищами-оборонцами» из «Самозащиты»), отмечая «пропасть между их идеями и нашими за время войны».

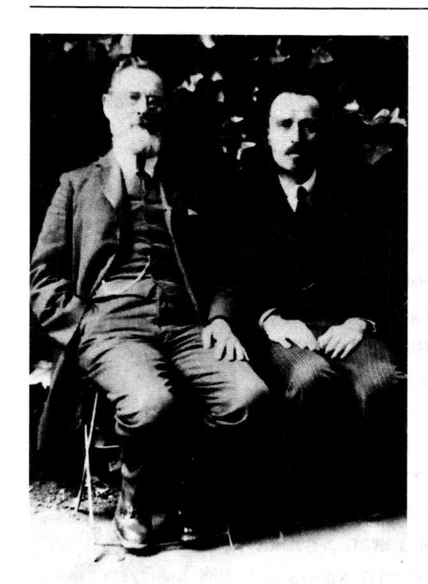
Уже в первые дни после отречения российского монарха Аксельрод выступит с пожеланием к Совету проявить инициативу «по части прекращения войны». Он предложит потребовать от Временного правительства вступления в переговоры с правительствами Англии, Франции и Италии и немедленно

Юрий Ларин (Лурье Михаил Зальманович) (1882–1932) — социал-демократ, меньшевик, большевик с 1917 г., видный советский государственный деятель, экономист.

1. Ленин посвятит этим спорам статью «Империализм и раскол социализма». См.: *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т.30. С.163–179.

2. Меньшевики в 1917 году. В 3 томах. Т.1. От января до июльских событий. — М., 1994. С.223.

Павел Борисович Аксельрод и Ираклий Георгиевич Церетели.

Подаренные Церетели и Бургиной вещи всюду поддерживали иллюзию собственного домашнего очага, рождая атмосферу уюта и тепла. «Двойное воспоминание об Ираклии Георгиевиче», — говорилось окружающим часто и с особым чувством[1].

К Церетели, дружба с которым окрепла после того, как тот также оказался фактически на положении эмигранта, Аксельрод был очень привязан. Перепиской и общением с ним чрезвычайно дорожил. Владимир Савельевич Войтинский, умнейший и удивительно тонкий человек, близкий им обоим, писал как-то Церетели: «…Вы постоянный объект[2] его эпистолярных забот: "Голова?.. Если бы у меня голова была хорошая, то не стал бы я этими глупостями заниматься, а сел бы да написал бы письмо Ир[аклию] Георгиевичу…" Бедный П. Б.! Сколько раз видел я у него листки с каракулями начатого письма к Вам»[3].

Однако еще с начала 20-х гг. Церетели твердо решил ограничить себя в обращениях к Аксельроду. «Не пишу ему, чтобы он не считал себя обязанным отвечать», — сообщал он Николаевскому[4].

Но Аксельрод находил-таки обходные пути для связи с Церетели. Все нужное он передавал в письмах к общим друзьям и добивался от них нужной информации. «Передал я Ир[аклию] Георг[иевичу] все то, что Вы хотели сказать…, — сообщал ему 7 августа 1926 г. Войтинский. — Он хотел ответить Вам письмом. Вообще он редко пишет Вам, т. к. опасается затруднить Вас перепиской. Боится, что после каждого полученного письма Вы стараетесь ответить. А это берет у Вас много времени и сил. Передаю Вам его мотивировку дословно, хотя

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 30. Folder 1.
2. Подчеркнуто в документе.
3. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 16. Box 30. Folder 1. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 6 июля 1927 г. Оригинал, рукопись, чернила.
4. Там же. Series 248. Box 504. Folder 40. Письмо И.Г. Церетели Б.И. Николаевскому от 9 августа 1924 г. Оригинал, рукопись, чернила.

сам ее не разделяю: Ир[аклий] Георг[иевич] мог бы писать почаще, условившись с Вами, что Вы будете отвечать на каждое 4-е или 5-е письмо»[1].

Церетели, хотя и выступал сам инициатором этих и других подобного рода предложений, но относился к ним более чем скептически, ибо знал Аксельрода лучше, чем кто-либо другой. Он хорошо помнил, не так давно далеко не на каждое письмо успевал отвечать раньше, чем получал новое.

В письмах к Аксельроду ставились на обсуждение узловые вопросы теории и практики социал-демократического движения в России и мире.

Член послеоктябрьского ЦК Давид Юльевич Далин писал ему из Берлина 14 февраля 1921 г.: «…прошу Вас сказать Ваше мнение хотя бы в нескольких строках по следующим вопросам:

1). Считаете ли Вы, что сегодняшней задачей мирового пролетариата является социальная революция, т. е. захват власти? Т. е. изменилось ли в этом смысле положение по сравнению с довоенным? (О себе скажу, что я отношусь к этой идее (социальная революция как очередная задача) отрицательно).

2). Если да, то, в каких политических формах допустим захват власти? В особенности в тех странах, где уже имеется буржуазная демократическая республика.

3). Если нет, то согласны ли Вы с тем, что борьба должна идти за полную демократию и за постепенный, медленный переход орудий производства в руки государства?

4). Согласны ли Вы с тем, что 2-ой Интернационал мертв? (У меня это впечатление еще усилилось по приезде сюда).

5). Согласны ли Вы с тем, что нужно стремиться к объединению с некоторыми основными партиями 2-го Интер[национал]а, и с какими именно, и по какому признаку?

6). Как Вы относитесь к задаче, формулированной в венских тезисах: "освобождение колоний"?»[2].

Это были вопросы, по которым шли споры и имелись серьезные разногласия.

1. IISH. Pavel B. Axelrod Collection. Folder 43. Оригинал, рукопись, чернила.
2. Там же. Folder 3. Оригинал, рукопись, чернила.

Политическое завещание

После появления на Западе апрельских (1920 г.) тезисов ЦК РСДРП, а также других официальных партийных материалов Аксельрод начал работу над документом, в котором собирался высказать ряд важных принципиальных теоретических и практических соображений. С самого начала он придавал ему особое значение, рассматривая даже в качестве некоего политического завещания.

Оформил он этот свой документ в виде послания Юлию Осиповичу Мартову.

Письмо в основном было завершено еще летом 1920 г., но автор так долго дорабатывал и шлифовал его, что вызвал нарекания со стороны тех, кто ознакомился с первым вариантом и считал немедленную публикацию крайне необходимой.

Владимир Савельевич Войтинский, сообщая Аксельроду в марте 1921 г. о печальных событиях в Грузии, где большевики, опираясь на силу, завершили процесс советизации Закавказья, специально подчеркивал, что «теперь как раз время опубликовать Ваше письмо». И добавлял: «как бы отделывая и исправляя его, Вы не упустили время, когда Ваше слово могло бы оказать на товарищей наиболее сильное влияние»[1]. Войтинский характеризовал завершившуюся в Грузии советизацию в следующих словах: «…мы побеждены, раздавлены большевистскими полчищами. Для иллюзий больше места нет». Фраза об иллюзиях была парафразом прочитанного им в письме Аксельрода Мартову. Потом она повторялась многими.

Есть в письме Войтинского и строки о том, что последние события в Грузии и Петрограде[2] являются лучшим доказательством «полного крушения тактической платформы, которую нам подносили как платформу РСДРП». Он подчеркивал, что она, учитывая наличие внутри партии сильной оппозиционной группы правых, «не могла[3] отражать волю, настроения, мысль тех кругов, которые должны составить ядро восстанавливаемой партии».

1. IISH. Pavel B. Axelrod Collection. Folder 43. Оригинал, рукопись, чернила.
2. Имеется в виду кронштадтское выступление.
3. Подчеркнуто в документе.

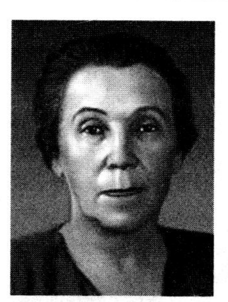
Однако, судя по смысловой правке, Аксельрод продолжал работать над письмом, и окончательно завершил его уже тогда, когда Мартов сам появился в Германии, куда приехал на съезд немецких независимых в Галле по официальному разрешению большевистских лидеров, то ли был ими таким образом просто выслан.

«Я написал, — сообщал Аксельрод в декабре 1920 г. С.Д. Щупаку, — большое письмо (в ответ на, помните, “8-листовое письмо” Ю.О.[1]) в котором остановился специально на существенных пунктах наших разногласий. Я его писал исключительно для Ю.О. и ЦК. Но после, особенно когда миссия и позиция его за границей вполне выяснились, я решил напечатать свой ответ ему …в расчете, что таким путем оно и до более широких партийных кругов дойдет. Я не льщу себя надеждой воздействовать на партию. Руковожусь только “велениями” своей политической совести и потребностью в своего рода “прощальном” документе зафиксировать standpoint[2] и мотивы, которыми определилась моя “линия поведения” с самого начала большевистского переворота и, в частности, с середины 18-го года»[3].

По инициативе Церетели и Войтинского, считавших письмо Аксельрода документом важным для всего мирового социалистического движения, бывший народоволец, один из активнейших членов партии социалистов-революционеров и ее Заграничной делегации Николай Сергеевич Русанов[4], почти сразу же перевел его на французский язык[5].

Первые публикации на русском и французском языках относятся к весне 1921 г. На русском — в двух (апрельском и майском) номерах только что родившегося «Социалистического вестника»[6], письмо появится с большими купюрами. На французском языке (в мае того же года) — в виде брошюры.

1. Найти данного письма Мартова, к сожалению, до сих пор не удалось.
2. Standpoint — точка зрения (*англ.*).
3. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 16. Box 45. Folder 13. Письмо П.Б. Аксельрода С.Д. Щупаку от 24 декабря 1920 г. Оригинал, рукопись, чернила.
4. Николай Сергеевич Русанов (1859–1939) — русский публицист, народоволец, затем активный деятель партии социалистов-революционеров.
5. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 30. Folder 2.
6. Социалистический вестник. 1921. 20 апреля. № 6. С.3–7; 4 мая. № 7. С.3–5.

Лидия Александровна Фотиева (1881–1975) — большевичка с 1904, в 1917 сотрудник редакции газеты «Правда», с марта 1918 — секретарь Совнаркома, а с апреля 1920 и Совета труда и обороны РСФСР, в 1918–1924 одновременно и личный секретарь В.И. Ленина. В 1923–1930 — секретарь Совнарокма и СТО СССР. В последующие годы на хозяйственной и научной работе.

реписке Заграничной Делегации с членами Бюро ЦК в России широкой дискуссии[1].

О реакции большевистского руководства на эту дискуссию, в том числе, и прежде всего, на письмо Аксельрода мне, к сожалению, ничего толком неизвестно. Просмотрев соответствующие тома, как Полного собрания сочинений В.И. Ленина, так и «Ленинских сборников», я обнаружил лишь, что через месяц после выхода номера «Социалистического вестника» с аксельродовским посланием Мартову, 21 июня 1921 г. Ленин обратится к своему секретарю Л.А. Фотиевой:

«Выясните у моей библиотекарши (если она не знает, у Зиновьева), не могу ли я получить сегодня все *последние* №№ “Социалистического вестника” Мартова (особенно статьи Аксельрода)»[2].

Затем, убедившись, что в его в личной библиотеке есть лишь отдельные номера, а требуемых номеров журнала нет, он даст указание «попросить *полностью*» у секретаря Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала К.Б. Радека или у заведующего отделом ИККИ М.В. Кобецкого.

Любопытно, что одновременно с этим Ленин потребует от Фотиевой завести «особую обложку для этого издания и *секретный* ящик»[3].

Как мне кажется, желание похоронить «Социалистический вестник» в «*секретном* ящике» да в «особой обложке», возникшее одновременно с желанием познакомиться со статьей Аксельрода, само по себе достаточно красноречиво свидетельствует о том, что Ленин, конечно, не только прекрасно представлял, что можно ожидать от его критики в адрес Мартова, но и вполне отдавал отчет, какой взрывоопасный материал содержат и все остальные публикации этого издания.

Ни Аксельрод, ни Мартов, естественно, об этой ленинской реакции никогда ничего не узнали.

Аксельрод вскоре перенесет серьезную операцию, после которой будет поправляться долго и тяжело. Однако от стремления делать все «для отрезвления умов от большевистского угара»

1. Меньшевики в 1922–1924 гг. — М., 2004. С.68–76.
2. Ленинский сборник. XXXVIII. С.368.
3. Там же.

не отступит. Любые послабления в этом отношении, по его мнению, весьма «вредно» отражались «на политической практике партии» и вводили «в соблазн или заблуждение нищих духом и слабых волей»[1].

Из писем и заметок на полях

Операция не принесла желанного облегчения. Мартов писал Ананьину 8 марта 1922 г.: «Плохо с Пав[лом] Бор[исовичем]. Хоть ему и сделали счастливую операцию, устранившую непосредственную опасность и облегчившую его, но положение остается precaire[2]: нужна более радикальная операция, очень опасная в этом возрасте и врачи вряд ли решатся ее сделать. А без такой операции он долго вряд ли протянет; пока же остается в инвалидном состоянии, нуждается в постоянной сиделке… Сам он не знает всей опасности своего положения»[3].

Сил на написание статей у Аксельрода уже не хватало. Все чаще и чаще он ограничивается заметками на полях прочитанных книг или рукописей, проговаривает ряд важных положений в письмах к друзьям, либо, что было чаще всего, в письмах, которые писались его друзьями в адрес общих друзей. Все вместе это дает возможность хоть как-то представить его вклад в разработку актуальнейших вопросов социал-демократической теории и практики, что было тогда особенно важно, ибо первый «публичный» судебный процесс над партией социалистов-революционеров заставил РСДРП уйти в подполье и поставить вопрос о пересмотре имеющейся партийной платформы. Это был самый крупный, по справедливой оценке голландского исследователя Марка Янсена, «из политических процессов коммунистической России досталинской эры, посредством ко-

1. Российский государственный архив социальной и политической истории (далее — РГАСПИ). Ф.361. Оп.1. Д.34. Л.2.
2. Precaire (*фр.*) — шатким.
3. См.: *Урилов И.Х.* Новое о Мартове и изучении меньшевизма //Сб.: Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. К 100-летию РСДРП. С.135–136.

торого коммунисты раз и навсегда покончили со своими социалистическими соперниками»[1].

Новое руководство русского Бюро ЦК во главе с Г.Д. Кучиным отстаивало необходимость интенсивной борьбы с большевистской диктатурой. Пришедший же после смерти Мартова к руководству Заграничной делегацией Ф.И. Дан оставался в рамках категорий, вытекающих из оценки большевистского режима в качестве «революционно-утопического представительства социалистического пролетариата, поднявшегося на гребне стихийной крестьянской войны». Он по-прежнему отрицал саму возможность активных выступлений против большевиков, прежде всего, потому, что это могло открыть дорогу к торжеству антипролетарских реакционных сил.

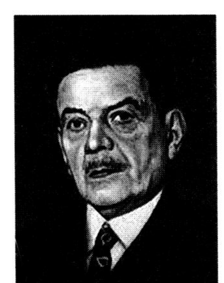
Не принимая участия в большинстве из разворачивающихся словесных баталий, Аксельрод судил о них, главным образом, по тому, как они воспринимались его ближайшим окружением. В июне 1924 г. Войтинский писал Церетели из Берлина в Париж: «...У нас, в меньшевистских кругах, последние недели ознаменовались оживлением. Вырабатывали платформу! Вышла, впрочем, не "платформа", а целый небоскреб, — длиной с хорошую брошюру. Бесконечная цепь оговорок, и оговорочек к оговоркам, и замечаний к оговорочкам. Но по сравнению с прошлым — большой шаг вперед: согласны на демократию, хотя бы даже без большевиков!»[2].

Судя по пересказам и последующим замечаниям, изложенным друзьями в письмах, адресованных Церетели, а также по заметкам на полях некоторых из статей Дана и его соратников, Аксельрод относился к их теоретическим «новациям» весьма сурово и скептически. В письмах Войтинского, адресованных И.Г. Церетели, хорошо прослеживается реакция Павла Борисовича на т. н. «меморандум Каутского», его книгу «Социалистический Интернационал и Советская Россия», и на грузинские дела, которые после спровоцированного большевиками в августе месяце восстания[3] резко обострились.

1. *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. — М., 1993. С.6.

2. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 30. Folder 1. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 20 июня 1924 г. Оригинал, рукопись.

3. См. подробнее: *Николаевский Б.И.* Что было в Грузии //Социалистический вестник. 1924. 8 октября. №19 (89). С.8–10.

Эдуард Эррио (Herriot) (1872–1957) — лидер французской партии радикалов, с 1916 г. неоднократно входил в состав правительства, в 1924–1925, 1926, 1932 — премьер-министр. Правительство Эррио установило дипломатические отношения (1924) и подписало договор о ненападении (1932) с СССР.

Как известно, Каутский в своей книге[1] очень аккуратно выступил против одного из краеугольных положений в отношении русской социал-демократии к большевизму, ее утверждения, будто социалистическое вооруженное выступление против большевизма в корне невозможно, т. к. может содействовать реакции. При этом, чтобы подобное заявление не было принято за призыв к вооруженному восстанию, он предупреждал о недопустимости восстания, привнесенного в массы, и ратовал за непременную поддержку т. н. «всенародного возмущения», которое считал неизбежным.

Резко осложнились в эти дни и т. н. грузинские дела. СССР требовал ликвидации официального представительства Грузинской демократической республики за рубежом. Положение осложнялось тем, что и французские социалисты боялись даже пребывания в Париже самого этого представительства во главе с Церетели, считая, будто данный факт может сказаться на судьбе кабинета министров во главе с Эдуардом Эррио. К тому же, именно в этот момент обострились, и без того достаточно неприязненные, отношения между Церетели и Жордания. Националистические настроения Жордания привели его к прямому противопоставлению Европы России.

По всем этим сюжетам (и о Каутском, и о грузинских делах) Войтинский писал Церетели: «...Плохое состояние здоровья помешало П[авлу] Б[орисовичу] закончить письмо к Вам, это огорчает его, и он просил меня, когда я буду писать Вам, написать и о том, что он хотел изложить в своем письме. А т. к. я собираюсь писать Вам дня через два, то, чтобы не откладывать дела в долгий ящик, пока пишу лишь о том, что говорил П[авел] Б[орисович].

Дело касается меморандума Каутского и соображений Ф.И. [Дана] относительно нынешнего положения грузинского вопроса.

Меморандум произвел на П[авла] Б[орисовича] прекрасное впечатление, но в построении его он усматривает кое-какие недочеты. Этот документ обращен к Интернационалу, задача его — указать Интернационалу его долг по отношению к рус-

1. *Kautsky K.* Die Internationale und Sowjet-Russland. Verlag I.H. W. Dietz Nachfolger. — Berlin, 1924.

ской демократии. Между тем некоторые места меморандума могут вызвать представление, что автор обращается к русским с[оциал]-д[емократам] и старается вразумить их относительно их тактики. В частности, не вполне мотивированным представляется обращение к русским с[оциал]-д[емократам] с предупреждением против восстания. Выходит, будто русские с[оциал]-д[емократы] склонны к повстанческой тактике, а Каутский их от восстаний удерживает. П[авел] Б[орисович] считает, что меморандум выиграл бы в отчетливости, если бы в нем были сделаны необходимые ссылки на соответствующие заявления русской с[оциал]-д[емократической] партии.

Это и еще многие другие соображения П[авел] Б[орисович] излагает теперь в большом письме к Каутскому. Копию письма он перешлет Вам. П[авел] Б[орисович] хотел бы, чтобы Вы имели это в виду при переводе меморандума, — возможно, что Каутский несколько изменит текст документа[1].

Теперь относительно грузинских дел. Ф.И. [Дан] перед отъездом в Париж[2] был у П[авла] Б[орисовича] и высказывал свои соображения о том, что грузинские товарищи должны ликвидировать свое официальное представительство за границей, а французские социалисты при постановке вопроса о Грузии в палате депутатов должны избегать голосования, которое могло бы повлечь падение Эррио. Когда Ф.И. [Дан] ушел, у П[авла] Б[орисовича] явилось опасение, что он возражал недостаточно энергично, и что его реплики Ф.И. мог истолковать за полусогласие с его точкой зрения. Эта мысль так мучила П.Б., что он не мог заснуть.

С точкой зрения Ф.И. [Дана] П.Б. решительно не согласен. Он считает, что вопрос о голосовании за отказ от международных обязательств, принятых Французской респ[убликой]

1. Специально тем, как замечания Аксельрода повлияли на текст русского издания книги Каутского, еще предстоит заняться. Пока же мне кажется важнее то, что Аксельрод, Церетели и Войтинский не только ассоциируют себя с позицией крыла, противостоящего Дану (Войтинский называет его «правым», но на самом деле — это далеко не так, оно — шире и по составу, и по взглядам; во всяком случае, Аксельрод и Церетели оставались, по сути дела, центристами и не в каких организационных объединениях и группах замечены не были), но и, по сути, определяют эту позицию.

2. Дан ездил в Париж по приглашению Французской социалистической партии.

по отношению к маленькой Грузии, отказ, мотивируемый тем, что Грузия завоевана большевиками, — этот вопрос должен быть поставлен на принципиальную высоту. Это вопрос более острый, чем вопрос о голосовании за бюджет. Если в последнем вопросе возможны колебания, то первый вопрос нельзя решить в два счета ссылкой на опасность, которой подвергается (якобы) кабинет Эррио.

Предположение о том, что грузины должны добровольно, своими руками разрушить свое официальное представительство, чтобы предупредить его ликвидацию внешними силами, вызывает со стороны П.Б. решительные возражения.

P.S. …Я прочел П[авлу] Б[орисови]чу написанное. Он находит, что все написано точно и даже подробнее, чем он написал бы, но просит прибавить. 1. Ф.И. мог принять его реплики за полусогласие, потому что это был второй разговор на данную тему. Разговор был короткий, — полчаса или 20 мин. В предыдущее свидание Ф.И. [Дан] высказывался гораздо решительнее, — по крайней мере, П[авел] Б[орисович] его понял в том смысле, что он предполагал подсказывать французам определенные решения. На этот же раз он как бы делал уступки П[авлу] Б[орисови]чу и обещал воздержаться от определенных высказываний перед французами и ограничиться советами грузинским товарищам. Вот к этим уступкам и относилось согласие или даже одобрение П[авла] Б[орисови]ча»[1].

Книга Каутского (т. н. «меморандум», о котором писал Войтинский) почти тут же вышла на русском языке в переводе И.Г. Церетели[2]. До знакомства с данным письмом Войтинского я и не знал, что Церетели занимался профессиональными переводами.

Вообще, 1924-й год стал годом дальнейшего обострения внутрипартийных отношений. Та часть партии, что была не согласна с Даном, подверглась с его стороны всяческому третированию. Тот же Войтинский сообщал Церетели: «…У нас в меньшевистском муравейнике тревога. Дан свирепо и бестол-

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 30. Folder 1. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 18 декабря 1924 г. Оригинал, рукопись.

2. См.: *Каутский К.* Социалистический Интернационал и Советская России. — Берлин, 1925.

ково левеет не по дням, а по часам. Несет безвкусную чепуху о революционности, марксизме и пр. По отношению к инакомыслящим справа — захудалый провинциальный трагик — "крови жажду!"; по отношению к милым шалунам слева — напускная строгость и готовность к всепрощающей, ласковой улыбке. Во мне это вызывает положительное отвращение — не только этическое, но даже эстетическое. Но в маленьком кружке, изображающем "русский с.-д. пролетариат", — восторг и преклонение перед мудростью "вождя"!»[1].

Это был год 60-летия Интернационала[2], 70-летия Карла Каутского, и подготовки к предстоящим в следующем году юбилеям Эдуарда Бернштейна и Аксельрода. Дану хотелось соответствовать своему новому, давно желанному, статусу, но ему это было трудно по многим параметрам, прежде всего, по личностным данным. Он суетился, мелочился, считал, что в Бюро Интернационала его недооценивают, Каутский и Бернштейн нападают не просто на партийную платформу, а на него лично, а Аксельрод вообще склоняется к правым. Отсюда и несколько сдержанная реакция Дана на все юбилейные мероприятия. По поводу Интернационала он ограничился редакционной статьей в «Социалистическом вестнике». Вынужденно публикуя при этом приветственную телеграмму Аксельрода, адресованную Исполкому Социнтерна, уберет ее с первых полос на третью, распорядившись набрать петитом. Его не очень устраивал текст послания: «...Да проникнется это собрание духом интернационализма наших почивших великих вождей и основателей Интернационала социалистических организаций. И да послужит оно новым толчком к такой же энергичной и принципиальной борьбе с бакунизмом, возродившимся под маской марксизма, и вооруженным всею мощью большевистского правительства»[3].

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 30. Folder 1. Письмо от 1 февраля 1925 г. Оригинал, рукопись, чернила.

2. Деятельность Международного Товарищества Рабочих, руководителем Генерального Совета которого был К. Маркс, началась28 сентября 1864 г. Почти тут же ему пришлось выдержать серьезную борьбу с раскольнической кампанией М.А. Бакунина и бакунистов, стремившихся создать свое тайное «Интернациональное братство» анархического толка.

3. Социалистический вестник. 1924. 8 октября. №19 (89). С.6.

В этом призыве к энергичной и принципиальной борьбе с большевизмом Дану померещился выпад против отстаиваемой им линии РСДРП.

На 70-летие Каутского Дан откликнулся дежурной кисло-сладкой статьей[1]. А Аксельрод, словно поддразнивая его, опубликовал в очередном номере «Социалистического вестника» подборку из своих писем Фридриху Адлеру и Карлу Каутскому, в которых вновь и вновь возвращался к своим резко отрицательным оценкам большевизма.

Из своего письма к Адлеру Аксельрод выберет для публикации самую неудобную для руководства Заграничной делегации характеристику юбиляра. «...Наш Каутский, — отмечалось в ней, — насколько мне известно, первый среди наших руководящих товарищей на Западе понял истинный характер большевистской диктатуры». И тут же, почти без перехода, Аксельрод вернулся к собственной формуле, впервые прозвучавшей еще в открытом письме Мартову: «...Большевизм есть ничто иное, как осуществление в действительности — в грандиозном масштабе в варварски-насильственных формах — заветов Бакунина и Нечаева, этих духовных предков большевизма»[2]. Но и это было не все.

В предложенном к публикации отрывке из своего письма к Каутскому Аксельрод опять вернется к данному вопросу, но уже с другой, международной стороны: «...Упомянутую мною в письме к Адлеру твою критику большевистской диктатуры следовало бы особо отметить, как крупную заслугу перед международным пролетариатом. Ведь радикально преодоление большевизма, разрушение легенды об его всемирно-освободительной исторической миссии есть одно из необходимейших, чтобы не сказать — самое необходимое, условие для полного преодоления идейного и политического кризиса, переживаемого еще нашим международным движением. Ибо этот кризис вызван, — если не исключительно и в конечном счете, то в очень значительной доле, — именно насильственной победой большевиков над их социалистическими противниками в Рос-

1. Там же. С.6–8.

2. Там же. 10 ноября. №21 (91). С.9.

сии и питается и поддерживается легендой об их исторической миссии»[1].

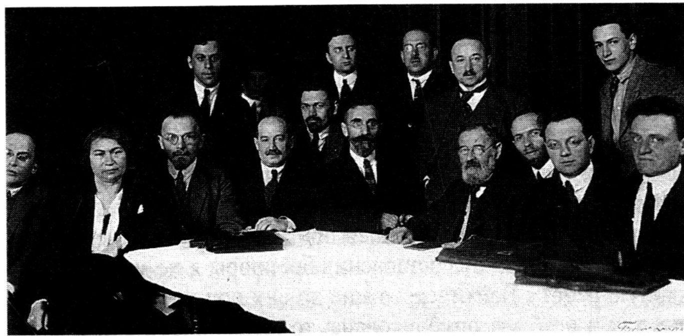
Открыто спорить с Аксельродом Дан не решался, но всячески стремился выразить свое несогласие с подобной позицией, и с такими оценками и выводами.

Юбилейный сотый номер «Социалистического вестника» в 1925 г. представит статью О. Бауэра «Европа и меньшевизм». Центральное место в ней занимало следующее утверждение: «Вопросом жизненной важности было для европейского пролетариата, чтобы его партии заняли правильную позицию по отношению к великому историческому явлению — большевистской революции, позицию, равно далекую от позиции реакционного мещанина и от позиции наивного энтузиаста. Эту позицию указала нам русская социал-демократия»[2]. Данной публикацией Дан как бы убивал одним выстрелом двух зайцев: демонстрировал неизменность собственных взглядов и поддержку их Бауэром.

Почти тут же он и сам выступит против Каутского, следовательно и против Аксельрода, со статьей «Каутский о русском большевизме»[3]. Своим оппонентам для подобного же ответа на новую пространную статью Бауэра в австрийской печати с поддержкой официальной позиции РСДРП — откажет.

Столь же двусмысленно он поведет себя и в отношении предлагавшегося «правыми» совместного чествования Аксельрода в связи с 75-летием. Сначала, когда в начале июня Войтинский от лица «правых» поднимет в Заграничной Делегации вопрос о создании «общей комиссии для подготовки чествования П.Б.» ему решительно откажут. Потом, под влиянием Николаевского, решение через неделю смягчат, и комиссия будет создана из представителей всех течений. Их же пригласят и для участия в специальном юбилейном номере «Социалистического вестника», «Одним словом, — писал Войтинский Церетели, — вопрос поставили — если не по-товарищески, то по-приличному»[4].

1. «Социалистический вестник». 1924, 10 ноября. №21 (91). С.9.
2. Там же. 1925, 4 апреля. №6 (100). С.9.
3. Там же. 1925, 20 июня. №11–12 (105–106). С.9–14.
4. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 30. Folder 1. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 16 июня 1925 г. Оригинал, рукопись, чернила.

Члены Заграничной Делегации РСДРП (слева направо) на чествовании 75-летия Павла Борисовича Аксельрода. Сидят: Григорий Осипович Биншток — до 1905 г. — большевик, затем меньшевик, с началом второй мировой войны принципиально порвавший с политикой; Ева Львовна Бройдо, отправившаяся в конце 20-х гг. в советскую Россию для нелегальной работы и сгинувшая в одном из централов НКВД в первые месяцы фашистского нашествия; Соломон Меерович Шварц; Исай Львович Юдин (Айзенштадт) — старейший бундист, скончавшийся в конце 30-х гг. в Париже; Борис Иванович Николаевский; Рафаил Абрамович Абрамович (Рейн) — так же, как и многие другие, бундист, один из учредителей ЗД и журнала «Социалистический вестник», с апреля 1940 г. (с небольшим перерывом по собственной просьбе) и до самороспуска ЗД в 1951 г. ее бессменный председатель; Павел Борисович Аксельрод; Григорий Яковлевич Аронсон; Петр Абрамович Гарви (Бронштейн); Марк Самойлович Кефали (Камермахер) — легендарный рабочий-печатник, выросший в крупнейшего деятеля российского профессионального движения. Стоят: Борис Львович Двинов (Гуревич); Анна (Нюся) Яковлевна Каплан, из числа основателей российской социал-демократической организации молодежи за рубежом; Давид Юльевич Далин — один из идеологов послеоктябрьского меньшевизма; Арон Аронович Югов — верный соратник Ф.И. Дана, секретарь-казначей ЗД; наконец, сам Федор Ильич Дан и Яков Львович Меринг — один из руководителей российской зарубежной социал-демократической организации, после второй мировой войны он станет физиком и вступит в ряды Коммунистической партии Франции.

В итоге ЦК РСДРП принял решение «осведомить Рабочий Социалистический Интернационал, организации партии в России и заграничные группы содействия» о том, что 25 августа избрано днем официального чествования П.Б. Аксельрода. Неофициально друзья отметили юбилей патриарха российской социал-демократии 13 июня. «…Были у Павла Борисовича, — сообщил Войтинский Церетели, — устроили ему маленький и очень скромный день рождения»[1]. Здесь же он информировал: «Для официального юбилея, перенесенного нашими партий-

1. Там же. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 17 июня 1925 г. Оригинал, рукопись, чернила.

Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) — историк, педагог, участник студенческих волнений в 1901 г. в Московском университете. В 1906 г. — кадет, с 1907 г. — член Народно-социалистической (с июня Трудовой народно-социалистической) партии. По т. н. делу «Тактического центра» в 1920 г. приговорен к смертной казни, замененной 10 годами тюремного заключения. Вскоре, благодаря вмешательству В. Н. Фигнер и П.А. Кропоткина, освобожден и выслан за рубеж. Ярый противник большевизма.

ными Талейранами на август, [Заграничная] Делегация поручила мне написать брошюру "Кто такой Павел Борисович и почему он не с большевиками" (инициатива и заглавие Петра Абрамовича [Гарви]). Я придал брошюре форму краткой партийной биографии. На днях сдам ее нашим хранителям основ древнего благочестия. Уверен, что сквозь левые очки они откроют в рукописи какую-нибудь ересь. Иметь какое-нибудь дело с этой группой товарищей противно до последней степени, но уклониться от составления брошюры я не мог»[1]. Найти данную работу Войтинского мне до сих пор не удалось, то ли она так и не была опубликована, то ли количество экземпляров столь мало, что в московских библиотеках она блистательно отсутствует.

Среди поздравивших Аксельрода с 75-летием был и историк Сергей Петрович Мельгунов, член Трудовой народно-социалистической партии. Он считал вооруженную борьбу единственно возможным средством для свержения власти большевиков, в корне не принимая в этом вопросе позиции официального руководства РСДРП. В своем письме от 2 сентября 1925 он писал:

«Глубокоуважаемый Павел Борисович!

С некоторым опозданием хочу Вас приветствовать в день Вашего семидесятипятилетия. Я не был счастлив во встречах с Вами, между тем у меня всегда было чувство любви к Вашему поколению. Со многими из Ваших сверстников у меня установились близкие отношения. Вы все как бы олицетворяете в себе все то лучшее, что было в нашей прежней интеллигенции. И в день Вашего юбилея мне хочется приветствовать Вас именно за стойкость убеждений. Большевизм послужил экзаменом для очень многих. И Вы один из тех, кто в рядах социал-демократии не боялся поднять голос даже вопреки господствующему настроению. О, как это важно для социализма будущего! Еще в России я знал о Ваших выступлениях. Они будут оценены в будущем. И Ваша прямота так гармонирует со всей Вашей жизнью. Еще раз присоедините мой голос к тем, для которых Вы одна из путеводных звезд.

Глубоко уважающий Вас *С. Мельгунов*»[2].

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 30. Folder 1. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 17 июня 1925 г. Оригинал, рукопись, чернила.
2. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 48. Folder 7. Оригинал, рукопись, чернила.

А расхождения с Даном лишь нарастали. Конечно, упомянутая нами дановская статья против Каутского была написана очень аккуратно и осторожно. Отметив заслуги Каутского «в истинно интернациональной постановке русского вопроса», тот утверждал, что не имеет никаких сомнений в том, что «большевистский деспотизм не менее, а более абсолютен, чем был деспотизм Романовых», неожиданно согласившись с тем, что «политическая обстановка последнего десятилетия монархии — царство свободы по сравнению с большевистской тюрьмой». Подчеркнув, что «Каутский тысячу раз прав, когда призывает Интернационал бороться с большевизмом как с величайшей опасностью для пролетариата»[1], он тут же вместе с тем заметил, что «ни русская социал-демократия, ни рабочий Интернационал не могут и не должны бороться с большевистским деспотизмом *такими же методами*, какими они боролись с деспотизмом царским». Доводы его в этом отношении не менялись.

Во-первых, Дан напоминал Каутскому, что тот сам когда-то объявил большевизм «дитем революции»; во-вторых, по-прежнему настаивал на том, что «при всем своем прогрессирующем вырождении (!)[2], он [большевизм] уходит корнями в русскую и международную пролетарскую почву»; в-третьих, вновь предупреждал, что активное выступление против существующего в большевистской России режима «неминуемо достигнет результатов, противоположных тем, к которым [он] стремится».

Не решаясь говорить о неизбежном торжестве «антиреволюционных и антипролетарских реакционных сил», Дан напирал на радикальное изменение соотношения классовых сил, и на то, что «историческая вероятность» т. н. «всенародного возмущения», на которое ориентируется Каутский, призывая ориентироваться в этом же направлении русских социал-демократов и Интернационал, мала. Да и она «с каждым днем все более и более убывает»[3].

Очень жаль, но там, где он оказывался дальновиднее своих оппонентов, Дан и сам, к сожалению, так и не понял, насколько

1. Социалистический вестник. 1925. 20 июня. №11/12 (105–106). С.10.
2. Классное словосочетание, ничем не хуже, чем выдуманный мной когда-то «прогрессирующая интернационализация культур народов СССР». См. первую книгу данного цикла. С.17.
3. Социалистический вестник. 1925. 20 июня. №11–12 (105–106). С.11.

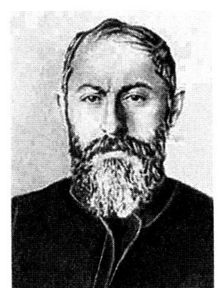
и в чем он бывал прав. Его утверждение, что в большевистской России нет никакой базы «для великой демократической революции», а существует возможность лишь «маленького *государственного переворота*, деятелями и использователями которого были бы опять-таки те или другие, но во всяком случае отнюдь не демократические элементы большевистского государственного аппарата», можно было бы назвать пророческой. Но оно вместе с тем не противоречило всем его предыдущим и последующим заявлениям.

К числу таких же неожиданно читающихся в наши дни соображений и выводов можно отнести и его возражение на призыв Каутского к международной социал-демократии — не отказывать в займах большевистской России, но давать их «на условиях, означающих смягчение ужасного гнета, тяготеющего над русским народом». В связи с этим Дан справедливо задавался вопросом: поскольку даже там, где социал-демократы у власти, государство буржуазное, «не превратится ли в реальной действительности лозунг Каутского в контроль финансового комитета Лиги Наций?».

Классовый запал данного вопроса, вполне совпадающий с запалом сегодняшних лидеров КПРФ, не снимает всей остроты сомнений в том, к чему может привести забота «о смягчении гнета, тяготеющего над народом», если его превратить в рычаг финансового давления[1].

Однако все эти соображения Дана были, скорее, оговорками, чем системой взглядов. Чем дальше, тем больше он считал, что «радужную утопию “немедленного” насаждения социализма в России мерами государственного насилия» уже можно «считать сданной в архив»[2], что «жизненность нашей партии, ее глубокие корни в рабочей массе признаются и правящей партией»[3], намекая на какие-то уступки, которые вырваны или могут быть вырваны социал-демократами у большевиков. Даже Жордания напишет Аксельроду по поводу подобных пассажей Дана: «…Откуда он это берет? Старая песня, но только не наша». И дальше, фактически повторив

1. Социалистический вестник. 1925. 20 июня. №11–12 (105–106). С.14.
2. Там же. 25 июля. №14(108). С.3.
3. Там же. 21 декабря. №23/24 (117–118). С.4.

Ной Николаевич Жордания (1869–1953) — в революционном движении с 90-х гг. XIX в., с момента раскола партии — меньшевик, лидер социал-демократической фракции первой Государственной Думы, после первой российской революции 1905–1907 гг. — сторонник создания легальной рабочей партии, в годы первой мировой войны — оборонец. В 1918 г. — один из основателей Грузинской Демократической Республики. После вторжения в 1921 г. советских войск в Грузию эмигрировал за границу.

пассаж из открытого письма Аксельрода Мартову: песня эта «кадетов, которые тоже ограничивались тем, что хотели вырвать уступки у самодержавия, хотя я нахожу, что последнее было легче, чем первое»[1].

Велеречивость и непродуманность этих и других заявлений Дана раздражала и угнетала Аксельрода. В номере «Социалистического вестника», который был посвящен его собственному юбилею, он выступит с защитой позиций Каутского[2].

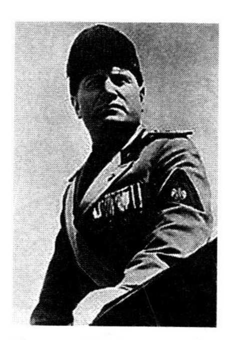
Внимательно проштудировав проект программы (Гейдельбергской) германской социал-демократии, материалы состоявшегося в ноябре того же, 1925-го, года съезда австрийских социал-демократов и новые статьи О. Бауэра к этому съезду, а ранее и к Марсельскому конгрессу Рабочего Социалистического Интернационала (РСИ), Аксельрод детально проанализирует их решения, на которые опирался Дан.

По поводу отношения Аксельрода к одной из статей Бауэра и о реакции на эту его оценку партийного руководства, Войтинский напишет Церетели:

«…Статью Бауэра я еще не прочел (получу ее только сегодня), но с содержанием ее знаком. О ней много говорили в наших кругах. Пав[ел] Борис[ович] возмущен ею до последней степени. Загр[аничная] Дел[егация], — возведшая в догму утверждение, что Бауэр — лучший марксист в мире и глубже всех понимает русские дела, и привыкшая ссылкой на этот авторитет отмахиваться от всякой критики против нашей “платформы”, — смущена. Но когда правые внесли предложение ответить Бауэру в “Соц[иалистическом] в[естнике]”, — подобно тому, как недавно отвечал Дан на брошюру Каутского, — это предложение было отвергнуто. Мотивировка: чувствительность к полемике и обидчивость Бауэра!

По существу же, мне кажется, что Бауэр вполне последователен. Из его позиции — “большевики — бесспорно революционная, бесспорно рабочая, бесспорно социалистическая партия” — он должен сделать еще и дальнейшие выводы. И, конечно, он их сделает, лишь только б[ольшеви]ки изменят свою

1. IISH. Pavel B. Axelrod Collection. Folder 45. Письмо Н.Н. Жордания П.Б. Аксельроду от 26 июля 1925 г. Оригинал, рукопись, чернила.
2. *Аксельрод П.Б.* Карл Каутский и Советская Россия //Социалистический вестник. 1925. 28 сентября. №17–18 (111–112).

Бенито Муссолини (Mussolini) (1883–1945) — итальянский социалист, исключенный из партии в 1914 г. и основавший в 1919 г. собственную, фашистскую партию. В 1922 г., захватив власть, установил в Италии фашистскую диктатуру.

тактику по отношению к европейской (или, хотя бы, только немецкой) социал-демократии, — а такое изменение тактики представляется в настоящее время вполне вероятным. Но ведь основное положение Бауэра — это откровенное выражение той мысли, которая лежит в основе официального меньшевизма! Возьмите нашу "платформу", переведите ее с меньшевистского жаргона недоговорок и оговорок на человеческий язык, прибавьте сюда жорданиевское противопоставление Европы России — и вот Вам Бауэр, — не только в его последней речи, но и в дальнейших речах, еще более откровенных»[1].

Аксельрод одним из первых поставит знак равенства между различными формами диктаторских политических режимов, возникших в странах, потерпевших поражение в годы первой мировой войны и культивирующих силу и террор в решении политических и социальных задач, независимо от их идеологических и структурных различий. Например, по поводу выступлений социалистической партии Италии против «исключительного режима», введенного в стране Бенито Муссолини, он сочтет нужным заметить: «А у нас? — 8 лет режима бесправия и произвола, который в муссолинии только теперь начинает воцаряться…»[2].

Чрезвычайно любопытно и его замечание, касающееся требований немедленного свержения фашистского режима адмирала Хорти в Венгрии: «Отчего падение большевиков должно привести к торжеству анархии и контррев[олюции] в России и [вызвать] реакцию во всей Европе? А падение Горти не повлечет за собою анархии в Венгрии?». Не менее любопытен и его собственный ответ на этот вопрос: «Не потому ли, что даже Горти, купно с победит[елями][3], не бросили Венгрию в такую бездну и не настолько обессилили население, чтобы оно не могло выбраться из той бездны, лишь только оно избавится от диктатуры Горти»[4].

Миклош Хорти (Horthy) (1868–1957) — контр-адмирал, в 1920–1944 гг. фашиствующий диктатор Венгрии.

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 30. Folder 1. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 1 января 1926 г. Оригинал, рукопись, чернила.
2. Там же. Box 29. Folder 2. Письмо О.И. Розенфельду от 7 января 1926 г. Машинописная копия.
3. Хорти был одним из участников подавления Которского восстания 1918 г. и Венгерской советской республики 1919 г.
4. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 279. Box 660. Folder 6. Машинописная копия.

Еще больше проясняют отношение Аксельрода к вопросу о сути диктаторских режимов в Европе первой четверти XX века значки и подчеркивания на полях статьи Давида Далина «Пути диктатуры».

«Наша большевистская диктатура, — писал Далин, — перещеголяла в одном отношении все формы диктатуры, существовавшей где-либо и когда-либо. Никогда господство государства не было столь всеобъемлющим и потому диктатура никогда не была *столь неограниченной*, как у нас. Нигде и никогда оппозиционная печать не была уничтожена на шесть лет, никогда полиция не господствовала восемь лет так решительно и бесконтрольно, никогда произвол властей не был столь безграничным. Поэтому препятствия, которые диктатура, начиная с определенного исторического момента, ставит общественному развитию, никогда не были так тяжелы, как сейчас у нас в России. В этом смысле диктатура Хорти и Муссолини далеко уступают большевистской диктатуре: ни в Венгрии, ни в Италии оппозиция не была так задавлена, независимый голос не был так придушен, как у нас. И что касается соблюдения своих собственных законов и норм, — то и тут бесстыдный произвол венгерской и итальянской диктатур во многом уступает диктатуре русской»[1]. Далее следовал текст, который, согласно приведенным выше высказываниям Аксельрода, требовал уточнения и удовлетворял его далеко не во всем: «О т ч а с т и, поэтому экономическое возрождение этих обеих стран пошло много легче и они сейчас гораздо ближе к своему довоенному экономическому уровню, чем Россия. О т ч а с т и, поэтому, но только отчасти. Между системой власти в этих странах с одной стороны, и в России — с другой, есть громадное различие в существе, в самом характере диктатуры. Это различие между революционной диктатурой — ибо таковой, несмотря на все превращения, остается и сейчас большевистская власть — и диктатурой контрреволюционной. Нетрудно видеть, что *это различие грозит сейчас обернуться острием против большевизма*… Опыт Италии и Венгрии показывает.., что, поскольку речь идет о буржуазном хозяйстве, *оно гораздо*

1. «Социалистический вестник». 1925, 25 июля. №14 (108). С.7.

5-5125

легче выносит путы буржуазной, контрреволюционной диктатуры, чем диктатуры революционной»[1].

Аксельрод в своих выводах более определенен и резок. По его мнению, разница между большевистской и фашистской диктатурами состоит лишь в одном. Одинаково ввергая людей в *бездны* бесправия и тягот, первая до основания ломает экономическую и социальную структуру общества и «обессиливает население» бессмысленным социальным экспериментом; вторая, также ломая и обессиливая людей ставкой на самое низменное в них, вместе с тем не уводит в сторону от общего пути развития человечества, значит, и вылезать из ее *бездн* должно быть проще, она не изменит ни природы людей, ни основ функционирования экономики. Любопытно, что в этом своем подходе он целиком и полностью разделяет данную Мартовым характеристику большевизма, как «противоестественной системы хозяйства и столь же противоестественной системы азиатского управления»[2], но не оставляет возможности квалифицировать большевистский режим как режим революционный. Мне вообще представляется, что роль Аксельрода в становлении и развитии т. н. теории тоталитаризма как теории, по определению Бернда Фауленбаха, «пытавшейся обобщить в одном основном типе определенные разновидности существовавших в XX веке режимов»[3], исследована мало. Можно говорить о ее узости и других изъянах, но нельзя отрицать того, что в конце 20-х гг., в значительной мере благодаря Аксельроду, уже просматривается тенденция к отождествлению большевизма и фашизма.

По письмам видно, что Аксельрод думал и говорил об этом достаточно много. Катарина (Екатерина Яковлевна) Германичкая-Адлер (1879–1969), жена Фридриха Адлера, писала ему: «…Из рассказа Фрица о его посещении Вас и о разговоре с Вами почувствовала, что Вы сердитесь на меня и считаете меня чуть ли не большевичкой; между тем мои “большевистские

1. «Социалистический вестник». 1925, 25 июля. №14 (108). С.7–8.

2. См.: Меньшевики в 1919–1920 гг. С.544.

3. См.: *Фауленбах Б.* Роль теорий тоталитаризма и социал-фашизма в отношениях между социал-демократами и коммунистами в 20-е и начале 30-х гг. //Сб.: Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. К 100-летию РСДРП. С.185–196.

симпатии” исчерпываются, в конце концов, тем, что считаю необходимым делать различие между большевизмом и фашизмом и считаться с выводами, которые из этого различия следуют»[1]. При этом она оговаривалась: «*различие существует*[2] не *в силу*, а *помимо* (часто и *вопреки*) деяний большевиков». И тут же, понимая, что вовлекает больного человека в слишком затянувшийся спор, добавляет: «Но не хочу, чтобы оправдать себя, утомлять Вас долгими теоретическими рассуждениями на эту тему». Затем, переходя на шутку: «Мне приходит в голову курьезная мысль, я думаю, что могла бы начать свое “оправдание” с другого конца, все же приведу в свое оправдание следующий — чисто психологический — момент. Если бы я была большевичкой, то непременно чувствовала бы себя, как-то даже автоматически, виноватой перед Вами».

Письмо завершается словами любви и уважения к Учителю: «Само собой разумеется, что ни самая горячая привязанность к Вам, ни преклонение перед Вами не могут помешать придти к другим, — чем Вы делаете, — логическим выводам. Но именно факт такого коренного сдвига от Вас — если бы он действительно имел место — вызвал бы чувство вины (хоть и невольной) перед Вами. А между тем этого чувства нет, я совершенно также считаю *именно Вас* своим учителем социализма, не только в его основных, теоретических вопросах, но и во всей его сущности, как *Вы* его понимаете и учите».

Это же могли сказать все, знающие и почитающие Аксельрода. Даже Дан и то в ряде статей продемонстрировал чисто аксельродовскую веру в «бесконечный», хотя и «не непрерывный» прогресс человечества, рассматривая иногда именно с этой точки то, что привык рассматривать исключительно с классовых позиций. Это относится, например, к статье Дана «Кризис демократии и кризис диктатуры», в которой тот констатировал: «Банкротство демократии! — с одинаковым азартом и злорадством провозглашают противники ее справа и слева, поклонники Муссолини и последователи Ленина: демократический принцип организованного самоуправления и господ-

1. IISH. Pavel B. Axelrod Collection. Folder 2. Письмо Катарины Адлер П.Б. Аксельроду от 2 декабря 1926 г. Рукописный подлинник, чернила.

2. Здесь и далее — подчеркнуто в документе.

ства большинства обанкротился; его должен сменить авторитарный принцип диктатуры сознательного меньшинства. Аристократия духа фашистского или большевистского командует: демос, людское стадо, во имя собственного блага, повинуется, другого выхода из тупика, созданного сумерками европейского капитализма, ни в ту ни в другую сторону, нет. Фашистский большевизм Муссолини или коммунистический фашизм Ленина — только на этих путях может человечество преодолеть кризис капитализма». И опровергал этот пессимистический вывод не только вполне привычными рассуждениями о кризисе отнюдь не самого принципа демократии, а его «определенной, исторически обусловленной и преходящей ф о р м ы демократической государственности».

Дан, указывая, что речь идет о кризисе *буржуазно-демократического парламентаризма*, о различии классовых интересов в этом *капиталистической буржуазии* и *пролетариата*, об исторической миссии пролетариата, призванного «под знаменем марксистского, *демократического* социализма» выполнить свою всемирно-историческую задачу — «освободить трудящееся человечество», вдруг смотрит на это шире. Как на торжество человеческого духа и «банкротство самого *принципа* диктатуры меньшинства, самого принципа терроризма»[1]. Совсем, как Аксельрод.

Реакция окружающих, письма и сохранившиеся пометки на различных документах, статьях и книгах помогают уточнить и представления Аксельрода по всегда волновавшим его вопросам сопротивления в России и за рубежом возможному наступлению реакции.

Опасность «торжества интернац[иональной] реакции на почве помощи России», — запишет как-то Аксельрод, — «...не в падении большев[истской] власти, а: с одной стороны, в обессилении масс насел[ения] России, а с другой — в готовности сов[етского] правительства для удержания власти в своих руках отдать страну на расхищение и в кабалу империалистам

1. *Дан Ф.* Кризис демократии и кризис диктатуры //Социалистический вестник. 1926. 11 июня. №11 (129); Там же. 26 июня. №12 (129 — так в журнале, надо 130, дальнейшая нумерация исправлена).

и капиталистам». А главным средством против этой опасности считал: внутри страны — «поднять дух и силу сопротивления населения, открыть хоть некоторый простор для его социально-политической активности», вовне — «интернац[ионально] организованное участие пролетариата в той помощи, которую правительства и частные бурж[уазные] помощи оказывают или будут оказывать России»[1].

Конспектируя воззвание германской независимой рабочей партии, он отметит «противоречие между принципиальной постановкой вопроса и практическими предложениями» в отношении организации помощи большевистской России, терпящей катастрофические бедствия от разразившегося в 1921 и последующих годах голода[2]. Это противоречие Аксельрод видел:

1) в сознательном отказе «от рассмотрения причин» этого голода, не только экономических, но и политических и социальных;

2) в полном игнорировании серьезного анализа того, «в чем должна состоять и как должна быть организована помощь России так, чтобы она явилась machtvolle Kundgebung des Proletariats[3]»;

3) в отсутствии даже постановки вопроса о том, «как предотвратить опасность торжества контррев[олюции]» в самой России; в доказательство записано: «Роспуск и арест Комитета, с Кишкиным во главе. Расстрелы». (Речь шла о судьбе Всероссийского комитета помощи голодающим, который возглавляли видные деятели бывшей кадетской партии — Н.М. Кишкин, Е.Д. Кускова и бывший министр торговли и промышленности, а с 29 сентября 1917 г. — продовольствия — «нефракционный социалист» С.Н. Прокопович);

4) в предоставлении «распределения пожертвований и прод[ольственных] продуктов» самой «советской власти»;

5) во вновь звучащих предупреждениях «против опасности низвержения сов[етского] правительства».

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 279. Box 660. Folder 6. Машинописная копия.

2. Там же.

3. Machtvolle Kundgebung des Proletariats (*нем.*) — могучая демонстрация пролетариата.

Руководители Всероссийского комитета помощи голодающим, который Ленин назвал ПРОКУКИШ:
Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) — экономист, общественно-политический деятель, идеолог «экономизма», член «Союза освобождения», в 1906-м — член ЦК кадетской партии, в 1917-м — входил в состав коалиционного Временного правительства; в эмиграции с 1922 г., когда оказался в числе выдворенных из большевистской России как один из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим. Как и его жена Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958), которую долгое время мы знали только как автора т. н. «Кредо», толковавшегося ортодоксальными марксистами в качестве программы «экономистов». Она прожила долгую, трудную и достойную жизнь. Это ее звали в годы гражданской войны «нинисткой», за ее лозунг: «Ни Ленин, ни Колчак!». Третьим был Николай Михайлович Кишкин (1864–1930) — врач физиотерапевт, член «Союза освобождения», один из лидеров кадетской партии, дела и судьба которого заслуживают своего биографа.

Конечно, сохранились далеко не все журналы, книги и рукописи с интересующими нас пометами Аксельрода на полях. Да и те, что сохранились, разбросаны по разным архивам и библиотекам Европы и Америки. Так экземпляр книги А. Н. Потрéсова «В плену у иллюзий (Мой спор с официальным меньшевизмом)», вышедшей в 1927 году в Париже, с дарственной надписью автора и весьма важными заметками Аксельрода неизвестно как занесло в библиотеку университета Чикаго (University of Chicago Library).

В свое время автор выслал ее адресату как только получил первые экземпляры книги из типографии. На титульном листе — весьма существенная для понимания отношения Потрéсова к Аксельроду надпись: «Дорогому и глубокоуважаемому Павлу Борисовичу Аксельроду от любящего А. Потрéсова. 21 июня 1927 г.». Сохранились и приложенное к этому письмо автора и благодарственный ответ адресата.

«Большое Вам спасибо, — писал Аксельрод, — за то, что прислали мне свою книгу. С огромным интересом прочел или, вернее, пробежал или быстро — на мой масштаб — проглотил ее, в тот же вечер, когда получил ее. Но, хотя это продолжалось несколько часов, от 8 часов вечера до полуночи, я твердо решил второй раз, уже внимательно, прочитать ее, к чему смог приступить только в понедельник, т. к. в воскресенье до самого вечера, приблизительно до девяти, у меня были гости — товарищи»[1].

О повторном, «уже внимательном», чтении и, видно, не раз свидетельствует огромное число помет и заметок. К сожалению, я не знаком с ними сам, а могу судить лишь по тому, как прочла и суммировала их в начале 60-х гг. Ю. А. Каммермахер, секретарь американского межуниверситетского проекта. Она специально занималась этим по поручению руководителя проекта профессора Леопольда Хеймсона. Именно ее выписки распечатаны на машинке и хранятся как в амстердамском архиве Международного института социальной истории, так и в коллекциях Николаевского в Гувере и Сапира — в Бахметьевском архиве. Есть они и в личном фонде Леопольда Хеймсона в том же архиве. В дальнейшем мы будем цитировать их по последнему источнику без дополнительных ссылок.

По записям Юлии Каммермахер, суммарно заметки и записи Аксельрода можно разделить на несколько групп.

Первая — знаки одобрения:

«Это верно!», «Удачно формулировано!», «Справедливо!», «Прекрасно!» и др.

Это касается, прежде всего, тех мест, где Потрéсов отмечает «реакционное и реакционизирующее» влияние режима большевистской диктатуры на пролетариат и крестьянство[2].

Аксельрода занимает и вывод Потрéсова, что «социалистически маскированная деспотия есть враг социализма вдвойне»[3].

Он отмечает Потрéсовские указания на моральную дискредитацию и «загаженность» социализма большевистской прак-

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 16. Box 44. Folder 18. Машинописная копия.

2. Страница 41-я книги Потрéсова.

3. Там же. С.60.

тикой[1], на отрицательный баланс международного влияния русской революции из-за иллюзий лидеров Социалистического Интернационала («не без определенного, — как он отмечает, — содействия в этом со стороны официального меньшевизма»), «о пролетарско-социалистическом характере большевистской деспотии»[2] и многое, многое другое.

Вторая группа маргиналий, их больше всего, — вопросы.

Вопросы к Потрéсову. К себе. К партийному руководству.

Иногда тут же ответы. Свои. Порой совсем иные, чем те, что дает Потрéсов. Так, на первых же страницах Аксельрод подвергает сомнению утверждение, будто ко времени октябрьского переворота и выборов в Учредительное Собрание в противовес мартовскому интернационалистскому крылу, начавшему доминировать над партийным центром, стало набирать силу правое течение[3]. Впрочем, это сомнение, скорей всего, результат простого незнакомства с истинным положением дел. Это естественное желание уточнить, прежде всего, для себя: тождественно ли в данном случае «правое» крыло партии с «оборонческим»? При работе над первыми томами документальной истории меньшевизма в 1917 году и мы ломали головы над этим. Ко второй части третьего тома убедились в правоте Потрéсова. Как и в том, что понятие «оборонцы» — значительно шире понятия «правые». У Аксельрода тех документов, которые удалось собрать и опубликовать нам, не было.

Такими же, уточняющими, являются и его вопросы на страницах 10, 11, 13. Однако дальше встречаются и такие, что показывают: ставя их, Аксельрод как бы размышляет вслух, стараясь найти для себя то, что могло бы хоть как-то примирить его самого не с позицией Потрéсова, а с позицией «официального меньшевизма», выступая в непривычной для себя роли если не адвоката, то его помощника. Так, заявление Потрéсова, будто Мартов в Апрельских тезисах подводит к выводу о возможности рассматривать гражданскую войну как одну из допустимых форм политической революции, вызывает у него вопрос: «А предположить даже “возможность” нельзя?»[4].

1. Страницы 81–83 книги Потрéсова.
2. Там же. С.100.
3. Там же. С.3–4.
4. Там же. С.12.

Там, где, излагая концепцию Мартова–Дана времен гражданской войны, Потрéсов будет «педалировать» на том, что именно тогда «окончательно» оформится представление о большевизме, достигшем власти, как о революционно-утопическом представительстве социалистического пролетариата, поднявшемся на гребне стихийной крестьянской войны», Аксельрод поставит вопрос перед определением пролетариата как «социалистического», но, вместе с тем, запишет: «К сожалению, разве это неправда?»[1].

Уже на следующей странице Аксельрод пойдет еще дальше, поддержав против Потрéсова утверждение Дана о том, что из-за отмеченной выше особенности характера российского пролетариата против большевистской революции восставать нельзя. «Увы! — отметит он, поддерживающий, как мы знаем, идею Каутского о неизбежном “всенародном возмущении”, — Это правда!». Однако тут же по поводу приведенной Потрéсовым установочной цитаты из апрельских тезисов Мартова о том, что «партия по-прежнему стремится путем организованного давления масс вырвать у существующей власти такие политические уступки, которые позволят им добиваться и добиться торжества своей воли над произволом диктаторов», не выдерживает собственного объективизма. Аксельрод вновь переходит на сторону Потрéсова, вопрошая с иронией: «А где возможность организовать такое давление масс?»[2].

В последующем эта ирония лишь наберет силу. Уже по поводу приводимой автором цитаты из партийной платформы 1924 года о «последовательном нарастании сил трудящихся», как выходе из тупика она станет убийственной. Аксельрод ставит, фактически напрямую обращаясь к Дану, сразу два вопроса:

«Спасение, конечно, в диалектике процесса?» и

«За отсутствием этого — “соглашение” с властью или с “оппозицией”?»[3].

В этих вопросах — отголоски важных событий и споров.

Записывая о «спасении в диалектике», Аксельрод, как мне представляется, тем самым поминал, отнюдь не «добрым»

1. Страница 34 книги А.Н. Потрéсова.
2. Там же. С.37.
3. Там же. С.43.

словом, утверждение Дана 1925 года о том, будто обострение внутрипартийной борьбы в стане большевиков в преддверии XIV съезда РКП (б) свидетельствует о «начале конца диктатуры»[1].

Вопрос о «соглашении» с властью или оппозицией отражает споры вокруг доклада того же Дана «Об основах стратегии РСДРП в период ликвидации большевистского режима», который он прочел в клубе имени Мартова в Берлине в начале 1926 года. Суть его состояла в том, что следует искать соглашения с левой, троцкистской оппозицией. Принявшие участие в обсуждении выдвинули свои предложения: Далин — «искать соглашения с правой реалистически мыслящей оппозицией», другие, из круга, близкого к Дану, — «с центром, с группой Сталина», а «правые» (Войтинский, Гарви и Кефали) — требовали вообще отвергнуть идею какого-либо соглашения с кем-либо из большевиков и подчеркнуть «коренную противоположность идей» РСДРП и РКП(б). Войтинский остроумно заметит по этому поводу: «...Разложение большевистской партии получило в меньшевистском зеркале адекватное отражение»[2].

Кстати, из области идеи Дан к концу лета 1926 г. попробует перевести вопрос в плоскость конкретных решений. В письме к членам Бюро ЦК РСДРП от 13 сентября 1926 г. он укажет прямо: «следует искать сближения»[3]. Не поэтому ли там, где Потре́сов в своей книге назовет Ф.И. Дана лидером «партийного большинства», Аксельрод отметит: «Действительно ли “большинства”?»[4].

Всю затаенную боль одного из основоположников российской социал-демократии выдаст вопрос, поставленный на той же странице напротив рассуждений Потре́сова о вере в партию, в ее способность к ориентировке в новых условиях и надежде на ее «возможную активность» в момент перехода к но-

1. *Дан Ф.* Новый фазис междоусобицы //Социалистический вестник. 1926. 18 сентября. №17–18 (135–136). С.2.

2. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 16. Box 30. Folder 1. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 4 марта 1926 г. Оригинал, рукопись, чернила.

3. См.: *Дан Ф.И.* Письма (1899–1946). Отобрал, снабдил примечаниями и очерком политической биографии Борис Сапир. — Amsterdam, 1985. Приложения. С.580.

4. Страница 93-я книги Потре́сова.

вому революционному подъему: «Но что делать и какие шансы для наступления этого “перехода”?». Заметим, Аксельрод имеет в виду не наступление революционного подъема, а лишь наступление *перехода* к нему.

Вместе с тем он все еще пытался защищать партийного лидера, а с ним и всю партию. Когда Потре́сов попытается (по поводу статьи Дана «Десятилетие революции»[1]) иронизировать[2], Аксельрод с грустью отметит, что не видит в дановском выражении никакой «ереси». А об утверждении, что в русской революции заложена тенденция «дойти до крайних пределов возможного в буржуазном обществе», он не увидел никакого отступления «от нашей старой программы». И подчеркнет: «Эта “тенденция” одушевляла нас в эпоху довоенную и до октябрьского переворота».

В том же месте, где Потре́сов напишет: «...парадные размышления Дана звучат для моего уха нестерпимой насмешкой над действительно трагическим смыслом русской революции 17-го года» (там же), Аксельрод обронит: «Плохо, если так звучат».

Еще одна группа маргиналий носит уточняющий, редакционный характер. Однако, несмотря на их интерес, в конечном счете, не они позволили Аксельроду сформулировать первое впечатление от работы Потре́сова. Он писал автору:

«Что с Вашей характеристикой и принципиальной оценкой октябрьского переворота и его последствий я не могу не быть вполне согласен, в этом, надеюсь, Вы не сомневаетесь. Хотя бы потому, что Ираклий Георгиевич и Петр Абрамович [Гарви], с которыми Вы находитесь в более или менее близких сношениях, знакомы с моей точкой зрения, и вообще с моим отношением к этому перевороту и ко всему большевистскому режиму». И добавил: «Мало того: в третьей главе специально, да и в других главах, этот режим, его сущность и характер очерчены такими яркими красками, так рельефно и блестяще, что я, при чтении этих мест, испытывал, не знаю, как лучше выразиться, большое нравственное удовлетворение. И своего рода, эстетическое удовольствие.

1. Социалистический вестник. 1927. 12 марта. №5–6 (147–148).

2. Страницы 94-я и 95-я книги Потре́сова.

И все же я бы лицемерил, если бы сказал, что книга меня вполне удовлетворяет, что она не вызвала у меня никаких критических замечаний, что я, одним словом, безусловно похвально могу отозваться о ней.

В этой двойственности или, если угодно, отчасти противоречивости впечатления ее на меня заключается невозможность для меня дать цельный положительный отзыв о ней, конкретизировать и обосновать его в письме. Я, как и все меньшевики, не согласные с официальным центром нашей партии не в меньшей мере, чем Вы, резко расхожусь с ним. И еще большой вопрос, выражает ли этот центр, взгляды и настроения большинства партии. По некоторым сообщениям, можно думать, что большинство отнюдь не разделяет "иллюзий" центра или "делегации" и отнюдь не находится "в плену" у этих иллюзий. И, быть может, гораздо ближе будет к истине говорить об иллюзиях кружка или группы, в руках которой находится литературный орган партии, чем официального большинства. Беда лишь в том, что антииллюзионная оппозиция, вследствие особого стечения обстоятельств, представляет собою пассивную — организационно, и, отчасти, идейно, — распыленную массу. Но это — особый вопрос, неразрывно связанный с условиями и обстоятельствами, доставившими идейную и литературную гегемонию у нас именно той группе, которая до сих пор еще не освободилась из плена большевикоподобных иллюзий»[1].

Как видим, Аксельрода раздражали в работе Потрéсова, прежде всего, два момента. Первый, что тот считал взгляды Дана официальными взглядами большинства партии. И второй — что тот по-прежнему называл ее меньшевистской, несмотря на уже поминавшееся нами ранее постановление ЦК 1918 г.

«Скажу мимоходом, — отметит Аксельрод, — что пора бы нам называть свою партию не "меньшевистской", а просто и исключительно социал-демократической. Раз большевики величают себя коммунистами, в противоположность социал-демократам, да еще ухитрились своих социалистических противников заставить признать их подлинно «коммунистической

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 16. Box 44. Folder 18. Машинописная копия.

партией», то непонятно, почему нам сохранять за собою старую, навязанную нам большевиками, кличку и тем питать старое, окончательно лишенное реального основания, представление о наличности в России другой, большевистской, социал-демократической партии»[1].

Конечно, не могло не задеть Аксельрода и то, что Потрéсов связал всю борьбу с иллюзиями официального партийного руководства, прежде всего, с выступлениями правых, помянув в этой связи лишь Португейса (Ст. Ивановича), организовавшего к тому времени выпуск своего журнала «Заря», занимавшего по многим вопросам позиции, противоположные позициям «Социалистического вестника». Обидно было не то, что Потрéсов вообще обошел молчанием аксельродовское письмо Мартову. Главное, что в данном случае умалчивание искажало лицо всей партии, способствуя утверждению черно-белого деления на «правых» и «левых».

Свой основной вывод о книге Потрéсова Аксельрод сформулировал в письме к нему следующим образом: «Вы совершенно справедливо говорите, что "с пассивной апелляцией к эмпирике далеко не уйдешь и непременно провалишься на ближайшей переэкзаменовке". Ваша брошюра отнюдь не простая апелляция к эмпирике, Вы пытаетесь и теоретически обосновать свою принципиальную позицию. Но вот именно в теоретическом отношении (я имею в виду и некоторые замечания исторического или ретроспективного характера) я не могу во всем солидаризироваться с Вами»[2].

Для суммарной и краткой характеристики аксельродовских оценок книги Потрéсова обратимся к одному из писем Войтинского к Церетели:

«...Хотел писать Вам о книге Потрéсова. Но, вероятно, снова отложил бы, если бы не Павел Борисович. Мы были у него вчера (5 июля 1927 г. — *А.Н.*), говорили об этой книге, он развивал свои мысли и все жалел, что не может написать Вам. Я обещал ему, что передам Вам весь наш разговор, — и настоящим исполняю обещание.

1. Там же.
2. Там же.

Владимир Савельевич Войтинский, Павел Борисович Аксельрод и Борис Моисеевич Сапир.

Сперва П[авел] Б[орисович] заставил меня высказаться о книге А[лександра] Н[иколаевича]. Мое мнение: книга не дает обоснования новой какой-либо тактики и вообще не содержит существенно новых мыслей и аргументов; вопрос о большевизме поставлен в ней не во всю широту, а в весьма узком разрезе, в плоскости критики определенных фракционных документов, оценка которым уже давным-давно дана; но за всем этим, книга А. Н. превосходна по блеску внешней формы, по яркости темперамента, по благородству тона, по исключительной силе аргументации. Короче, А. Н. сказал то, что много раз было сказано до него, но сказал это с исключительным блеском и мастерством, как это до него — это — никто не говорил.

Вот, приблизительно, что высказал я П. Б.

Оказалось, что и П. Б. очень высоко ценит блестящую форму книги А. Н. (об этом он уже писал автору), но недостатком книги он считает не только сужение темы, но и целый ряд неверных, по его мнению, утверждений А. Н. и эгоцентрическое построение книги. Неверна концепция А. Н. о связи большевизма и "венских" настроений с интернационализмом времен Всемирной Войны; неверно утверждение, будто "правый" меньшевизм вышел из той концепции, которую защищал в годы Войны Потрéсов с кучкой своих единомышленников; политически ошибочна попытка нынешнюю критику официального меньшевизма связать с этой концепцией, несостоятельность которой достаточно доказана жизнью; нельзя изображать дело так, что все, мол, находятся в плену у иллюзий, когда с этими иллюзиями все эти годы велась вполне определенная — хотя, б. м., недостаточно энергичная — борьба; нельзя при выступлении такого стиля, как настоящее выступление Потрéсова, забывать о таких моментах партийной жизни, как декларация, оглашенная Вами в Учр[едительном] Собр[ании], борьба правых в комитетах и во внутрипартийных совещаниях и т. д., и т. д. Засим следуют некоторые частные замечания теоретического характера. Но их П. Б. не развил достаточным образом»[1].

Еще более выверенно, доказательно и литературно Аксельрод отношение к книге Потрéсова выскажет в беседах, записанных Б. Сапиром[2]. В них много верных и точных замечаний. Мы приведем их полностью в приложении, а здесь просто заметим, что, несмотря на все расхождения, замечания и возражения, Аксельрод был более близок к Потрéсову, чем к Дану, и ему, в итоге, придется даже выступить в роли защитника Потрéсова от нападок на него со стороны Дана. Рассмотрим лишь некоторые из наиболее важных, на наш взгляд, в этом отношении пометок, сделанных Аксельродом на полях машинописи статьи Дана «В плену прошлого», направленной против книги Потрéсова[3].

Так, к утверждению о том, что тот «будто и не подозревает, что десятки миллионов рабочих и крестьян пережили эту "стихию" в весьма реальной плоти большевистского фазиса революции», Аксельрод припишет, явно для себя, словно продолжая собственные рассуждения по этому поводу: «Пережили, вроде того, как пережили миллионы рабочих и крестьян в Италии фашизм».

Касаясь заявления, будто для Потрéсова вообще не существует вопроса о борьбе с надвигающимся бонапартизмом, ко-

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 16. Box 30. Folder 1. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 6 июля 1927 г. Оригинал, рукопись, чернила.

2. Там же. Машинописная копия.

3. IISH. Pavel B. Axelrod Collection. Folder 100. Рукописные пометки Аксельрода на машинописи статей Дана против Потрéсова. Карандаш.

кой характеристикой большевистского режима и четкой критикой «официального меньшевизма», выражает их собственное давнее настроение и критическое отношение к его иллюзиям. Но разве отрицание этих иллюзий означает уже «перестройку» своего идейного фронта? И формулировка или постановка этого вопроса и попутная мотивировка его, исторические и теоретические соображения Ваши кажутся мне не всегда правильными, во всяком случае, сомнительными и способными вызвать недоразумения. Не могу коротко и быстро письменно конкретизировать свои мысли, а письмо все-таки пора отправить.

В заключение не могу не высказать Вам своей радости по поводу появления Вашей работы, хотя бы потому, что она свидетельствует о значительной поправке Вашего здоровья. Я знаю, что Ваше здоровье отнюдь еще не восстановлено, но оно позволяет Вам литературно отстаивать, защищать и пропагандировать свои взгляды, т. е. активно выступать на общественной арене, а это для нас величайшее благо. Когда Вы приехали сюда тяжело больным с «того света», я опасался очень вызывать Вас на обмен мыслями. Я был несказанно рад тому, что Вы спасены, с надеждой[1] на возможность возвращения на общественную сцену. Теперь я рад, что могу выразить твердую надежду на дальнейшее и прочное восстановление Ваших сил и широкой литературной активности. От всей души желаю Вам того и другого.

Крепко жму руку, и шлю сердечный привет Вам и Екатерине Николаевне[2].

Ваш *П. Аксельрод*

1. Здесь и далее подчеркнуто П.Б. Аксельродом.

2. Потрésова (урожденная Тулинова) Екатерина Николаевна (1873–1942) — с середины 90-х гг. XIX в. участница революционного движения в России. В 1897-м арестована по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». После года тюремного заключения, административно высылается в Вятскую губернию на три года. В ссылке познакомилась с А.Н. Потрésовым. После окончания срока, в конце 1901 г., недолго проработав земским статистиком в Смоленской губернии, отправилась за границу — в мюнхенскую редакцию «Искры». Оттуда, по приглашению Потрésова, — в швейцарский санаторий, где он лечился от туберкулеза. Из Швейцарии, в июне 1902 г., они уехали уже вдвоем, и уже не расставались ровно 32 года, до момента кончины Александра Николаевича в Париже, в ночь на 11 июля 1934 г. См.: *Павлов Д.Б.* От составителя. Вступительная статья к сб. *Потрésов А.Н.* Избранное. — М., 2002. С.17–18.

2.

Берлин, 30 июля 1927 г.

Дорогой Александр Николаевич!

Из Вашего письма узнал, что Гарви и Войтинский чуть не упрекают Вас в умолчании о моем участии в борьбе с большевиками. Мне крайне неприятен этот «упрек» с их стороны, который я считаю частью несправедливым, частью основанным на недоразумении. Я даже под первым впечатлением по прочтении Вашей работы не раз и не два, а несколько раз напоминал Гарви и другим, что Вы, живя долго в исключительных условиях, могли и не знать о моей деятельности, по внешности не громкой, не сенсационной и не блестящей.

Выражал я действительно нечто вроде упрека лишь по адресу Ир[аклия] Георгиевича, который, будучи знаком с моей деятельностью, мог бы обратить на нее Ваше внимание. Да и в этом случае, я касался и упрека по адресу Церетели лишь в связи с тем, что, как мне казалось, он мог бы обратить Ваше внимание на некоторые факты и моменты из прошлого в отношении партии к большевикам. Между прочим, я упоминал особенно такой яркий и характерный факт, как поистине героическое, чрезвычайно мужественное и блестящее выступление Церетели от имени всей партии в У[чредительном] С[обрании]. Речь его напечатана, и переведена мною на немецкий язык, но перевод остался в рукописи. Мне о ней, и о том, как Ц[еретели] заставил буйную массу матросов и других большевистских дикарей выслушать ее, рассказал очевидец-француз, хорошо знавший русский язык.

Но, что касается моей работы, то ведь она, собственно говоря, вращалась в совершенно другой сфере, и имела другой характер и содержание, чем Ваша брошюра. Она, конечно, также, и притом исключительно, направлена была на борьбу против большевиков. Но я обращался исключительно к западному социалистическому пролетариату и фактически совершенно оставлял в стороне (по крайней мере, литературно) наших русских товарищей, исходя (к сожалению, совершенно напрасно), как из чего-то само собою разумеющегося, из того, что люди, закованные в цепях, и изнывающие под гнетом своих мучителей, не нуждаются в выяснении им жизненной необ-

ходимости в освобождении от своих угнетателей. Это, конечно, была большая ошибка. Но я теперь специально упоминаю о ней потому, что если считать, что умолчание обо мне Вами нуждается в «оправдании», то оно заключается, между прочим, и в том, что я и не ставил себе в своей борьбе против большевиков той задачи, которую Вы себе ставили, принимаясь писать брошюру.

Собственно говоря, не только Гарви и Войтинскому, но и мне самому, только теперь вполне стало ясно, что по ходу изложения и непосредственной цели Вашей работы, Вам и надобности не было отметить Вашу солидарность со мною специально в вопросе о борьбе с большевиками, тем более, что голое указание на нее было бы недостаточно или одностороннe. Несравненно проще, т[ак] сказать, прямолинейнее, солидарность Ваша с «правым» течением в целом, и недостаточное, слишком беглое указание на это — является действительным пробелом.

Как бы то ни было, я решительно не могу солидаризироваться с упреком В[ойтинского] и Г[арви] Вам, поскольку он касается моей особы. Обоих теперь нет в Берлине. По-видимому, никто из них не сообщил Вам моих критических замечаний вообще о Вашей книге. Хотя я и об этом не просил их, но, по крайней мере, это не порождало бы такого недоразумения, как будто я считаю Ваше умолчание моего имени, чем-то «преднамеренным» с Вашей стороны. Ничего подобного!

Крепко жму Вашу руку, и горячо желаю Вам совсем поправиться, иметь силы и энергию, необходимые Вам для Вашей литературной деятельности.

Привет Екатерине Николаевне.

Ваш *П. Аксельрод*

Беседы, записанные Б. М. Сапиром[1]

I.

Книга А. Н. Потрéсова вызывает много ожиданий. И тон, в котором выдержана вся книга, и цели, которые ставит себе автор, — призыв ко всей партии, ко всем товарищам призадуматься, куда идти и что делать дальше, — и, наконец, самый факт первого после долгого вынужденного перерыва литературного выступления столь авторитетного партийного товарища и политического деятеля, — все это дает право предъявлять к «В плену иллюзий» большие требования.

Правда, Александр Николаевич оговаривается, что он не берет на себя роль беспристрастного историка. Все, что он хочет — разобраться[2] в вопросах, волнующих всех русских революционеров и социалистов, и внести в них ясность. Поэтому от его работы должно было ожидать и полноты и исчерпывающей обрисовки основных проблем.

Русская социал-демократическая литература знает примеры выступлений, которые пытались в самые трудные полосы, переживавшиеся революционным движением, во весь рост поставить больные вопросы и давать на них ответы. Г. В. Плеханов, выступая с «Нашими разногласиями» и с «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», чувствовал себя активным участником событий, политическим борцом, а не кабинетным литератором. Между тем, с какой исчерпывающей полнотой изложены у него все тогда злободневные проблемы дня.

К сожалению, такой полноты нет в работе тов. Потрéсова. Ряд вопросов он лишь слегка затрагивает, ряд других обходит молчанием. И тем самым умаляет достоинства своей во многих частях хорошей книги.

Прежде всего, о недоразумениях, вызываемых неполнотой и неточностью изложения А. Н. Потрéсова.

Излагая генезис разногласий среди русских социал-демократов, А. Н. Потрéсов сопоставляет два течения. Одно «пра-

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 16. Box 44. Folder 18. Машинописная копия. Экземпляры записи имеются также в IISH и BAR.

2. Здесь и далее подчеркнуто в документе.

На фронтоне памятника значилось: «РСДРП — в изгнании почившим».

Несколько лет у памятника в апреле[1] собирались российские социал-демократы, их коллеги из европейских партий, родные и близкие. Дальнейшая его судьба была трагической. Во второй половине 30-х гг., скорей всего, в результате т. н. «расовых» чисток ряда кладбищ Берлина в годы национал-социалистического режима, памятник с урнами российских социал-демократов бесследно исчез[2].

……………………………………………………………………

Надгробие на кладбище Веддингского крематориума в Берлине, восстановленное в конце 90-х гг. XX в. И.Х. Уриловым.

Вскоре после смерти Аксельрода началась подготовка к изданию сборника его избранных трудов.

ал-демократии. К 100-летию РСДРП. С.146. Урилов утверждает, что памятник открыли не 17-го, а 19 апреля. Там же. С.133. На всякий случай, привожу обе даты.

1. День 16 апреля в память об Аксельроде объявили днем поминовения всех российских социал-демократов-изгнанников. См. там же.

2. Об этом и о том, как в начале 90-х гг. были предприняты И.Х. Уриловым поиск и восстановление исчезнувшего братского памятника в Берлине см. сборник: Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. К 100-летию РСДРП. С.132–135.

Согласно воле покойного, сборник должен был включать его работы за последние десять лет. Но именно это и вызвало серьезное противодействие со стороны руководства партии. Начался новый виток внутрипартийной борьбы, теперь уже вокруг литературного наследия Аксельрода.

На том, что сборник должен состоять «из произведений П.Б. за различные периоды его деятельности», настаивал Ф.И. Дан. По мнению же В.С. Войтинского, выступавшего в роли ответственного составителя, это являлось отступлением от воли покойного и уводило в сторону от его суждений и оценок послеоктябрьского периода, превращая сборник в «нечто вроде хрестоматии аксельродовских идей»[1].

Дан категорически возражал против включения в сборник статей последних десяти лет. При этом он ссылался на то, что предлагаемый Войтинским план вряд ли «…удовлетворил бы собственным желаниям П.Б.», ибо на $^9/_{10}$ состоял бы из работ, направленных против тактики партии в вопросе о большевизме, и некоторых ее утверждений о его характере, которые сам Аксельрод якобы никогда не собирался обнародовать. При этом в ход было пущено и упоминание о том, что такое же мнение некогда высказал и сам Войтинский в одной из статей об Аксельроде в «Социалистическом вестнике»[2].

В конце концов, при поддержке Б. И Николаевского, Войтинскому удалось уговорить Дана на подготовку сборника из двух частей, включающих как ранние работы, так и отдельно работы последних лет. Последнее слово оставалось за Церетели, который, по завещанию Аксельрода, выступал его душеприказчиком.

Не желая вконец портить и без того неважные отношения с Даном, Церетели решил поддержать наметившийся компромисс. «Я думаю, — ответил он Войтинскому, — тот план, на котором Вы и Ф.И. [Дан] и Б.И. [Николаевский], в конце концов, остановились, действительно, самый лучший. Хотя при жизни П[авел] Б[орисович] мечтал о таком именно сборнике, который Вы в начале переговоров с Ф.И. [Даном] предложи-

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 30. Folder 1. Письмо В.С. Войтинского И.Г. Церетели от 6 мая 1928 г. Оригинал, рукопись, чернила.

2. Социалистический вестник. 1928. 3 мая. №8–9 (174–175).

ли, но теперь, после его смерти, целесообразно боевую задачу текущего момента соединить с историческим освещением деятельности П[авла] Б[орисовича]. Заключительная, боевая часть сборника не только не пострадает от присоединения важнейших прежних произведений П[авла] Б[орисовича], но ее сила еще более увеличится, ибо вся работа П[авла] Б[орисовича] в последние десять лет органически вытекает из предшествующей его деятельности и является лучшим ее завершением»[1].

Однако против того, что Аксельрод «колебался» выносить свои разногласия с партийным руководством «за пределы узких организационных рамок», речь, в частности, шла по поводу его открытого письма Мартову, и «только по настоянию друзей на это решился», Церетели возразил резко и категорически. Правда, адресовал эти возражения почему-то не Дану, а своему другу Войтинскому, статья которого, по его словам, действительно оставляла возможность для подобного толкования.

«На самом деле, — писал он, — не только не было этого, но у П. Б. было прямо противоположное настроение, и это одна из самых характерных черт его как политического деятеля. Он, правда, был настоящим партийным человеком, самым бережным образом относился к партии и считал своим долгом сделать все нужные организационные шаги, чтобы предостеречь партию от ошибок. Но, зная, что в вопросе об отношении к большевизму были глубокие принципиальные расхождения между ним и Мартовым, он ни на минуту не колебался публично, самым резким образом отстаивать свои взгляды. При первой же встрече в Люцерне он сказал мне: “Мое положение ужасно. Знаю, что характер моих выступлений не удовлетворит Мартова и других моих друзей. Но я иначе не могу — пускай они меня дезавуируют, они имеют на это формальное право, раз у них большинство в партии, но пока я представитель их в Интернационале, я иначе действовать не могу”. Это он говорил с той страстью и силой, какая ему была свойственна при защите своих основных принципов.

1. HIA. Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15. Box 29. Folder 12. Письмо И.Г. Церетели В.С. Войтинскому от 12 мая 1928 г. Оригинал, рукопись, чернила.

Среди старых писем, вероятно, я смогу найти и его письменные заявления в этом смысле, и его отзывы о возможности напечатания письма к Мартову. Некоторую нерешительность он действительно проявлял, но это не по поводу возможности открытого выступления, а по поводу того, достаточно ли его письмо хорошо написано, чтобы публиковать его, вполне ли убедительно развита его мысль и т. д.

Я знал его привязанность к Мартову, Дану и другим друзьям, знал, как ему больно было расходиться с ними. И ни в чем так ярко не сказывалась глубина его убеждений, несгибаемость его воли, как в его постоянной страстной готовности пойти наперекор дружеской среде, вести с ней открытую принципиальную борьбу, раз дело касалось его убеждений. Это редкая черта, этого [своего] рода мужество — самое трудное дело — и в П. Б. эта черта очень ярко давала себя знать. Сколько раз с волнением он говаривал: *Amicus Plato, sed magis amica veritas*[1], и за этими словами чувствовалась подлинная готовность отстаивать свою идею во что бы то ни стало, жертвуя, если надо, самыми дорогими личными и партийными связями»[2].

Без понимания этой стороны характера Аксельрода, считал Церетели, образ его будет неверным и ни в коей мере не даст возможности понять его огромной внутренней силы.

К сожалению, приходится констатировать, что и до сих пор мы очень далеки от этого понимания.

Сборник последних произведений Павла Борисовича Аксельрода, который соответствовал бы его воле, так и не издан. Только сейчас начинается подготовка к публикации на родине основных трудов этого замечательного мыслителя и политического деятеля. Первый том «Из архива П. Б. Аксельрода» вышел в 2006 г. (в серии «Русский революционный архив», когда-то задуманной и частично реализованной Б.И. Николаевским). Ответственным редактором и руководителем проекта переиздания серийных публикаций второй половины 20-х гг. является П.Ю. Савельев. Работа ведется по планам мемориального ка-

1. Amicus Plato, sed magis amica veritas (*лат.*) — «Платон — друг, но истина дороже».

2. HIA, Boris I. Nikolaevsky Collection. Series 15, Box 29, Folder 12. Письмо И.Г. Церетели В.С. Войтинскому от 12 мая 1928 г. Оригинал, рукопись, чернила.

Войтинский – Гарви и гарвятам

письма 1933–1939: о времени, событиях и политиках

Алле Зейде
и Сеймуру Бекеру

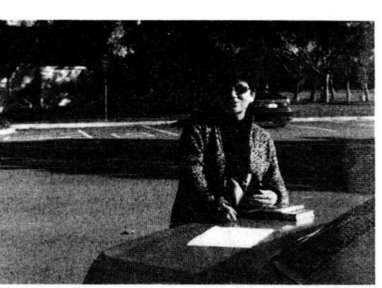
Впервые дни, когда, оглушенный всем виденным и прочитанным в архиве, я возвращался из Стэнфорда в Пало Альто, в свой номер в кемпинге на Камило Реал, мне хотелось, прежде всего, поделиться с кем-нибудь. Больше всего доставалось Толе Разгону, звонившему мне каждый вечер. Я морочил его и Иру фамилиями, которые им мало чего говорили. Восхищался остроумием Владимира Савельевича Войтинского, чьи письма 30-х гг., адресованные Петру Абрамовичу Гарви и его родным, занимали меня тогда больше всего. Советовался как откомментировать тот или иной сюжет.

Зима в 2005 году в США наступила рано и во всех штатах, включая Калифорнию, было холодно. И Толю с Ирой больше беспокоило, не замерзаю ли я, не нужно ли им поручить своим родным в Сан-Франциско привезти мне дополнительное одеяло или обогреватель, ибо им из Лос-Анджелеса лететь для этого было тяжело, они оба страдали из-за высокого давления. Поэтому, вернувшись в Нью-Йорк, обрушил все свои восторги и вопросы на головы своих давних друзей Аллы Зейде и Сеймура Бекера, которым за долготерпение и внимание и посвящаю эту публикацию.

Алла Зейде
и Сеймур Бекер.

Короткое время я жил у них на углу Бродвея и 245 W 114 St. В родной с начала 90-х гг. квартире, откуда, в свое время часто отправлялся в госпиталь Колумбийского университета к прекрасному кардиологу Александру Шахновичу, пользовавшему меня тогда по настоятельной просьбе Леопольда Хеймсона.

И все-таки днем в Стэнфорде было достаточно тепло, просто я этого не замечал, уходил рано, возвращался поздно, когда солнца либо еще, либо уже не было. Но в один из воскресных дней Хелен Соланум повезла меня на кладбище в Пало Альто и мы, с помощью вежливых служителей кладбища, нашли могилы Б.И. Николаевского и А.М. Бургиной.

Хозяйка квартиры, заядлая полуночница, готова была говорить со мной до утра, обсуждая и уточняя все, что в их огромной домашней библиотеке, словно само, шло в руки. Мне важно было понять и почувствовать, как мог, попавший в США в почтенном 50-летнем возрасте, вполне сложившийся человек, сложившийся в бурные годы российских потрясений, превратиться в истинного американца. Причем, в самом хорошем смысле этого слова. Мобильного. Делового. Четкого. Твердо осознавшего, что и зачем надо в новой обстановке делать. Его взгляды и оценки во многом предвосхитили современные представления о российских революциях, перспективах экономического и социального развития человечества, новом курсе Франклина Рузвельта, о сталинщине и гитлеризме, социал-демократических «геноссе» — немецких, австрийских, швейцарских, итальянских, французских и собственных — российских. Обилие фактов и фамилий поражало. Казалось, распутать этот клубок — задача явно непосильная. И только Алла верила, что это возможно. Она поддерживала меня и, чем могла, помогала.

Пересказывать письма, когда их можно прочесть и оценить каждому самостоятельно, не только не стоит, но и вредно. Это лишь помешает непосредственному их восприятию, радости открытия и сотворчества. Поэтому просто коротко представлю автора.

Семья профессора Петербургского электротехнического института Савелия Иосифовича Войтинского входила в начале века в интеллектуальную элиту российской столицы. «…Дом Войтинских на Фонтанке, у Египетского моста, — писала Алла Сытова, открывшая в конце 80-х гг. прошлого века широкому кругу читателей имя и творчество художницы, историка искусства, переводчика, литературоведа и писательницы Надежды Савельевны Войтинской (1886–1965), младшей сестры Владимира, — был гостеприимно открыт для художественной молодежи. Сюда заходили Ахматова, Сомов, Волошин, балерина Карсавина, юная Лиза Пиленко — будущая поэтесса, героиня французского Сопротивления Е.Ю. Кузьмина-Караваева»[1].

1. См.: *Сытова А.* Забытое имя //«Огонек». 1987. №39 (3140). С.24–26.

Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919) — экономист, теоретик кооперативного движения, социолог, историк. В 1895–1899 — приват-доцент Петербургского университета, с 1913 — профессор Петербургского политехнического института. Летом 1917 уехал на Украину, в конце 1917 — начале 1918 — министр финансов Украинской Рады, один из создателей Украинской академии наук.

К этому списку следует добавить и друзей самого Владимира, который еще гимназистом (в 1903) начал работать над книгой «Рынок и цены» под влиянием трудов Михаила Ивановича Туган-Барановского, также бывавшего в доме Войтинских. И хотя к тому времени Михаил Иванович уже отбывал ссылку за участие в мартовской демонстрации 1901 г. петербургской интеллигенции на Казанской площади и подписание официального протеста против разгона ее полицией, связи между ним и его юным учеником не прерывались. Как только в 1905-м, вернувшись в Петербург, Туган-Барановский получил право читать лекции на экономическом факультете Политехнического института, он вновь стал частым гостем дома на Фонтанке. Вышедшая в 1906-м книга В.С. Войтинского была издана с предисловием именитого наставника. И этому не помешало и то, что Владимир с 1903-го стал социал-демократом марксистом, к тому же примкнув к большевикам, а Михаил Иванович опубликовал в 1905-м работу «Теоретические основы марксизма», в которой отошел от учения К. Маркса, выдвигая на первый план в общественной жизни проблемы морального и этико-психологического плана. Не прервали они дружественных отношений и когда Туган-Барановский стал членом конституционно-демократической партии.

В 1906-м, возглавив Совет старост российских университетов, Владимир будет собирать в семейном доме на Фонтанке представителей крупнейших российских университетов, обсуждая с ними перспективы общероссийских студенческих выступлений. В том же году он станет председателем Совета безработных России[1]. Под псевдонимом С. Петров будет объезжать заводы, организовывать протестные акции безработных, сидеть в тюрьмах, пока, в конце концов, после одного из арестов не окажется приговоренным к 4 годам каторги.

1. *Войтинский В.С.* Петербургский Совет безработных: 1906–1907 гг. — New York, 1969. *Петров С.* Безработица в Петербурге //Вестник жизни. 1906. 26 сентября. №11. Стб.24–31; *Он же.* Вопрос о безработице в Государственной Думе //Там же. 1907. Апрель. №5. С.97–107; *Он же.* Совет безработных в Петербурге //Там же. 1907. 23 мая. №6. Стб.33–39; 3 июня. №7. Стб.25–33; 19 июля. №9. Стб.52–54; *Михайлов Н.В.* Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906–1907 гг. — М.–СПб., 1998.

И.Г. Церетели (в центре, самый высокий), рядом с ним — Ф.И. Дан, затем (второй справа) В.С. Войтинский среди группы ссыльных в Сибири. 1914 г.

Первые два года наказания Войтинский отбывал в Александровском каторжном централе, затем — в Сибири. Здесь на поселении в Иркутске в 1912–1916 гг. он сблизился с бывшим лидером социал-демократической фракции II Государственной думы Ираклием Георгиевичем Церетели, думские речи которого принесли тому всероссийскую славу и долгие годы тюрьмы и ссылки.

Проблемы морального и этического плана в общественной жизни и, в частности, в политике, поднятые когда-то учителем Войтинского Туган-Барановским, прозвучат для него в обсуждениях с Церетели по-новому. Они оба поставят их во главу угла при решении важнейших теоретических и практических вопросов, ловя себя на том, сколь много общего оказалось у них. Дружба этих двух незаурядных людей, начавшаяся в Сибири, не прерывалась всю оставшуюся жизнь.

Сгруппировавшиеся вокруг Церетели т. н. «сибирские циммервальдийцы» и выпустят тот самый журнал «Сибирское обозрение», в котором впервые за военные годы в России публично будет высказана и обоснована точка зрения социал-демократов, оставшихся верными своим интернационалистическим взглядам на проблемы войны и мира. Вместе с тем, уже тогда Церетели в одной из статей обоснует пришедшуюся по

душе и Войтинскому мысль о том, что в ходе войны может наступить момент, когда вынужденные спасать свое отечество, социал-демократы получат право выдвинуть и лозунг революционного оборончества.

Недавний большевик В.С. Войтинский (сидит третий слева) — член Бюро исполкома Петроградского Совета, ВЦИК и его Бюро первого созыва, с середины июля 1917 г. — комиссар Северного фронта. Генерал П.Н. Краснов считал его «идейным человеком, вставшим на защиту армии от разрухи». На Демократическом совещании в середине сентября выступил с предложением ряда мер для повышения боеспособности армии. 26 октября организовал встречу Керенского с Красновым в Пскове и способствовал их выступлению на Петроград. После поражения под Пулковом пытался организовать подкрепление с Северного фронта. 1 ноября был арестован и препровожден в Смольный, затем в Петропавловскую крепость. Существует устойчивая легенда, что Ленин, высоко ценивший Войтинского, предлагал ему должность наркома по военным делам. Вполне возможно, ведь он убивал тем самым двух зайцев разом — перетягивая на свою сторону энергичного и волевого руководителя, пользующегося авторитетом в армии, и создавая видимость реального шага на пути к формированию однородного социалистического правительства, тем более с учетом разворачивающихся переговоров на этот счет с левыми эсерами. Владимир Савельевич, согласно той же легенде, категорически отказался.

В «взвихренный» Петроград 1917-го они вернутся одновременно. В конце марта на Всероссийском совещании Советов

Войтинский в числе других видных большевиков — Л.Б. Каменева, Н.Н. Крестинского, И.В. Сталина и др. поддержит предложенную Церетели резолюцию «О Временном правительстве».

После возвращения В.И. Ленина из эмиграции и его выступления с «Апрельскими тезисами» на собрании большевиков, участников Всероссийского совещания Советов, именно Войтинский предложит тому повторить все сказанное в соседнем зале на объединенной встрече с меньшевиками. И именно он, дважды внимательно прослушав ленинские тезисы, отметит:

— «...Ленин очень талантливо вбил в былой раскол осиновый клин. Мы все соединимся без него и против его программы, придуманной в вагоне»[1].

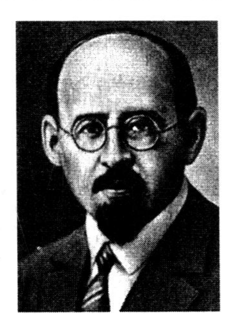
То, что последовало за этим, — вполне закономерно: в мае 1917 г. Войтинский обратится в Бюро меньшевистской фракции Петроградского Совета с заявлением о полном разрыве с большевизмом. По его словам, тот «потерял всякую связь с идеями революционного марксизма»[2].

Второй раз Войтинский выступит против «Апрельских тезисов» в 1920-м году. Теперь это будут тезисы Ю.О. Мартова «Мировая социальная революция и задачи социал-демократии»[3].

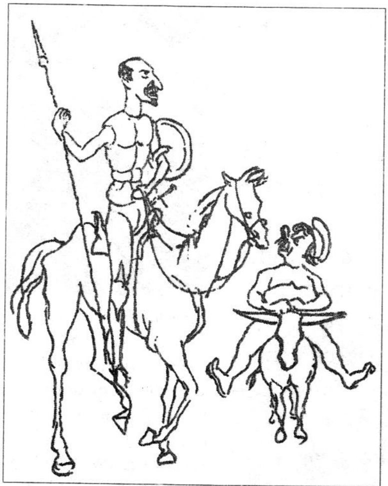
В них все также подчеркивалась неизбежность «мировой социальной революции». Правда, она рассматривалась не как «историческое событие, совершающееся в течение короткого промежутка нескольких месяцев или лет». И определялась она не в виде «быстро разражающейся катастрофы», которая «начисто» сметала «одну хозяйственную форму, чтобы на месте ее поставить другую, противоположную»[4].

Социалистическая революция в тезисах Мартова — «сложный и длительный исторический процесс постепенной социализации хозяйственной жизни», «вытеснения капиталистических и мелкобуржуазных форм производства» и замена их

1. Меньшевики в 1917 году. Т.1. С.178.
2. Там же. С.200.
3. См.: Меньшевики в 1919–1920 гг. С.424–432.
4. Там же. С.426.

Николай Николаевич Крестинский (1889–1938) — выпускник юрфака Петербургского университета, большевик с 1903 г., участник революции 1905–1907 гг. После февраля 1917-го — член Уральского бюро ЦК РСДРП(б), один из руководителей областного и Екатеринбургского парткомитетов. На 6-м съезде партии избран членом ЦК. С конца 1917-го — член коллегии Наркомфина, затем — нарком финансов, одновременно секретарь и член Политбюро ЦК РКП(б). В 1921–1930 гг. полпред РСФСР (затем СССР) в Германии, с 1930-го — замнаркома иностранных дел, а в март–мае 1937 г. — юстиции СССР. В 1937 г. арестован как участник «антисоветского правотроцкистского блока». В первый же день т. н. судебного процесса в марте 1938 г. публично отказался от всех данных ранее показаний. Расстрелян. Реабилитирован в 1963 г.

В начале 1918 г., после внезапного освобождения из Петропавловки, Войтинский уехал с И.Г. Церетели в Грузию. Там он был редактором грузинской меньшевистской газеты «Борьба». В 1919 г. выехал с делегацией грузинского правительства в Италию. С 1921 г. — эмигрант, проживавший с женой Эммой Савельевной первое время (до его кончины) рядом с Павлом Борисовичем Аксельродом, поддерживая тесную связь с Ираклием Георгиевичем Церетели.

«коллективистскими, обеспечивающими более высокое развитие производительных сил»[1].

Все это сопровождалось признанием «объективной возможности» ускорить процесс «развития к социализму» национализацией и муниципализацией, государственным регулированием производства и торговли и государственной монополией, даже трудовой повинностью.

Не отрицалось и право «безвластного большинства» на вооруженное свержение «властного меньшинства» и установление диктатуры пролетариата как организованного революционным государством насилия «большинства на меньшинством», пытающимся противодействовать социальной революции»[2].

Войтинский оценивал это как «голое теоретизирование». А вытекавшую из всех этих построений оценку большевистского переворота и большевистской диктатуры в качестве «шага вперед в общественном развитии», рассматривал, вслед за П.Б. Аксельродом, в качестве «теоретической базы для санкционирования большевистского режима»[3].

Летом 1938 г. в одном из писем П.А. Гарви обронит по поводу «Апрельских тезисов» Ю.О. Мартова и меньшевизма в целом весьма знаменательную фразу, используя для этого т. н. «метод Вольского». Состоял этот метод в «анализе» чрезмерности еврейского вклада в русскую культуру. Вольский, живший в одном доме с Гарви, подкинул тому свою рукопись для прочтения в почтовый ящик, заранее зная его негативную реакцию. Получив возмущенное письмо Петра Абрамовича, Войтинский, заметим, сам крещенный еврей, шутливо поддержит Вольского: «Вообще говоря, я считаю, что евреи внесли в русскую культуру очень много ценного. Но, перечисляя все то, чем еврейство обогатило Россию, я никогда не начинаю с апрельских тезисов и меньшевизма» (см. письмо №19).

В последние годы жизни Павла Борисовича Аксельрода Владимир Савельевич с женой Эммой Савельевной поселился

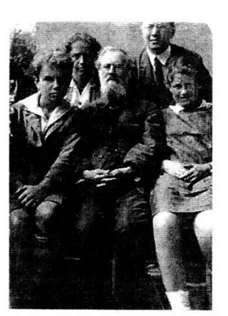
1. Меньшевики в 1919–1920 гг. С.426.
2. Там же. С.427.
3. Там же. С.656.

рядом с ним. Они навещали его каждый день. Именно им, прежде всего, Эмме Савельевне, мы обязаны существованием трех замечательных фотоальбомов, запечатлевших эмигрантскую жизнь патриарха российской социал-демократии.

Уже со второй половины 20-х гг. отношения внутри Заграничной Делегации РСДРП, которая после арестов 1924–1925 гг. в большевистской России практически всего состава нелегального Бюро ЦК осталась единственным легальным руководящим органом партии, оставляли желать лучшего. Дан и Абрамович, как ни пытались после смерти Мартова обеспечить последовательность намеченного их покойным лидером курса, не только не смогли этого сделать, но лишь все больше и больше обостряли взаимоотношения со своими соратниками. Они еще могли собираться вместе на отдыхе. Но вскоре противоречия разведут их окончательно. На снимке 1926 г. слева направо сидят: в первом ряду Борис Николаевский и юрист по образованию, экономист по профессии Наум Михайлович Ясный с дочерью; во втором — Федор Ильич Дан; видный меньшевистский функционер Юрий Петрович Денике, который вскоре надолго порвет отношения с партийным руководством; Лидия Осиповна Дан, Анна Михайловна Бургина и жена Наума Ясного; а рядом с ними — Ираклий Георгиевич Церетели.

Вместе с Гарви и его супругой Владимир и Эмма входили в так называемую внутрипартийную группу правых. Их единомышленниками были Г.О. Биншток, Ю.А. Гринфельд, Г.Я. Аронсон, М.С. Камермахер (Кефали) и др. Они выступали против самоизоляции РСДРП в эмиграции. Против попыток Заграничной Делегации во главе с Ф.И. Даном продолжать защиту большевизма и «пролетарского характера октябрьской рево-

Павел Борисович Аксельрод с Гарви и гарвятами, рядом с ним сидят Юрий и Сильвия, стоят Софья Самойловна и Петр Абрамович Гарви. 1926 г.

люции» в Рабочем Социалистическом Интернационале. Боролись за возвращение к активной партийной и литературной работе А.Н. Потре́сова.

Именно в эти годы Войтинский окончательно разочаруется в политике, которую проводили европейские, в том числе и российские, социал-демократы. И эта тема станет одной из стержневых в его письмах, публикуемых нами.

Адресованные Гарви и гарвятам — их дочери Сильвии и сыну Юре, письма удивительны по теплоте отношения к адресатам, полноте охвата важнейших мировых событий, глубине их анализа, нелицеприятности характеристик известных политических деятелей как российских, так европейских и американских, точности бытовых зарисовок, тонкому юмору и бесспорному литературному дару их автора. И хотя в подборку входит лишь незначительная часть коллекции (28 писем только Войтинского, без обязательных приписок, а то и развернутых самостоятельных писем Эммы Савельевны), к тому же за очень короткое время, — подборка вполне самостоятельна. Все сквозные сюжеты — экономические, политические, личностные — вполне завершены. Они дают не только панораму важнейших мировых событий этого переломного периода даже для столь насыщенного всякими катаклизмами XX века, но и их оценку одним из самых мудрых и ярких российских политиков и ученых, к сожалению, мало известного на родине.

Письма Войтинского хранятся в знаменитой коллекции Б.И. Николаевского[1]. Они дают возможность по-новому увидеть многие ранее неизвестные страницы истории РСДРП. И то, как складывались внутрипартийные организационные взаимоотношения этой, к сожалению, до сих пор замалчиваемой в отечественной историографии группы российских социал-демократов с руководящим большинством Заграничной делегации РСДРП. И то, как уточнялись их представления о природе капитализма и характере его кризисов, о социализме и демократии, об отношении к событиям в сталинской России, о задачах российских социал-демократов в новых условиях.

Конечно, приобретение т. н. «отрезвляющего опыта» шло в мучительных спорах, разногласиях и столкновениях. Кто-то,

1. HIA. Series 18. Box 53. Folder 3.

как Войтинский и Церетели, делали это достаточно легко и быстро[1]. Кто-то, как Гарви и Николаевский, трудно, с болью расставаясь со многими иллюзиями и заблуждениями. Кто-то, как Дан, упорно цепляясь за отжившие формулы и оценки. Упорно придерживаясь т. н. мартовской линии, он все еще считал, что РСДРП должна стремиться «путем организованного давления масс» вырвать у большевистской диктатуры такие уступки, которые позволят им «добиться торжества своей воли над произволом диктаторов», хотя никакой возможности организовать такое давление «масс» не было.

Даже после фальсифицированных московских процессов 30-х годов Дан выступит инициатором первого и соавтором второго проекта писем сначала на имя конституционной комиссии, а затем и съезда Советов в связи с новой Конституцией СССР. В первоначальном проекте письма, рассматривавшемся на партийном совещании при Заграничной делегации РСДРП 17 сентября 1936 г., содержался следующий пассаж: «Нас в течение долгих лет отделяли от ВКП серьезные принципиальные и тактические разногласия. Мы долгие годы в рядах рабочего класса вели борьбу против политики ВКП, которую считали ошибочной. Мы и теперь коренным образом расходимся с ВКП как в оценке совершающихся в Сов[етском] Союзе процессов, так и в выборе путей для дальнейшего успешного приближения к социализму и демократии. Мы всегда, даже в годы гражданской войны, как партия, стремились оставаться лояльной оппозицией внутри революционного движения в целом. Мы, в особенности теперь, когда в новую Конституцию включены многие из наших требований, готовы вести свою политическую деятельность внутри Союза как осознающая свою революционную ответственность оппозиция, берущая на себя обязательство честно и безоговорочно выполнять все обязательства, возлагаемые новой Конституцией на граждан СССР. Согласны ли вы, столь же честно и безоговорочно, гарантировать применение к нам, как объединению, и к нашим членам и последователям в Союзе тех прав

1. См.: *Ненароков А.* Экономические взгляды В.С. Войтинского //Россия XXI. 2005. №6. С.160–177.

гражданина, которые предусмотрены в соответствующих разделах Конституции?»[1]. Войтинский назовет это предложение «шуткой плохого тона» (см. письмо №7).

Впоследствии эта позиция Дана, лишившегося в конце 30-х гг. большинства, и, соответственно лидирующего положения в Заграничной Делегации, выльется в предложенный им «новый путь» и совершенно неожиданную концепцию истории развития российской социал-демократии, изложенную в уже поминавшейся мной книге «Происхождение большевизма». В ней он попытается в очередной раз выступить за синтез социалистических и коммунистических идей, за мирную трансформацию большевистского режима в демократическое общество. С точки зрения Дана, антиномия «демократия — социализм» составляет красную нить истории всего русского революционного движения и русской революционной мысли. Нереализованные концепции Ленина о «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» и Мартова о «демократической власти трудящихся» потерпели крушение якобы исключительно из-за аполитизма русского крестьянства. И только сталинская коллективизация, трагическая, но необходимая, сломав окончательно узкие рамки индивидуального крестьянского хозяйства, по его мнению, кардинально изменила положение. И советский парламентаризм, как утверждал он, закрепленный Конституцией 1936 г., оказался отнюдь не «фикцией», а весьма реальным фактором «демократизации» советского режима.

Трудно представить себе более суровую в своем абстрагировании от каких-либо реалий итоговую оценку мартовскому меньшевизму, чем следующий пассаж Дана:

— *«При конкретных катастрофических условиях своего возникновения "советская власть" не могла не стать диктаторской и террористической. В том, что она не разрешила проблему сочетания демократии и социализма, причина противоборства "мартовского течения" русской социал-демократии с большевизмом, несмотря на единое понимание ими "конечной цели" и общего направления мирового развития. Это единство обусловило тот факт, что "мартовское течение", даже перестав быть реальной политической силой внутри страны, продолжало оказывать идейное влияние на определенные круги большевизма, косвенно влияя на демократизацию "советского режима"».*

1. HIA. Series 279. Box 684. Folder 8.

В политике губительно выдавать желаемое за действительное.

Жизнь сурово опровергла подобного рода доктринерские взгляды, которые еще А.Н. Потрéсов справедливо называл «порождением революционной фантастики».

А теперь слово В.С. Войтинскому.

Письмо №1

Цюрих, 27 апреля 1933

Дорогие Гарви и Гарвята!

Не знаю, как звать Вас по именам: с того момента, как Паша превратился в Piérr'a, Соня, вероятно, стала Sophie, Юра называется Monsinieur Georges, а Сильвуша сделалась M-lle Silousplait. Что до меня касается, то я, вопреки Петруше, остаюсь Владимиром.

Третью неделю сижу на холостом положении в Цюрихе. Эмма приедет через несколько дней. Город восхитительный, — куда не посмотришь, вид прямо парамонический! Много зелени, цветов, тишина, все спокойные, приветливые, доброжелательные. Никто не норовит заехать по-нашему кулаком в морду. Каждый старается, чтобы все было по-интеллигентному. По-благородному. Только вот не хотят посторонних пускать в свое монрепо[1]. Полицей-президент кантона (геноссе) прямо объяснил мне: «Если всех пускать, много вас наберется». Впрочем, меня с Эммочкой, м. б., как-нибудь и пустят: прези-

1. Как написал мне мой друг Андрей Либих, в Швейцарии есть два парка «Mon Repos» («Мой отдых»). Один в Женеве, где в начале 30-х гг. располагалось Международное Бюро Труда (ILO или по-французски BIT), в котором некоторое время и сотрудничал Войтинский. Любопытно, что свое письмо Андрей писал мне из собственного кабинета в этом здании, где сейчас располагается Библиотека института, в котором он работает — Institut universitare de hautes études internationales: Genéve, Rue de Lausanne 132. Второй парк «Mon Repos» в Лозанне, в нем располагался и располагается швейцарский федеральный суд. Было свое «Mon Repos» и в России: природный музей заповедник на берегу Выборгского залива, которым на протяжении многих лет (1788–1943) владела семья баронов Николаи.

дент кантонального правительства (тоже геноссе) знакомился с берлинским коммунальным хозяйством по книжке Эммочки, а статистику швейцарцы учат по W in Z (7 и 10 кл[ассы] гимназии, в каждом кл[ассе] проходят по одному тому).

В таком же положении дело с кв[артирой]. Кв[артиру] я действительно нашел, но пункт 1-й — дом еще не построен, пункт 2-й — мы не имеем разрешения на перевозку вещей, пункт 3-й — не знаю, по средствам ли будет кв[артира] в три комнаты. А то, что поблизости от строящегося дома, в к[отор]ом мы, м. б., жить и поживать будем, находится озеро — это факт. Своими глазами видел.

Что жизнь вперед идет, это Петруша (он же новоиспеченный Piérre) верно заметил. Куда она идет, это другой вопрос. По-видимому, к черту на рога. Только вы на собрании сотрудников и в клубе этого не видите, т. к. на все смотрите сквозь свою платформу, а она этого самого черта с рогами как раз не предвидела.

Со «старым товарищем», у которого Юра должен столоваться, я познакомился, т. к. остановился как раз в его пансионе. Это славный человек, идейно настроенный, неглупый и, по-видимому, добряк.

С Катей[1] говорил. О визе она хлопочет, ей обещали, но здесь все делается без спешки. Etwas Geduld[2]! Комнату для Юры Катя тоже нашла. Что же касается до пр[офессора] Зайцева[3], то это пока чистейшая фантазия. Зайцев человек нам чуждый и лично довольно неприятный. Но на будущей неделе увижусь с ним и, т. к. до сих пор я оказывал ему кое-какие любезности (цитируя его книгу к[отор]ую, кроме меня, никто в Германии не отметил) — попытаюсь прозондировать почву. Насчет Гитермана[4] ничего не знаю.

Во всяком случае, Юра здесь не пропадет: кв[артира] и стол обеспечены, это главное.

1. Речь идет о Катарине (Екатерине) Адлер, о которой ранее уже говорилось.
2. Etwas Geduld (*нем.*) — немного терпения
3. Зайцев Лев Моисеевич (1882–1947) — юрист, профессор, с 1920-го в эмиграции в Берлине, читал лекции по русскому праву в Институте иностранного права при Берлинском университете. Подробнее см.: *Зейде Алла.* Алексей Гольденвейзер: дневники и письма разных лет //Ab Imperio. 3/2005. С.389.
4. Определить не удалось.

Ну а события в Германии развиваются нормально. Коллективное, буйное умопомешательство на националистической почве. Исход этой болезни в науке предрешен. Исключений не бывает. А пока что хозяйственную политику эти невежественные авантюристы[1] ведут лучше, чем умнейшие и благонамереннейшие либералы (буржуазной и марксистской масти), которые так усердно прокладывали им путь к власти. Видя это, я готов себе пальцы кусать от досады. Мне предлагали здесь встретиться с Гильфердингом, я ответил: «Не хочу его видеть, достаточно с меня видеть, к чему привела Германию его хоз[яйственная] политика». Вот!

Сердечный привет и лучшие пожелания всем Вам, особенно Соне и Сильвуше, но также и Петруше с Юрой.

Ваш *Вл. Войтинский*

Письмо №2

*[Цюрих, без точной даты,
первая половина мая 1933]*

Дорогие друзья!

Дело Юры по академической линии устроено: он будет зачислен в Ун[иверсите]т на зимний семестр. В ближайшие дни он получит официальное уведомление от ректората в этом смысле. Формальное препятствие, что его бумаги отослали ему обратно, по-видимому, будет обойдено. Но теперь начинается опять вопрос о визе. И т. к. Вам придется говорить об этом с Катей (а, м. б., и непосредственно с Гриммом), то я считаю правильным совершенно откровенно написать Вам, как обстоит дело. Все хлопоты о визе, к[отор]ые велись до сих пор, были абсолютно безнадежны: полиция не могла разрешить приезд для поступления в Ун[иверсите]т молодому человеку, относительно к[оторо]го Ун[иверсите]т выдал справку, что он в студенты не зачислен. Тут и не о чем было хлопотать. И, конечно, Гримм попал в глупое положение, согласившись просить кого-то

1. Имеются в виду немецкие национал-социалисты (нацисты).

по такому поводу. Равным образом бесцелен был звонок по телефону Klöti в канцелярию Ун[иверсите]та: единственным результатом было, что секретарь достал дело Юры, просмотрел вновь бумаги и, убедившись, что все в порядке и кандидату отказано на основании общей инструкции, не стал даже докладывать об этом ректору. Теперь Юра будет зачислен в студенты не по чьим-нибудь хлопотам или протекции, а совершенно правильно, т. к. он представил Ун[иверсите]ту доказательства своей академической квалификации. Но без визы, конечно, приехать в Шв[ейцарию] он не может. И тут приходится хлопотать по политической линии. Теперь полож[ение] совершенно иное, нежели было две-три недели тому назад. Теперь нет оснований для отказа. Значит, и Катя и Гримм могут теперь без большого труда добиться того положительного ответа, к[оторо]го они раньше получить не могли.

Теперь процедура должна быть такая. Сперва ждите бумаги из У[ниверсите]та. Получив её, Юра должен подать прошение в цюрихскую кантональную полицию: «Тогда-то, дескать, я подал прошение в У[ниверсите]т и одновременно в полицию. У[ниверсите]т мне отказал в приеме, т. к. я, не зная о конкурсе аттестатов, не представил достаточных доказательств моей акад[емической] квалификации. Ввиду отказа Ун[иверсите]та, мне было отказано и в визе. Получив отказ Ун[иверсите]та, я представил ему дополнительные сведения о моей подготовке к научной работе. Ун[иверсите]т признал эти новые документы достаточными и такого-то числа я получил уведомление такого то содержания. Таким образом мотив, по к[отор]ому полиция отказала мне в разрешении, отпадает. Я позволю себе возобновить ходатайство. В частности, прошу — по таким-то и таким мотивам — разрешение о приезде уже в июне».

Стилизируйте прошение, как хотите. Можете хоть о термидорианском перерождении бонапартизма[1] помянуть, но вся аргументация должна быть чисто академическая. Вопреки Кате, смею Вас уверить, что реакция, антисемитизм и пр[очие] пло-

1. «Термидорианское перерождение бонапартизма» — ссылка на излюбленное и даже излишне чрезмерное употребление российскими социал-демократами, как меньшевиками, так и большевиками, терминов периода Великой французской революции.

хие вещи имели к Юриной неудаче лишь слабое отношение. Ун[иверсите]т, со своей стороны, даст полиции справку: «Такому-то было отказано в приеме в виду нашей недостаточной информации о нем. Получив дополнительные сведения, Ун[иверсите]т изменил свое мнение о нем и разрешил зачислить его в студенты!».

Кончу, как Гитлер: «И да поможет нам Бог!».

Один из *Воликов*.

Письмо №3

[Цюрих, без точной даты,
вторая половина мая 1933]

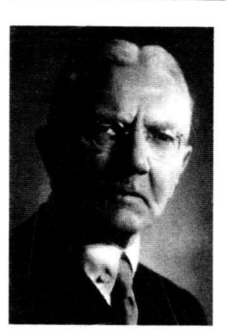
Дорогие друзья!

Положение наше все еще не выяснилось: «щастливые швейцарцы» бдительно охраняют входы своего монрепо и не спешат с разрешением на проживание в оном. Все еще тянется канитель. М. б., в конце концов, переберемся к Вам в Париж, влечет нас туда особенно с тех пор, как мы узнали о возобновившихся собраниях правой фракции русского с[оциал]-д[емократического] клуба имени Мартова[1] (фракция меньшевиков).

Петрушин пацифизм меня ни мало не удивил, он идет по линии испытанной тактики германской с[оциал]-д[емокра]тии: избегать опасностей и стараться оттянуть конфликт до того момента, когда противник будет достаточно силен для решительного удара. Я не буду удивлен, если эта точка зрения восторжествует и в Интернационале. Ведь договоры в международном быту то же самое, что резолюции в жизни партии, они в такой же мере действительны и против войны, и против фашизма. Почему не попробовать. Ведь попробовала германская с[оциал]-д[емокра]тия противопоставить волне национал-социализма свою пустопорожнюю болтовню об Umbau der Wirtshaft[2]! Если соц[иалистический] Интернационал, готовясь к

1. Клуб имени Мартова — социал-демократический клуб в Берлине, созданный российскими социал-демократами в эмиграции после смерти своего лидера в 1923 г.

2. Umbau der Wirtshaft (*нем.*) — экономическая перестройка.

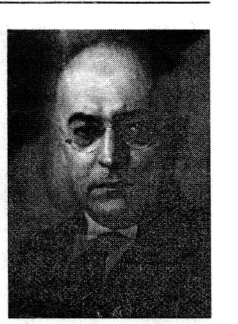

Ялмар Шахт (Schacht).

Weltwirtschaftskonferenz[1], выносит резолюцию, овеянную духом Гильфердинга, то можно ожидать, что тот дух просветит его решения по международным вопросам.

Впрочем, об этом я теперь меньше думаю, чем о проблемах хоз[яйственной] политики в новой конъюнктурной фазе. На эту тему готовлю громовую статью (вернее, две статьи: в первой я буду тих и кроток, как голубь, и все буду ворковать цифрами и диаграммами, а во второй буду, как лев рыкающий, или как Дан, разносящий оппозицию).

Теперь о деле. Если Юра все еще не получил ответа из Ун[иверсите]та на свое прошение, он должен написать письмо секретарю Ун[иверсите]та примерно такого содержания: «Тогда-то я послал в Цюр[ихский] Ун[иверсите]т прошение, в к[оторо]ом изложил дополнительные сведения о своих bisherige академических занятиях и к к[отор]ому приложил свидетельство, выданное мне проф[ессором] Б. Мое прошение было передано г[осподи]ну секретарю Ун[иверсите]та г[осподи]ном Войтинским, к[отор]ый со своей стороны приложил свое Gutachten о моих занятиях и моей подготовке. Такого-то числа г[осподи]н Войтинский сообщил мне со слов г[осподи]на секретаря Ун[иверсите]та, что ректор отнесся со вниманием к представленным новым данным и что я буду зачислен в Цюр[ихский] Ун[иверсите]т на зимний семестр. Однако официального уведомления в этом смысле из канцелярии Ун[иверсите]та я до сих пор не получил. Я позволяю себе просить Вас прислать мне таковое уведомление, чтобы я мог своевременно возбудить ходатайство о разрешении мне приехать в Швейцарию. Формальности, связанные с разрешением, могут потребовать много времени. Кроме того, я очень ценил бы возможность приехать в Швейцарию раньше начала семестра, чтобы познакомиться с программой и учебными пособиями Ун[иверсите]та, а также работать в библиотеке. Это позволит мне полнее использовать время и сократить тяжелые для меня последствия невольного перерыва в академической работе. Надеюсь, что У[ниверсите]т, войдя в мое положение, не встретит формальных препятствий для удовлетворения настоящей моей просьбы.

1. Weltwirtschaftskonferenz (*нем.*) — международная конференция по экономическим вопросам.

Генрих Брюнинг (Brüning) (1885–1970) — немецкий социал-демократ, лидер партии Центра, в 1930–1932 гг. — рейхсканцлер Германии.

Письмо №4

[Цюрих, без точной даты, конец мая 1933]

Дорогие друзья!

До сих пор писал Вам исключительно по Юриному делу. Теперь по моей линии все, как будто, сделано, о дальнейшем пусть позаботятся другие.

Относительно политического положения. Вы знаете, что я уже давно считал неизбежным то, что произошло. Гитлер лишь математическая точка. Если искать персональных виновников крушения Герм[анской] республики, то надо думать о Клемансо и Ллойд-Джордже как авторах Верс[альского] договора[1], с одной стороны, о Брюнинге и Гильфердинге как представителях либерального самоубийства в хоз[яйственной] политике, с другой стороны. Германская соц[иал]-дем[ократия] погибла, т. к. она представляла собой в вопросах жизни и смерти народа лишь привесок буржуазного либерализма (ее соц[иалистическая] Umbau-Programm[2] стоила столько же, сколько стоит соц[иализм] новых хозяев Reich'а). Так вижу и оцениваю я положение.

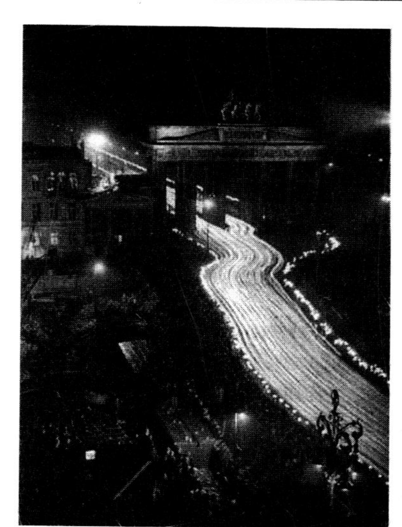
Перспективы. Хозяйственные трудности Гитлеру не страшны: пункт 1-й — потому что в мировой конъюнктуре происходит поворот (американцы вместе с англичанами взялись, наконец, всерьез за active Wirtschaftspolitik[3] и с правильного конца); пункт 2-й — у Германии имеются огромные резервы не использованной рабочей силы (об этом позаботились предшественники Гитлера); пункт 3-й — хоз[яйственная] политика Гитлера–Шахта[4] будет все же правильнее, чем то, что делалось до

1. Версальский договор — мирный договор, подписанный союзными державами с Германией после окончания первой мировой войны. Он лишал Германию ее колоний, Эльзаса и Лотарингии, запрещал развитие военной промышленности и армии.

2. Umbau-Programm (*нем.*) — программа перестройки.

3. Active Wirtschaftspolitik (*нем.*) — активная экономическая политика.

4. Шахт (Schacht) Ялмар (1877–1970) — видный экономист и банковский деятель Германии. С августа 1934-го по ноябрь 1937-й — рейхсминистр экономики, с 1937-го по 1943-й — министр без портфеля. В 1944 г. арестован по подозрению в причастности к заговору против Гитлера, до конца войны содержался в концла-

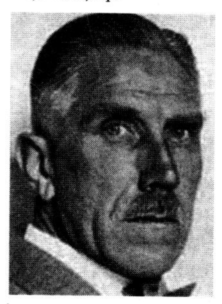

Факельное шествие в Берлине. 1934 г.

них (точнее, до Папена), т. к. они будут делать все наоборот против Брюнинга–Лютера[1], а это Ариаднина нить из пропасти дефляции.

Но гвоздь положения теперь не в хозяйстве, а в проблемах вооружения и пересмотра Вер[сальского] договора. Войну я считаю абсолютно неизбежной. Вопрос лишь во времени. Гитлер искренне хочет мира, но не 10 л[ет], а примерно на 2 г[ода]. Он готов на уступки ради сохранения мира на этот срок. А война через 2 г[ода] означает торжество немецкого фашизма (не люблю я это сочетание слов) над Европой. В отличие от Бор[иса] Ив[ановича][2] проповедовать среди соц[иалистов] крестовый поход против тевтонов я не склонен. Об этом позаботятся другие. Но доктринерский пацифизм, откладывающий борьбу на более поздний день, когда она станет несравненно опаснее и тяжелее, чем сегодня, я считаю безумием. Голосовать за военные кредиты! Разоблачать наци! Указывать рабочим на неизбежность вооруженного столкновения! И в решительный момент — вместе с коммунистами! — поддерживать пр[авитель]ства, к[отор]ые предпримут «крайние меры» против охваченной военным безумием Германии! Вот, как я представляю себе политику соц[иалистов].

Ну а в Германии задача в том, чтобы были силы для устройства жизни страны «на др[угой] день». Новые «мажоритарцы»[3] в счет не идут. Связав свою судьбу с «нац[иональным] государством», они осудили себя на гибель. Значит, раскол. И, как неизбежное следствие, сближение «меньшинства» (если оно «меньшинство») с более левыми элементами.

Франц Папен (Papen), фон (1879–1969) — в июле–ноябре 1932 г. глава правительства Германии, в 1933–1934гг. — вице-канцлер.

герях Равенсбрюк, Флоссельбург и Дахау. В 1946-м предстал перед Международным военным трибуналом в Мюнхене, но был признан невиновным и отпущен на свободу. См.: *Залесский К.А.* Кто был кто в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. — М., 2003; интернет: sema.ru -> хронос -> биографии. Последнее посещение 16 января 2006 г.

1. Лютер (Luther) Ганс (1879–1962) — в 1925–1926 гг. канцлер, с марта 1930-го по март 1933-го президент Рейхсбанка, в 1933–1937 гг. — посол Германии в США.

2. Б.И. Николаевский.

3. Новые «мажоритарцы» — национал-социалисты, получившие большинство (от франц. majoritè) в рейхстаге после роспуска в июле 1933 г. всех других партий.

Предчувствую, что у Петруши волосы подымаются дыбом, но не могу ничего поделать против этого.

Привет и сердечные пожелания всем Вам.

Ваш *Вл. В.*

Таймс-Сквер, Нью-Йорк. 1934 г.

Письмо №5

[Вашингтон, без точной даты, начало мая 1936]

Дорогие друзья!

Как живете? Что с глазами у Петруши?

У нас без перемен. Весна в этом году поздняя, только-только начинают цвести деревья. Все же усердно копаемся в саду — сгребаем листья, подрезаем кусты, обсуждаем планы, как пересадить деревья, чтобы очистить на поляне место для пинг-понга. В свободное время занимаюсь статистикой, пишу свою книгу о рынке труда в Америке.

Недавно приезжал сюда Ласски[1], прочел две публичные лекции о демократии в Европе и Америке. Первая лекция была хороша и по форме и по содержанию, вторая была хороша лишь по форме, слишком много было в ней недомолвок и противоречий. Успех имел он огромный. Зал, вмещающий 4.000 ч[еловек], был переполнен до отказа. Присутствовал весь политический Вашингтон. Любопытная черта: Ласски был приглашен в Вашингтон демократической организацией, а говорил как социалист. На другой день после второй лекции Л[асски] имел встречу с членами конгресса и сенаторами, и в беседе с ними восхвалял заводскую демократию в России, подчеркивая, что сам владеет русским яз[ыком] и потому ему-то, при его путешествии по России, никто очков втереть не мог. Вот и разговаривайте со знатными иностранцами. Впрочем, при беседе Л[асски] с сенаторами я не присутствовал, передаю об этом эпизоде «по слухам». На этой неделе будем слушать

Гарольд Джозеф Ласки (Laski) (1893–1950) — английский социолог, в 1936–1949 гг. член, в 1945 г. — председатель исполкома Лейбористской партии.

1. Правильно: Ласки (Laski) Гарольд Джозеф.

другого гостя из Лондона, немецкого геносса проф[ессора] Löwe[1]. Теперь он профессорствует в Лондоне.

Очень радует нас поворот событий в Испании[2]. Здесь считают, что Франко проиграл кампанию бесповоротно. Спасти его может лишь Муссолини. Но решится ли он на новую авантюру[3].

Здесь политическое положение порядком запуталось. На переднем плане два вопроса: реформа Верховного Суда[4] и sit-down-strikes[5]. Вопрос о Верховном Суде вызвал бунт правого крыла демокр[атической] партии против Рузвельта. Этого бунта можно было ожидать рано или поздно, и, в конце концов, администрация справится с оппозицией и своего добьется. Но трещина в едином фронте от рабочих до южных плантаторов оказывается глубокая. В конце концов, несмотря на традиционную вражду с республиканцами, нью-йоркские банкиры ближе сердцу плантаторов, нежели рабочие, «захватывающие» фабрики в Детройте. Так подготовляется новая размежевка…

Ну, будьте здоровы и веселы.

Ваш *В. Войтинский*[6]

---

1. Лёв (Löv) Раймунд — профессор, автор ряда книг по истории социал-демократии.

2. Речь идет о победе в Испании Народного фонта на выборах 16 февраля 1936 г.

3. Войтинский именовал возможность военного вмешательства Муссолини в испанские события новой авантюрой, имея в виду крайне непопулярную в стране итало-эфиопскую войну 1935–1936 гг.

4. Реформа Верховного Суда в США, который в период между 1933 и 1936 гг. неоднократно объявлял неконституционными многие важные законопроекты вносимые президентом Ф. Рузвельтом, была предпринята после того, как тот в 1936 г. вновь был переизбран, а его сторонники получили значительное большинство в обеих палатах Конгресса США. В состав Верховного Суда было предложено ввести шесть новых членов, которые могли бы склонить чашу весов на сторону Рузвельта. Однако для этого требовалось внести соответствующие изменения в принятое законодательство, что не было поддержано ни Конгрессом, ни данными опросов общественного мнения населения США. Continents media group. Интернет-версия ежемесячного журнала «Florida», русские страницы. Последнее посещение 17 января 2006 г.

5. Sit-down-strikes (*англ.*) — сидячие забастовки.

6. Вскоре после этого письма В.С. и Э.С. Войтинские отправляются в отпускные дни в свое первое большое путешествие по Америке.

Письмо № 6

Вашингтон,
31 августа 1936

Дорогие друзья!

Уф, вернулись, наконец, домой. Какое наслаждение! Не надо просыпаться в 5 час. и мчаться невесть куда, сломя голову, изнывая от зноя и жажды, глотая без счета лимонады, кока-кола и ледяную воду. Спишь в своей постели, питаешься по-человечески, в установленное время, ходишь себе на службу, читаешь газеты. Благодать!

Все-таки покатались мы этим летом на славу (маршрут показан на приложенной карте[1]). Сделали больше 12.000 километров. Колесили, главным образом, по юго-западной, наиболее романтической части Америки. Здесь до сих пор сильно чувствуется испано-мексиканское влияние (в архитектуре, одежде и даже расовом типе жителей). Разбойничьи лица, широченные шляпы, косматые кожаные штаны, оправленные в серебро пояса, запястья у женщин, сережки в ушах у мужчин, — толпа, сорвавшаяся с экрана экзотического фильма. А внешняя обстановка сценария совсем фантастическая: «цветная пустыня», каньоны, диковинная растительность — серебристый вереск, кактусы, пальмы. Удивительно интересная страна! Очарованы и подавлены мы, больше всего, Большим Каньоном Колорадо. Красивее, величественнее, торжественнее его нет ничего на свете. Но описывать его предоставляю Эммочке.

Автомобилем мы овладели на славу. Пересечь континент через пустыни и горы в первый год езды — рекорд даже по американскому масштабу. Ездят здесь бешено. В Калифорнии дозволенная скорость на дорогах 100 километров в час. А они, черти, ездят и по 120–125 километров, и для них это самое простое дело, как Петруше сонет написать! Мы таких вольностей себе не позволяли, ехали себе полегоньку — 75 км, и только изредка, если я не следил за спидометром, Эммочка пускала машину вскачь, километров на 90 в час.

---

1. Карта, к сожалению, не сохранилась.

Джон Л. Льюис.

Когда отпечатаем наши фотографии, пришлем Вам образчики диковинок, которых насмотрелись за лето[1].

Теперь втягиваемся в нормальную жизнь. Предстоит много работы, т. к. я хочу этой осенью закончить кое-какие статистические исследования и опубликовать результаты. Дело идет о составе населения Соед[иненных] Штатов, об его социальной дифференциации, специфических признаках различных социальных групп и т. п. Пытаюсь по-новому представить и осмыслить данные американских переписей, а это, конечно, не всем здесь будет по вкусу.

Политическая жизнь здесь сосредоточена на избирательной кампании[2]. По-видимому, Р[узвельт] будет переизбран, но борьба ведется напряженная и исход ее — на острие ножа.

Очень плохи дела в Amer[ican] Feder[ation] of Labor[3]. Здесь в полном разгаре конфликт между цеховыми и индустриальными союзами. Большинство бюрократии федерации с Green'ом[4] во главе, отстаивает принцип цеховых союзов. Идея индустриальных союзов представлена главой углекопов Луисом[5], который взял на себя инициативу объединить в один союз всех металлистов Соед[иненных] Шт[атов]. За эту дерзость совет Федерации исключил его из объединения. Вслед за Луисом из Федерации уходят крупнейшие союзы, насчитывающие более миллиона членов. Федерация переживает, таким образом, жестокий кризис. К этому присоединилось то, что Луис, бывший республиканец, оказался талантливейшим политиком и вождем. Его позиция в избирательной кампании: «На этот раз Labor поддерживает Р[узвельта], а в 1940 г. у рабочих будет свой кандидат». Это и ново, и смело, и умно. Но т. к. Green не мог присоединиться прямо и открыто к политике своего врага, то Федерация официально заняла позицию нейтралитета. Но для всякого ясно, что внутри рабочего движения победа Р[узвельта] будет означать победу Луиса. Поэтому союзная бюрократия должна либо поддерживать собственное поражение, либо вести под рукой политику, заведомо противоречащую интересам пролетариата. Положение совершенно нелепое! Я не представляю себе, как выйдет Федерация из тупика без радикальной ломки и чистки.

1. Супруги Войтинские были прекрасными фотографами. Серия фотографий, посвященных П.Б. Аксельроду и его окружению, публиковалась в свое время в разных изданиях. Вероятно, и фотографии, сделанные ими во время их путешествия 1936 г. по юго-западу США, представляют не только историческую, но и художественную ценность, но сохранились ли они и где находятся сейчас, мы не знаем.

2. В 1936 г. завершался первый срок президентства Ф. Рузвельта, началась предвыборная кампания, в которой съезд демократической партии поддержал его кандидатуру на следующие четыре года.

3. American Federation of Labor — Американская Федерация Труда (АФТ), основана в 1881 г.

4. Уильям Грин.

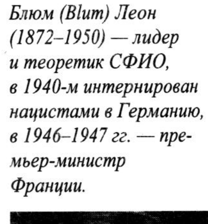
5. Луис — правильно: Льюис (Lewis) Джон Л. (1880–1969) — углекоп, с 1920 г. — председатель союза объединенных шахтеров, в 1935-м основал, а с 1940-го возглавил КПП. См.: *Голдберг Дж. Артур.* АФТ-КПП: рабочее единство. — Нью-Йорк, 1962.

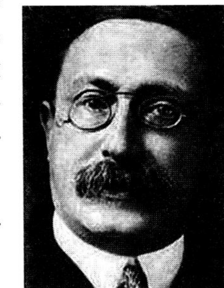
Уильям Грин (Green) (1873–1952) — председатель Американской Федерации Труда с 1924 г.

Завидую оптимизму Шварца (видите, я читаю «Соц[иалистический] в[естник]»[1]), но у меня впечатление, что проф[ессиональные] союзы ни в Америке ни в Европе не оказались на высоте исторической задачи. «Планы» вещь хорошая, но надо знать еще, что к чему. А если и «мозги в минусе» (как говаривал Громан), так против этого никакие комиссии не помогут.

О франц[узских] делах[2] в Америке пишут очень мало. По отрывочным сообщениям здешних газет и по парижскому «Peuple», мне кажется, что мои опасения относительно кабинета Блюма оправдываются. Пересмотр ставок зар[аботной] платы и пр[очие] меры социальной политики, не поддержанные экономической политикой, направленной на расширение производства, неизбежно должны оказаться блефом. Без увеличения национального продукта невозможно повысить реальную зар[аботную] плату. Политика, правильная в полосу промышленного подъема, становится бессмыслицей в разгар кризиса. Без девальвации франка, государственных кредитов и общественных работ соответствующего масштаба франц[узское] хозяйство с мертвой точки не сдвинется. Надо создать возможность одновременного повышения номинальных цен и понижения золотых цен. Это — Моисей и пророцы ликвидации кризиса. Блюм когда-то понимал это. А теперь он заманеврировал свой кабинет так, что ему и податься некуда.

Блюм (Blum) Леон (1872–1950) — лидер и теоретик СФИО, в 1940-м интернирован нацистами в Германию, в 1946–1947 гг. — премьер-министр Франции.

1. В.С. Войтинский имеет в виду статью С.М. Шварца «Под флагом рационализаций» //Социалистический вестник. 1936. 8 апреля. №6–7 (362–363).

2. Речь идет о правительстве Народного фронта во Франции в 1936–1938 гг.

Ландон (Landon) Альфред Моссман (1887–1987) — с 1932 г. губернатор штатат Канзас, в 1934-м переизбран на второй срок, на президентских выборах 1936 г. выступал соперником Рузвельта от республиканской партии.

Через пару месяцев, Петруша, напишите мне, по совести, прав я или нет.

Об испанских событиях здесь пишут и говорят довольно много. Боятся, как бы от этой искры не загорелась новая мировая война. Республиканские газеты открыто на стороне испанских фашистов. В начале такова же была позиция большей части демократической печати. Объяснялось это раздражением здешнего общественного мнения против конфискации американского имущества испанским пр[авитель]ством. Теперь, после успокоительных заявлений Мадрида, положение изменилось, прогрессивные газеты заявляют о своих симпатиях «лоялистам».

Вообще же дела в Европе не очень радуют меня. Как будто обстановка становится все напряженнее и трагичнее. Пронесет ли еще раз? Или, вот-вот, все рухнет? Скверно…

Но т. к. жизнь все же продолжается, то пишите подробно, кто что сказал в З[аграничной] Д[елегации], кто что на это ответил, и кто промолчал, и почему именно это молчание было одними воспринято так, а другими понято этак. «Небылицей какой рассмеши, или так, что слыхал, расскажи… Буду, братец, за все благодарен» (Некрасов).

Шлю Вам сердечный привет, всем.

Ваш *В. Войтинский*

(Transcontinental Driver №2[1])

Письмо №7

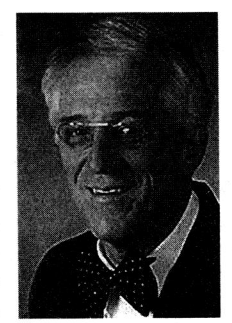
[Вашингтон, без точной даты,
вторая половина сентября —
начало октября 1936[2]]

Дорогие друзья!

У нас все без перемен. Много работы. Заканчиваем корректуры анг[лийского] издания «Consiguances Sociales de La Crise» (для Женевы). Я подготовляю издание своего «предварительного доклада» Комитету, в к[отор]ом работаю. Издание будет литографированное, для внутреннего потребления соответствующих учреждений. Но я очень увлечен этой идей.

1. Межконтинентальный водитель №2, первым В.С. Войтинский числил свою жену — Эмму Савельевну.

2. Датируется по содержанию.

Рузвельт (Roosvelt) Франклин Делано (1882–1945) — 32-й президент США (с 1933 г.), четыре раза переизбирался на этот пост от Демократической партии. Известен «новым курсом», вкладом в создание антифашистской коалиции.

Здесь в полном разгаре избирательная кампания. Размежевание социальных сил прошло так, как я ожидал. Рабочие все на стороне Рузвельта. Ему удалось пробудить энтузиазм в молодежи, к[отор]ая до сих пор мало интересовалась политикой, и увлечь за собой широкие круги радикальной интеллигенции. Интересно, что коммунисты открыто поддерживают Р[узвельта] (как оплот против фашизма). С другой стороны, даже архиправая и очень бездарная Am[erican] Fed[eration] of Lab[or] выступает за президента (под давлением низов, т. к. рабочие не могут понять политики нейтралитета в такой момент). С противной стороны кампания ведется на запугивании обывателей: Р[узвельт] — коммунист, Керенский амер[иканской] революции, красный диктатор, инфляционист и т. п.

Кампания ведется иначе, чем в Европе. Нет ни плакатов, ни партийных флагов, ни шествий по улицам. Даже массовых собраний здесь не любят. Разве ли соберут митинг для того, чтобы выслушать речь президента или Ландона. Центр тяжести кампании в газетах и в радио. И если большая часть газет в руках республиканцев, в «эфире» демократы сильнее [благодаря] несравненному ораторскому таланту Рузвельта.

Теперь о российских делах. Признаюсь, многое из того, что происходит там, для меня непонятно, хотя общая линия развития представляется достаточно ясной. Но еще более непонятна мне реакция «Соц[иалистического] в[естника]» и всей нашей колонии на события. «Кровавая грань»? Бойня — да! Но почему — грань. Таких граней проведено уже слишком много. Я не умею различать между голубой кровью социалистов и черной кровью буржуев. Кровь всегда кровь. Казнь 43 «вредителей»[1] потрясла меня несравненно сильнее, нежели расправа Сталина с оппозицией[2]. Если бы эта расправа стояла

1. Имеются в виду процессы 1930–1931 гг. т. н. «Промышленной партии», «Трудовой крестьянской партии» и «Союзного Бюро РСДРП», проходившие по которым обвинялись во вредительстве в промышленности, срыве коллективизации и контрреволюционных действиях в Госплане, ВСНХ, Госбанке, Центросоюзе и на ряде крупнейших промышленных предприятий страны.

2. 25 августа 1936 г. был приведен в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, по которому расстреляли Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева,

особняком и не была очередным звеном в цепи бесконечных казней («грань»!), то можно было бы пройти мимо нее, как мимо внутренней склоки б[ольшеви]ков промеж себя. Волнует эта расправа именно потому, что это бытовое явление, очередной удар топора.

А социологическое содержание того, что происходит в России, я определил бы в терминах Ленина. Помните, он спрашивал в 1906 г., в каком году мы живем: в 1874-м или в 1849-м? Так вот, я сказал бы, что Россия живет не термидором, а несравненно более поздней фазой революции. «1793-й год» Россия пережила, вероятно, в 1921 году. «1794-го года», на сей раз, не было. А теперь идет, примерно, 1806 или 1807-й год. Национальная идеология, стремление сплотить вчерашних врагов в единую, грозную силу, обостренный интерес к внешней политике, напряжение всех сил нации для создания непобедимой армии… Вы все ожидали Бонапарта («Боюсь, боюсь я Карапета, боюсь, не Бонапарт ли это»). А новая фаза революции пришла с другого конца. Основная черта сталинского правительства это то, что в его лице выкристаллизовалось национально-плебейское пр[авитель]ство. Хорошо ли это или плохо, это другой вопрос. Но в этом «гвоздь момента», как выражался довольно неуклюже Ленин. И дальнейший вопрос в развитии российской революции сводится к двум датам наполеоновской эпопеи: Аустерлиц[1]? Или сразу Ватерлоо[2]?

Эта оценка общего положения определяет мое отношение к планам ЗД. Претензия крошечной кучки непрестанно грызущихся между собой журналистов, не имеющих ни влияния, ни связей, ни крупных имен, ни талантов, — короче, не имеющих за душой абсолютно ничего, предложить себя на роль кремлевской оппозиции представляется шуткой плохого тона и только. Я понял бы открытую капитуляцию: вчерашние якобинцы, убийцы короля не считали зазорным идти на службу к Императору Наполеону! Но пробираться в Москву извилистыми путями, играя в оппозицию! Да кто их пустит? Кто будет с ними разговаривать?

И.Н. Смирнова и других обвиняемых по сфальсифицированному делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского» центра.

1. Аустерлиц — сражение 1805 года, приведшее к поражению русско-австрийских войск и распаду антифранцузской коалиции.

2. Ватерлоо — сражение 1815 года, когда сокрушительный разгром армии Наполеона I привел к его окончательному отречению от престола.

Вся затея имела бы смысл, если бы цель ее была в том, чтобы напомнить миру, что, мол, в Париже живут еще Бобчинский и Добчинский. Если дело в этом, моя критика умолкает. А если кампания задумана всерьез, то я могу лишь пожалеть людей, в такой мере лишенных чувства юмора.

Ну, вот, друзья мои, все, что имею я сказать Вам по текущему моменту. Напишите, что Вы об этом думаете, и как нравятся Вам «Письма русской путешественницы»?

С дружеским приветом Гарвям и Гарвяткам.

Ваш *В. Войтинский.*

Письмо №8

[Вашингтон], 14 марта 1937

Дорогие друзья!

Получили открытку Петруши из Цюриха и надеемся, что швейцарский врач поможет ему[1]. Конечно, у Вас это главное.

Сборник А[лександра] Н[иколаеви]ча[2] вышел очень удачным. Не помню, писал ли я Вам об этом, но статья Б[ориса] И[ванови]ча[3] чрезвычайно понравилась мне, несмотря на ее нарочито сухой и безличный тон. Неплохо он представил и нашу группу («партийная оппозиция») с её — и хочется и колется!.. Единственное, что огорчило меня в этом издании —

1. П.А. Гарви с начала 30-х гг. катастрофически терял зрение. В письмах В.С. Войтинского см. первое упоминание о болезни П.А. Гарви в №5 от мая 1936 г.

2. Речь идет о книге «Посмертный сборник произведений» А.Н. Потре́сова, которая вышла в Париже в 1937 г.

3. Б.И. Николаевский. Жена Потре́сова, Екатерина Михайловна писала субсидировавшему издание лидеру нью-йоркской плехановской группы С.М. Ингерману 12 февраля 1937 г.: «Эту статью, можно сказать, официального историка партии — надо было обязательно получить. И так как она была получена в результате борьбы за нее (ибо, как Вы знаете, был момент — и длительный, когда Б.И. отказался от ее написания), то теперь, когда он сам статьей доволен, — я, смеясь, ему говорю — "Вы должны меня поблагодарить за то, что я настояла и заставила Вас писать". На что он искренне ответил — это верно». См.: HIA. Series 23. Box 63. Folder 12. Оригинал. Автограф. Чернила.

8-5125

это необычайное количество опечаток[1]. Что же касается до «С[оциалистического] в[естника]», то в нем радует меня и выпрямление линии, и улучшение в языке. Новые откровения Дана заставляют меня пересмотреть старое определение различия между умными и глупыми людьми (и политиками). Раньше считалось, что умные это те, которые понимают и, поняв, не забывают. Глупые это те, которые либо не могут понять, либо, поняв, тотчас забывают то, что поняли. Это неверно. Различие лишь в том, что умные понимают вещи на год раньше, чем средние люди, а глупые — на год позже. Дан чуть-чуть выскочил из этой категории: он начал понимать на 1½ года позже… Не так ли?

Петруша спрашивает меня о положении в С[оединенных] Ш[татах], о забастовках и, в частности, о Луисе.

Забастовочное движение здесь усилилось в результате двух факторов: 1. Улучшение общего экономического положения. 2. Победа демократического президента на выборах. На другой день после выборов для всех было ясно, что теперь пойдет пересмотр условий труда. Повышения зар[аботной] платы начались уже в декабре, и при том чувствительные повышения, — на 10, 15%.

Особенность нынешнего стачечного движения в том, что оно выдвигает на первый план не вопросы о рабочих часах и о плате, а правовые вопросы: коллективный договор и признание союзов. Другими словами, рабочие пытаются закрепить свои позиции. Эта новая тактика идет из «вертикальных союзов», вдохновитель ее — председатель СУО[2] Луис.

«Вертикальные» или «индустриальные» союзы по своей идее ничем не отличаются от больших проф[ессиональных]

1. Об этом же писала Ингерману и Е.М. Потре́сова: «Недостатков в сборнике много. Прежде всего, из рук вон плохое исполнение фотографий — кроме первой, большой, несмотря на то, что были даны хорошо сохранившиеся портреты. Во-вторых — недопустимое помещение списка изданий “Дома Книги” на 2-й стр. обложки. И, наконец, опечатки. Но условия издания были таковы, что тут просто можно было со злости лопнуть. Держа две корректуры, и я, и С.О. [Португейс] убедились, что наборщик, поправляя опечатки и отливая новую строку, делал новые опечатки. Поправить дело можно было только тем, что просидеть в типографии и при себе заставить исправить. И это могли сделать и С.О., и я — но… Типография была недосягаема для посторонних, по особым условиям. Ну, что об этом говорить». См. там же.

2. СУО — союз объединенных шахтеров.

Гомперс (Gompers) Самуэль (1850–1924) — долголетний (с 1882-го, кроме 1895-го) председатель Американской Федерации Труда.

союзов в Европе. Они пытаются объединить всех квалифицированных и неквалифицированных рабочих по отраслям промышленности (горняки, металлисты, текстильщики и т. д.). Эта попытка была начата группой профессионалистов еще в рамках Ам[ериканской] Фед[ерации] Труда. Но цеховые союзы квалифицированных рабочих, господствующие в Федерации, саботировали работу по объединению неквалифицированных рабочих. Они терпели в своей среде пару «вертикальных» союзов, но не желали их усиления. Тогда Луис, как председатель «вертикального» союза горняков, вместе с несколькими деятелями (еврейских) ремесленных союзов в Нью-Йорке, образовали «ячейку» внутри Ам[ериканской] Фед[едерации] Труда и взяли дело в свои руки. В ответ совет Фед[ерации] исключил их. В момент раскола на стороне СУО было около 1½ милл. членов Фед[ерации], а на стороне Грина около 2 мил-л[ионов]. Впрочем, в составе союзов большинства было немало сторонников Луиса. Так произошел в американском рабочем движении глубокий раскол.

Для беспристрастного наблюдателя с самого начала было ясно, что силы обеих фракций слишком неравны: 1. Руководители Фед[ерации] — люди бездарные, без инициативы, без понимания нового времени, а Луис человек талантливый, властный, блестящий тактик, полный энергии (хотя плохой оратор). 2. Руководители Фед[ерации] — эпигоны цеховой идеологии Самуэля Гомперса, которая бессильна разрешить проблемы соц[иальной] и эконом[ической] политики, а «вертикальные» союзы как раз включают рабочее движение в общую политическую систему.

Вообще Ам[ериканская] Фед[едерация] Труда после исключения союзов Луиса оказалась во власти реакционных элементов (правее Грина). Во время президентской кампании она до последнего момента сохраняла нейтралитет между Рузв[ельтом] и Ланд[оном]. По отношению к Испании она подчеркивает нейтралитет между Франко и Мадридом. В определенных вопросах законодательства (напр[имер], в вопросе о госуд[арственном] арбитраже) она выступает на стороне реакции, хотя в др[угих] вопросах и поддерживает президента. Вся динамика американского раб[очего] движения в настоящее

время в союзах Луиса, и они растут с изумительной быстротой, хотя Ам[ериканская] Фед[ерация] Труда не останавливается ни перед чем в кампании против новых союзов, организуемых Луисом. Мотивы против этих союзов: 1. Организация неквалифиц[ированных] раб[очих] нарушает интересы старых союзов; 2. Капиталисты никого не допустят и не признают верт[икальных] союзов; 3. Вертикальные союзы — это начало анархии; 4. Это большевизм; 5. Мы (т. е. федерация) сами организуем верт[икальные] союзы успешнее, чем Луис.

Теперь еще пара слов о «Sit-dawn-strikes». По своей психологии, эта новая тактика не имеет ничего общего с революционным захватом фабрик и заводов. Скорее, это — перенесение пикетов во внутренние помещения предприятий. Конечно, тактика эта нелегальна и чревата опасностями. Но она может быть оправдана злоупотреблениями на стороне хозяев (шпионаж, желтые союзы, запугиванье рабочих, черные списки). А затем, применение этой тактики рабочими — лучший аргумент в пользу гос[ударственного] арбитража. Поэтому во время забастовки в автомоб[ильной] промышленности Рузвельт фактически поддерживал sit-down-strikers, вместе с губернатором Морфи и с Лафалеттом в Сенате. Забастовка была выиграна благодаря их поддержке. Равным образом, Р[узвельт] поддерживает кампанию Луиса в деле организации новых союзов. В прокламациях CYO подчеркивается: «Президент желает, чтобы Вы вступили в союз». Правая печать требовала, чтобы Рузв[ельт] заявил, что эта фраза включена в прокламацию без его согласия. Рузв[ельт] наотрез отказался сделать такое заявление.

В дополнение к этим отрывочным замечаниям посылаю Вам пару газетных вырезок по тому же вопросу. В виде компенсации жду Вашей информации.

Сегодня воскресенье, сидим дома. Идет снег, за окном все бело, как зимой. После обеда едем с Ясными смотреть русский фильм «Юность Максима»[1].

С дружеским приветом всем Вам

Ваш *В. Войтинский*

1. Речь идет о фильме Г.М. Козинцева и Л.З. Трауберга из кинотрилогии о Максиме (1935–1939 гг.). В тексте ошибочно — «Детство Максима».

Письмо №9

[Вашингтон, без точной даты, середина мая 1937]

Дорогие друзья!

Простите, что давно не писал Вам. Затормошился. Теперь, с середины мая, имею два свободных дня в неделю, по субботам, в летние месяцы мой комитет закрывает лавочку. И вот воспользовался первой свободной субботой, чтобы побеседовать с Вами.

Прежде всего, о сборнике памяти П.Б. [Аксельрода]. Кроме Петруши, мне писали о намеченном плане Ир[аклий] Г[еоргиевич] и Бор[ис] И[ванович]. Я ответил Ир[аклию] Георгиевичу: Все ваши предположения мне очень по сердцу, лишь в «формально юридическом» вопросе я рекомендовал бы чуть-чуть изменить Вашу позицию[1]. Пожалуй, мое предложение приближается к позиции, к[ак]ую отстаивал Петруша. Но т. к. я недостаточно представляю себе нынешнюю обстановку в Париже, то я сделал свое предложение Ир[аклию] Г[еоргиеви]чу и Бор[ису] И[ванови]чу в условной форме: если они возражают, то я беру свое предложение назад и возвращаться к нему не буду.

Теперь еще о сообщении Петруши относительно проекта Ф.И. увековечить память П.Б. путем размножения его, дановских, передовиц. Это сообщение меня потрясло. Вот ведь как можно ошибиться в человеке! Я считал Ф.И. человеком, лишенным фантазии и остроумия, а он-то вон какой забавный и шутник.

Статья Петруши в «СВ» очень нам понравилась[2].

Получили мы также последнюю книжку «С[овременных] зап[исок]». В ней прекрасные статьи о Пушкине, но лучше всего, на мой взгляд, стихи Марины Цветаевой, в особенности

1. Речь шла о том, чтобы, прежде всего, урегулировать с Ф.И. Даном вопрос о составе редколлегии сборника.

2. См.: *Гарви П.А.* Удар налево и направо //Социалистический вестник. 1937. №1–2 (381–382).

заключительные строки второго стихотворения: «Последний — посмертный — бессмертный…». Ей Богу, стихи не такое уже плохое занятие. Прозой так и не подумаешь и не скажешь. Впрочем, всех стихов в книжке «С[овременные] зап[иски]» еще не прочел.

Для следующей книжки журнала пишу статью о событиях в Америке (Луис, «сидячие забастовки» и пр[очие] веселые вещи).

Из письма Руднева[1] узнал, что кое-кто в Париже, ударился в панику насчет Рузвельта. Это все пустяки. Здесь дела идут совсем, совсем не плохо. И экономическое положение улучшается, и рабочее движение развивается.

Сегодня были вместе с Ясными на водопадах Потомака, в 20–25 милях от Вашингтона. День был приятный, но с Я[сным] как-то тяжело, странный он человек. С работой у него ничего не налаживается, по-видимому, ему удастся издать книгу, к[отор]ую он написал года два тому назад. Это его морально поддержит.

Прошлое воскресенье была у нас Юдифь Ароновна с Бичей. Мы их катали по Вашингтону и окрестностям. Обе очень довольны Америкой, хотя борьба за существование дается Юд[ифь] Ар[оновне] не легко.

Вот и все русские в поле нашего зрения. Остальные — все американцы, от них ввек слова не услышишь.

Заканчиваю свою работу об американском рынке труда. Получается томик в страниц 400 или 500. Дописав последнюю страницу, примусь сокращать, переставлять главы, приглаживать, на что уйдет немало времени. В моем комитете останусь, вероятно, до середины октября. Дальнейшие планы еще не выяснились.

Пишите, дорогие друзья, как Вы живете, что поделываете. Как здоровье, как преуспевают Гарвята, что на меньшевистском фронте и как в ЗД «наши» «своих» бьют. Очень дорожим подробной информацией.

1. Руднев Вадим Викторович (1874–1940) — участник революционного движения с 1890 гг. С начала 1900-х — социалист-революционер. См. подробнее: Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.1. Июль 1917 — май 1918. Составитель, автор предисловия и коментариев Я.В. Леонтьев. — М., 2000. С.723.

С сердечным приветом
Ваш *Вл. Войтинский*

P.S. Написал я Ир[аклию] Г[еоргиеви]чу и относительно Бори[1]. Само собой разумеется, я очень рад его участию в подготовке сборника П.Б. Пишу Вам об этом по специальному настоянию Эммы Сав[ельевны]. Она не помнит, писал ли об этом Ир[аклию] Г[еоргиеви]чу и беспокоится, что я оставил этот пункт без ответа. Вот теперь все в порядке.

Письмо №10

[Вашингтон], 30 июня 1937

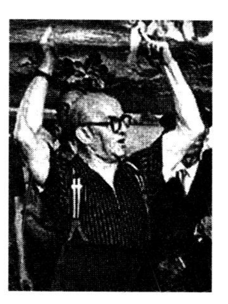
Дорогие друзья!

Давно не писали Вам. Живем без больших перемен, тихо и довольно уединенно. Много работаем, каждый день играем для моциона в теннис и достигли уже такого искусства, что иногда попадаем ракеткой по мячу.

В середине июля я беру отпуск на месяц. На этот раз поедем на север, в Канаду. Маршрут менее сложный, чем в прошлом году, т. ч. меньше времени придется сидеть в автомобиле, можно будет ходить пешком, купаться в океане и т. п. Сегодня написал письмо Ф[едору] И[льи]чу по Петрушиной шпаргалке (посылаю его И[раклию] Г[еоргиеви]чу). Но большая просьба, Петруша, к Вам: объясните И[раклию] Г[еоргиеви]чу и Б[орису] И[ванови]чу, что это чистейшая случайность, что я оказался согласен с Вами. Исходные точки зрения у нас различные: у Вас — симпатия и влечение, род недуга к Ф.И., а у меня — сознание, что это человек, с к[отор]ым лучше всего на свете не связываться. Вы хотели бы, чтоб он согласился, я же хочу лишь, чтоб он сам снова отказался. Ради Бога, объясните это товарищам по коллегии.

События в России отвратительны, но мне кажется, что процесс развивается нормально. Это не канун термидора и даже не брюмер, а значительно более поздняя дата. Если это

1. Б.М. Сапир.

Соломон Грюмбах (Grumbach) (1884–1952) — французский социалист, принимал активное участие в деятельности РСИ.

бонапартизм, то — увы! — бонапартизм без гения Наполеона и без его благородства.

Вы спрашиваете, что я думаю о положении во Франции. Я не изучал вопроса, как Вольский, но его оценка представляется мне малоубедительной. Если рабочее время сокращено больше, нежели это оправдывается объективными условиями, это сказалось бы в нехватке рабочих рук и в таком соотношении между ставками зарплаты и ценами, при котором реальная зар[аботная] плата оказалась бы слишком низка. Выход был бы найден в сверхурочных работах, и равновесие бы было восстановлено. Затруднения возникли бы лишь в связи с вывозом, но и эти затруднения могли бы быть устранены.

Беда, как мне кажется, не в социальной политике Блюма, а в том, что у него не было никакой экономической политики. Девальвация франка была необходима, но ведь эта мера, сама по себе, не разрешает проблемы. Смысл ее состоит в том, что она облегчает экспансионистскую политику и делает возможным проведение ее без ущерба для экспорта и при минимальном вмешательстве государства в хоз[яйственные] процессы.

Экспансионистская политика возможна в различных формах: дешевые кредиты промышленности, кредитная инфляция, государственные заказы, общественные работы, помощь безработным за счет растущего государственного дефицита и т. п. Все эти методы испытаны за последние годы, и все они оказались действенны. Выяснилась также возможность комбинирования этих методов с регулированием валюты, без девальвации (Binnenwährung[1] в Германии). Но ведь во Франции не было сделано ничего! Девальвация повисла здесь в воздухе. Я думаю, что причина этого парадокса в поразительно низком уровне экономических знаний в стране, в частности, среди политиков и, в особенности, среди фр[анцузских] социалистов. Вспоминаю свои беседы с Грюмбахом. Он, бывало, начнет расспрашивать меня, но видно, что ему трудно следить за предметом, и через три минуты он признается, что ничего не понимает, и переходит к болтовне на тему о том, кто, что сказал в Commission Permanante[2]. Мне думается, что Мин[истерство]

1. Binnenwährung (*нем.*) — внутренняя валюта.
2. Commission Permanante (*фр.*) — постоянная комиссия.

Нар[одного] Хоз[яйства] и Мин[истерство] Фин[ансов] в кабинете Блюма, по уровню экономических знаний не отличались от Грюмбаха. Ясно, что поскольку производство во Франции не расширилось, реальный доход рабочих не мог увеличиться. Вся соц[иальная] программа оказалась ударом шпаги по воде. К этому присоединилось ослабление России. Радикалы учли положение и прикрутили социалистов. Если теперь им удастся справиться с депрессией, а с помощью промышленников это можно сделать в два-три месяца… Тогда стратеги рад[икальной] партии выберут момент и обратятся к избирателям. Этим закончится данный опыт коалиции. После выборов будут дальнейшие опыты того же порядка, но уже с другой идеологией.

Вот, друзья мои, как рисуется мне положение. Вероятно, со многими мыслями Вы не согласны. Поэтому, сохраните это письмо, и месяцев через шесть проверьте, прав ли я или нет. Во всяком случае, я не хотел бы, чтоб Вы поняли меня в смысле недооценки личной роли Блюма. Блюм оказался молодцом хоть куда. Но кабинет у него был слабый, особенно в вопросах экономики. Положение меньшевиков при коалиции будет много лучше: у нас есть Югов!

Спрашиваете Вы еще о перспективах моей работы. В октябре я заканчиваю свою книгу (заглавие ее будет: Labor in the US under Social Security Lands[1]). Дальнейшие планы еще не выяснились. Возможно, что сразу после окончания этой работы приступлю к новому более обширному исследованию, ко[торо]е потребует двух лет труда (тема: Mobility of Labor and Unemployment in the US[2]). Но это еще не решено окончательно. Если этот проект не осуществится, буду искать другой работы.

Большие надежды возлагаю на успехи Эммы Сав[ельевны], она идет здесь вверх куда успешней, чем я. Но это вопрос строжайшей конспирации, не говорите никому ни слова, даже Лидии[3] не рассказывайте.

1. Labor in the US under Social Security Lands — Труд в США согласно закону о социальном страховании.
2. Mobility of Labor and Unemployment in the U» — Кривая занятости и безработицы в США.
3. Л.О. Дан.

У Ясных дела идут довольно плохо. Он полтора года без работы, ничего ему не удается, здоровье не восстанавливается. Его жена оказалась на высоте положения. Работает, имеет успех, содержит всю семью своим трудом. Передал я ему Ваш поклон. Ясные живут недалеко от нас, мы часто встречаемся, хотя порой с ним бывает тяжеленько.

Ну, вот и все. Желаю Вам всего хорошего, сердечный привет…[1]

Ваш *В. Войтинский*

Павший солдат (Death of Loyalist Soldier), 1936, гражданская война, Испания. Фотография Роберта Капы (Robert Capa).

Письмо №11

[Вашингтон, без точной даты, первая половина июля 1937[2]]

Дорогие друзья,

очень угнетает нас трагическая история с Муриком[3]. Много из того, что Вы пишите, кажется неправдоподобным бредом. Но действительность так похожа на бред в наши дни, что всему приходится верить. Я написал письмо Р[афаилу] А[брамовичу], посылаю Вам. Если найдете это правильным, передайте Р.А., объяснив ему, что я не имею его адреса, а на контору «С[оциалистического] в[естника]» писать не решался.

1. Кому Войтинский передавал привет, разобрать не удалось.

2. Датируется по содержанию.

3. Рейн Марк Рафаилович (1909–1937) — сын Р.А. Абрамовича. Со второй половины 20-х, наряду с Даниилом Бройдо и Борисом Сапиром, член Заграничной делегации социал-демократической молодежи России. В 1937-м уехал добровольцем в одну из интернациональных бригад республиканской Испании, вскоре был похищен неизвестными.

Письмо о сборнике П. Б. Вы, наверное, уже получили. С Ингерманом и Виляцером я еще не списывался по двум причинам: пункт 1-й — необходимо, сперва, уладить формально вопрос о редакции, чтобы отнять у «противной» стороны возможность ссылаться на то, что все было решено и устроено заранее; пункт 2-й — я не получил от Вас точных указаний о том, что Вы ждете от Инг[ермана] и Виляцера.

Во французских событиях нет ничего неожиданного. «Опыт Блюма» с самого начала был очередной парламентской коалицией и ничем иным. Особенность этого опыта была лишь в том, что доля социалистов в гос[ударственной] власти была формально чуть-чуть больше, а по существу значительно меньше, чем при многих других коалициях. Слабость же их происходила из того же источника, что и слабость немецких с[оциал]-д[емократов], они не знали, что делать в области экономической политики в такое время, когда в экономике был ключ положения. Во всех других отношениях положение во Фр[анции] было отлично от положения в Герм[ании]. И люди были иные, и идеология иная. Но в этом <u>одном</u> пункте было сходство. И тут ничего не поделаешь. Раз люди не знают, чего хотеть, что и как делать, фразеологией технику заменить нельзя. Рано или поздно приходится сматывать удочки.

«Структурными» реформами делу не поможешь. Кто будет их проводить? Вижен д'Ариоль[1]? Жиромский[2]? Грюмбах? Они способны национализировать железные дороги, пушечные заводы, рудники. На это много ума не требуется. Но ведь это не увеличит ни на сантим реальный нац[иональный] доход Франции, а следовательно, не облегчит безработицы и не по-

1. Ариоль (Auriol) Винсент (1884–1966) — французский социалистический и государственный деятель; президент Французской Республики в 1947–1954 гг.; вышел из социалистической партии в 1959 г.

2. Жиромский (Zyromsky) Жан (1890–1975) — в 30-е гг. один из лидеров левого крыла французской социалистической партии и ее представителей в Бюро РС. После второй мировой войны — коммунист.

высит реального заработка рабочих. Надо либо идти ва-банк, решившись на 20 лет нужды и лишений для всего народа, на гражданскую войну между городом и деревней, на войну с Германией, и т. п., либо же пытаться управиться с существующей машиной капиталистического производства. Два варианта! Возможен ли во Фр[анции] первый вариант, я не знаю. А для второго варианта надо, прежде всего, подучиться. Провалившись на экзамене, нечего вешать нос, а надо готовиться к переэкзаменовке. Здесь нет ничего зазорного, это нормальный путь.

Невольно навязывается сравнение между опытом Бл[юма] и опытом Рузв[ельта]. Разница между ними та, что Рузв[ельт] был смелее Бл[юма] и не побоялся регулировать хоз[яйственные] процессы, опираясь на новые, до его опыта еще не проверенные эконом[ические] теории. Эта смелость помогла ему собрать вокруг себя людей знанья и воли, кот[орые] вместе с ним и вынесли на своих плеч[ах] New Deal[1]. А Бл[юм], при всем его благородстве и пафосе, оставался одинок в своем кабинете, окруженный честными, но невежественными товарищами и готовыми предать его союзниками.

Я думаю, что коалиция продержится во Франции еще несколько месяцев, пока не произойдет поворот в хоз[яйственной] конъюнктуре. Радикалы повернут дело так, чтоб выходило, что соц[иалисты] срывают начинающийся подъем. Затем назначат новые выборы и, подчиняясь воле избирателей «расширят» коалицию, т. е. выбросят из пр[авитель]ства левых и введут в кабинет представителей банков.

События в России мне так же непонятны, как и Вам. Решительно не вижу, какой развязки ожидает «С[оциалистический] в[естник]». Конец Сталина в стиле Вальтасара[2] или Павла[3], конечно, возможен. Но какая же это будет развязка? То, что придет на смену, будет продолжением сталинской политики, с его ориентацией на новых знатных людей, спецов и т. п.

1. New Deal (*англ.*) — новый курс.

2. Вальтасар — в иудаистических и христианских легендах последний вавилонский царь, убитый вскоре после вступления персов в Вавилонию (в ночь взятия персами Вавилона устроил пир, т. н. «валтасаров пир»); титула царя не носил, хотя и располагал фактически всеми его полномочиями.

3. Павел I (1754–1801) — российский император с 1796 г., сын Петра III и Екатерины II, убит заговорщиками-дворянами.

А старых б[ольшеви]ков будет выметать и послесталинская метла. Изменятся лишь формы. М. б., сделают уступки мужикам; м. б., подпустят погуще соус «советской демократии». Но это может сделать и Сталин самолично. Т. е. нам увязывать чемоданы пока не время.

Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков в США.

Здесь, в Америке, последние события в Росс[ии] весьма подорвали престиж б[ольшеви]ков. Даже русских летчиков[1] чествовали довольно сдержанно, хотя они-то молодцы первого сорта. На днях здесь разыгралась презабавная история. Внезапно газеты сообщили о приезде в Вашингтон Лазаря М. Кагановича. Биография, портрет, характеристика, все как следует: строитель московского метро, спаситель жел[езно]-дор[ожного] транспорта, первый человек в гос[удар]стве после «самого», покровитель наук и искусств. Приехал, мол, неофициально, без предупреждения. Начались догадки, что и как? Война с Японией? Ликвидация Тр[оянов]ского[2]? А через два дня выяс-

1. Имеются в виду В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков и А.Ф. Беляков («Товарищ Сталин! Байдукнем по чкалику белячка!»), совершившие в 1937 г. беспосадочный полет Москва — Северный полюс — Ванкувер (США).

2. Трояновский Александр Анатольевич (1882–1955) — социал-демократ с 1904 г., меньшевик, член центральных руководящих органов партии. С 1923-го — член ВКП(б). С 1924-го председатель Госторга РСФСР, с 1927-го — полпред в Японии, а с 1933-го — в США.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) — большевик с 1911 г., с 1922-го — заведующий отделом ЦК РКП(б), в 1924-м, 1925-м и 1928–1936 гг. — секретарь ЦК РКП(б), был первым секретарем украинской компартии, МК и МГК, наркомом путей сообщения, тяжелой, топливной, нефтяной промышленности, строительных материалов, заместитель председателя правительства СССР, член Политбюро (Президиума) ЦК в 1930–1957 гг. В 1962 г. исключен из партии.

нилось, что приехал Каганович, да не тот, не Л.М., а М.М., его брат.

Кончаем работу перед летней поездкой. Дел не обобраться. Но через пять дней, ранним утром, покатим на Север. По правде, пора уже. Последние две недели стояла тропическая жара. Воздух настолько влажный, что бумага кажется промокшей на дожде. Все жалуются и непрерывно пьют ледяную воду. Мы с Эммой Сав[ельевной] переносим жару лучше, чем американцы. Я даже с чертежной доской справляюсь, освежая себе руки ледяной водой. Но все же хорошо будет отдохнуть и от жары и от цыфири.

Следующий раз буду писать Вам уже с дороги.

А теперь еще одно небольшое дело. Я посылаю Вам при сем письмо для Jacgues Durrè[1]. Я оставил ему мою рукопись о 1917 г. и хотел бы получить ее назад… Разыщите его, пожалуйста, передайте ему от меня прилагаемое письмо и стеребите с него рукопись (якобы для спешной отправки мне). А получив рукопись, сохраните ее до нашего приезда в Париж.

С дружеским приветом всем Вам
Ваш *Вл. Войтинский.*

Адрес его:
10 rue Quatrefahes, Paris (V).
Tel. Port-Royal 18–62.
Он говорит по-русски.

Письмо №12

Вашингтон, 4 сентября 1937

Дорогие друзья!

Письма Сони из Шамони[2] доставили нам искреннюю радость. Не правда ли, славный уголок земли эта Pays du Mon Blane[3]? Мы хорошо знаем эти места. Пожалуй, лучше всего

1. Дюрре Жак — французский издатель.
2. Лето 1937-го Софья Самойловна и Петр Абрамович Гарви с дочерью провели в Швейцарии.
3. Pays du Mon Blane (*фр.*) — страна белой горы.

Каганович Михаил Моисеевич (1888–1941) — старший брат Лазаря Моисеевича Кагановича, большевик с 1905 г. В 1927–1934 гг. — член Центральной контрольной комиссии партии, в 1932–1936 гг. — заместитель народного комиссара тяжелой промышленности. Покончил жизнь самоубийством под угрозой неминуемого ареста.

там этот маленький ледничек, Boisson (или как его там?), выползающий из леса в самую глубь долины. Очень хороши и «иглы», торчащие над сосновыми вершинами. А сам Mon Blane хорош только с большого расстояния, напр[имер] из Женевы. Вблизи он теряется. В наше время Mon Blane выделялся своей белизной, т. к. его вершину подметали и чистили щетками с мелом каждую субботу. Как теперь? Я слышал, что из-за кризиса его запустили, и он больше не блестит на солнце.

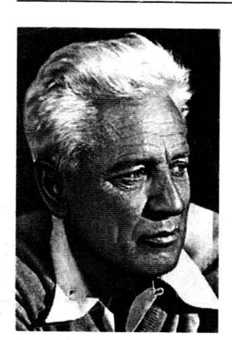
Во всяком случае, хорошо, что Вы выбрались из Парижа. Молодец Сильвуша! Не даром я считал, что у нее больше инициативы, чем у всех прочих Гарвей, взятых вместе.

Мы недавно вернулись домой после месячного путешествия по Канаде и северо-восточной части Соед[иненных] Шт[атов]. Видели много любопытного, прекрасно отдохнули. В смысле физическом чувствуем себя гораздо лучше, чем после прошлогоднего вояжа. В особенности я вернулся тогда изрядно потрепанным и, собственно говоря, не мог оправиться по-настоящему до самой зимы.

У нас трудовой сезон в полном разгаре. Я заканчиваю спешно свою книгу. Ея успех или неуспех будет иметь большое значение для нашего дальнейшего устройства в Америке. По нашим европейским понятиям, книга мне удалась (теперь я уже могу судить о ней). Но придется ли она здесь ко двору, не знаю. Здесь пишут по-иному, чем в Германии. Черт их знает, как отнесутся американские читатели к моим несколько необычным соображениям о структуре населения и хозяйства в их стране. Три четверти рукописи уже сданы на просмотр моим амер[иканским] коллегам. А о трудовом сезоне Эммочки пока ничего определенного сказать не могу. Терпение! Со временем все выяснится. А пока — silence[1].

Большое спасибо Вам за Jllustration. Картины выставки[2] были очень интересны нам. Какая бездна изящества и вкуса! Но у меня впечатление, что все представлено в Париже в очень миниатюрном масштабе. Бросается ли это в глаза? Или тщательность выбора скрадывает скромные размеры выставки?

1. Silence (*фр.*) — молчание.
2. Имеется в виду экспозиция живописи и скульптуры в рамках Всемирной парижской выставки 1937 года.

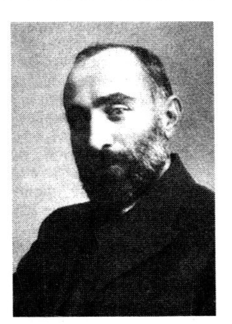
Макс Истмен (Форрес Гер) (1883–1969) — американский журналист, писатель, кинодокументалист, профессор Колумбийского университета.

Посылаем Вам серию статей о России, появившихся в здешних демократических газетах. По-видимому, автор превосходно осведомлен и пишет с большой искренностью, без погони за сенсацией, без преувеличений, без пропагандистских задних мыслей. Я не буду удивлен, если в ближайшем номере «СВ» появится письмо собственного корреспондента, освещающее положение в том же смысле. Я думаю, что автор прав, в частности, в своей оценке прочности режима. Он, несомненно, прав, сравнивая нынешнюю чистку с июньской бойней, учиненной Гитлером[1]. Впрочем, буду ждать, что Вы скажете об этих статьях.

Рассуждения Петруши об опыте Блюма меня убедили лишь в том, что я уже раньше подозревал: какая ужасная вещь «марксистская» теория «соотношения реальных сил»! Она все оправдывает: и трусость, и глупость, и невежество. Пр[авитель]ство Блюма не пыталось «делать» экономическую политику и не имело никакой экономической программы. Это факт. И вот начинаются объяснения: оно не могло ничего сделать в виду соотношения сил! Да кто знает, какое было бы соотношение сил, если бы народ почувствовал, что это пр[авитель]ство борется с кризисом и может победить его? Разве соотношение сил не есть функция программ, лозунгов, действий различных партий? Разве разум, воля, решимость, вера не являются «реальными силами»!

Я не знаю худшей насмешки над пролетариатом, как внушать ему, что бездушная теория приспособленчества к «реальным силам» есть философия рев[олюционной] борьбы. Вот Вы, Петруша, считаете, что у Рузвельта руки были развязаны в виду «соотношения сил». А знаете ли Вы, что большая часть проведенных им мер была кассирована Верховным Судом ввиду не конституционности? Знаете ли Вы, что его попытка реформировать Верховный Суд разбилась о сопротивление Конгресса? Знаете ли Вы, что он имеет против себя почти всю верхушку своей партии? Знаете ли Вы, что он поднял вопрос о соц[иальном] страховании, когда могущественная Ам[ериканская] Фед[ерация] Труда была против этого проекта? Но в том то и дело, что политика создает новые силы и вызывает перегруппировку старых сил. В этом смысле историческая роль Вельсов, Браунов и Гельфердингов и заключалась в том, чтоб подготовить в Германии то соотношение сил, которое они и подготовили… Вот!

1. Войтинский сравнивает сталинские чистки на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. с июньской 1934 г. бойней в Германии, когда Гитлер беспощадно расправился с той частью собственных штурмовиков и их командиров, которые ожидали претворения в жизнь «социальных требований».

Николай Семенович Чхеидзе (1864–1926).

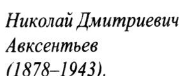
А сегодня мы видели новый фильм Истмена: «От Царя к Ленину». Это монтаж репортажных съемок, сделанных в России сотней фотографов между 1914 и 1919 гг. На экране мелькали Троцкий, Каменев, Ленин, Керенский, Церетели, Скобелев, Чхеидзе, Шрейдер, Чернов, Авксентьев, Карахан, Зиновьев — только Сталина не было видно. Фильм явно троцкистский, но очень интересный. Если будут давать его в Париже, не пропустите. И Ир[аклию] Георг[иевичу] скажите, чтобы непременно пошел посмотреть.

От Виляцера получили на днях письмо. Он занят собиранием долларов для «С[оциалистического] в[естника]» и готов приняться за сборы для издания трудов П[авла] Б[орисовича]. Но без особых надежд на успех.

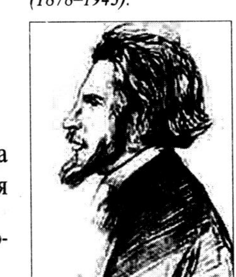
Я уже сам не рад, что поднял вопрос о переписке с Даном. Лучше было вести дело, как предлагали Ир[аклий] Г[еоргиевич] и Николаевский. Послал ему новый проект письма[1]. Но буду вполне удовлетворен, если Вы этот проект забракуете и примете просто к сведению мой отказ от первоначального моего предложения.

С дружеским приветом всем Вам

Ваш *Вл. Войтинский*

Николай Дмитриевич Авксентьев (1878–1943).

Письмо №13

Вашингтон, 28 ноября 1937

Дорогие друзья!

Из нашего американского «далека» с интересом следим за тем, что творится у Вас. На прошлой неделе шли сообщения

1. См. письмо №14, которое мы даем как часть переписки Войтинского с Гарви, хотя оно адресовано Ф.И. Дану.

об авансах Гитлеру со стороны англичан[1], а сегодня узнали о новой победе «единого фронта» с коммунистами[2]. Здесь после провала Брюссельской конф[еренции] усилились настроения в пользу невмешательства в дела Старого Света.

Помимо этого, общественное внимание поглощено здесь экономическими вопросами. Налицо признаки сокращения хозяйственных оборотов («recession», как называют здесь этот процесс, в отличие от «depression»). Отчасти это результат пораженческих махинаций и пропаганды реакционных акул биржи, жел[езных] дорог и т. п. Но отрицать попятное движение невозможно. На очереди новый эксперимент выравнивания конъюнктуры. На этот раз хозяйственникам будут сделаны уступки (главным образом в вопросах налогов и гос[ударственного] бюджета), но в исторической перспективе это будет новым опытом обеспечения «бесконъюнктурого» хозяйства демократическими методами.

После трех месяцев весьма напряженной работы я понемногу выкарабкиваюсь. Из моего «report'a»[3] комитету получилось две книги, не равной величины (одна на 200–250 стр., другая на 100–120 стр.). После тщательной обработки материал принял американски-читабельный облик. Это американизированное изложение было для меня всего труднее. Основные мысли обоих докладов были уже приняты соответствующими организациями, а мне все еще приходилось возиться с распределением материала, редактированием текста и т. п.

Теперь все это более или менее закончено. Но книги вряд ли выйдут из печати раньше весны.

Впрочем, это уже не моя забота. С завтрашнего дня принимаюсь вплотную за новый «project», как называют здесь научные исследования.

Здесь совсем было установилась зима. Но вчера налетел теплый ветер из Флориды и сегодня на дворе 20°, т. ч. и топить не надо.

1. На переговорах Гитлера с лидером палаты лордов Великобритании в Берхтесгадене 19 ноября от имени английского правительства была предложена программа англо-германского экономического и политического сотрудничества, фактически снимавшая препятствия перед германской экспансией на Восток.

2. Речь идет о новых законодательных инициативах французского правительства.

3. Report (*англ.*) — доклад.

Марк Львович Слоним (1894–1976) — политический деятель (эсер, депутат Учредительного собрания), публицист, литературный критик, переводчик. Россию покинул в 1919 г.

Недавно в одном канадском журнале («Canadian Forum») мы прочли стихи, посвященные моей последней книге, выпущенной в Женеве. Т. к. это первая стихотворная рецензия, к[отор]ой я удостоился, то посылаю Вам копию. Просьба к Петруше: перевести на русский яз[ык] столь же звучными стихами и, если можно поместить в «С[оциалистическом] в[естнике]». Стихи левые, т. ч. редакция должна заинтересоваться.

Последние дни получаем мы русскую газету из Чикаго[1]. Орудует В. Лебедев[2], объединяя прогрессивную русскую общественность. Там и Слоним, и загробные письма Лазарева[3], и др. А стиль такой: «Вечер обещает быть исключительно удачным, благодаря любезному выступлению любителя публики актера такого-то». После № этой газеты примешься за недочитанную с прошлого месяца дановщину, и кажется, будто она по-русски написана да при том еще с умом и талантом.

Кстати, о Дане. Я получил от него ответную ноту, содержание коей, вероятно, Вам известно. Но, на всякий случай, посылаю ее Вам. Просьба: по прочтении передать Б.И. [Николаевскому] для приобщения к делу[4].

(«Товарищ, прочитав, передавай другим!»). Думаю, что никакого нового письма от меня не требуется. Но если надо, я напишу (по-русски писать для меня — раз плюнуть, не то что по-американски).

Пишите, как живете, что поделываете.

С сердечным приветом всем Вам

Ваш *Вл. Войтинский*

1. Скорей всего, речь идет о «Русском обозрении», еженедельной независимой литературной и общественной газете. В Чикаго она выходила в 1930–1941 гг.

2. Лебедев Владимир Иванович (1883–1956) — публицист, журналист, писатель, литературный критик, член партии социалистов-революционеров, в эмиграции с 1919 г.

3. Лазарев Иван Васильевич (1876–1929) — актер Московского художественного театра.

4. «Ответная нота» Ф.И. Дана не выявлена.

Письмо №14

Копия письма В.С. Войтинского Ф.И. Дану

Многоуважаемый Федор Ильич!

Б.И. Николаевский сообщил мне, что продажа архива Павла Борисовича сделала возможным дальнейший шаг в направлении издания трудов П.Б. в согласии с его завещанием. Вопрос касается нас как душеприказчиков П.Б.

Я считаю, что характер очередного издания предрешен нашей перепиской в 1932 г. в Берлине и последовавшим арбитражем И.Г. Церетели.

Политические события в Германии помешали нам довести до конца намеченный тогда план и выпустить избранные труды П.Б. на двух яз[ыках], по-немецки и по-русски. Теперь немецкий сборник должен быть дополнен русским сборником того же типа. Поскольку средства позволяют это, программа русского сборника может быть расширена, но это не должно менять его общего характера.

Я полагаю, что Вы, независимо от политических соображений, согласитесь со мной в формальном толковании положения.

В этом случае остается лишь вопрос о редакции с вытекающими из этого техническими условиями.

Но, разумеется, положение меняется, если Вы пожелаете войти в редакционную коллегию. В этом случае план дальнейшей работы должен быть определен сговором между нами, с участием И.Г. Церетели в спорных вопросах.

Очень обяжете меня сообщением, остаетесь ли Вы при отказе от участия в редактировании сборника трудов П.Б. или готовы принять участие в коллегии по подготовке русского сборника.

Письмо №15

[Вашингтон], 4 ноября 1937

Дорогие друзья!

На днях просмотрел первую часть новой книги К. Каутского. Какую пропасть материала проработал старик, и как

добросовестно, честно и ясно все это изложено. Не знаю, нужно ли это кому-либо, но К.К. внушает мне огромное уважение. Конечно, это человек из того же материала, что П[авел] Б[орисови]ч.

Как подвигается сборник П[авла] Б[орисови]ча? Мне крайне досадно, что я задержал издание.

На Бинштока мы ничуть не сердимся и на днях его вспоминали, правда, по случайному и внешнему поводу (в зоологическом саду, перед клеткой австралийского марабу).

Поймал ли Петруша Дюрре и отобрал ли у него мою рукопись?

Я больше года не имел известий от Каффи[1]. Встречаете ли его? С интересом прочел в «СВ» фельетон Осокина[2]. Кто он?

Будьте здоровы и веселы.

Ваш *Вл. Войтинский*

Лаура и Карл Каутские.

Письмо №16

Washington, D. C., 24 декабря 1937

Дорогие друзья!

Дановскую ноту я давно отослал Вам заказным письмом. Если письмо пропало, предъявлю почтовому управлению иск суммою в 5 сантимов (по совести, документ больше не стоит, а наживаться на нем я не хочу). На днях повидаюсь с Виляцером и пр[очими] нью-йоркскими товарищами и поговорю с ними о подготовке издания. Свою долю работы мы с Э[ммой] Сав[ельевной] тоже выполним, за нами задержки не будет.

Одновременно с Вашим последним письмом пришло очередное известие о расстрелах в СССР. Карахан, Енукидзе, Ларин… (Кстати, какой это Ларин? Неужто Лурье[3]?) Разделяю

1. Каффи А. — французский журналист, которому Войтинский хотел поручить перевод своей рукописи о событиях 1917 года в России.

2. Осокин — скорее всего один из псевдонимов Г.О. Бинштока. Речь идет о фельетоне «Загадка московского сфинкса» (Социалистический вестник. 1937. 11 августа. №14–15 (394–395).

3. Лурье Михаил Зальманович (Ларин) умер до начала процессов, иначе точно был бы расстрелян. Дочь его — Анна Михайловна, жена Бухарина, была арестована. Провела в лагерях да ссылках без малого 20 лет. Речь идет о двух его однофамильцах, расстрелянных по делу т. н. «антисоветского объединенного троцкист-

Иосиф Сталин и Николай Ежов на открытии канала Москва–Волга.

вполне Ваше отвращение и недоумение перед этими расстрелами. Но у меня не получается впечатления о непосредственном критическом положении в России. Скорее, наоборот, мне кажется, что эти казни связаны с послереволюционной консолидацией режима.

Конечно, это не бонапартизм. Бонапартизм требует Бонапарта, а у Сталина нет ни гения, ни блеска, ни великодушия. Но сходство в том, что сталинский режим, как и Империя во Франции, пришел после революции и на смену революции. Такой режим, закрепляя результаты предшествовавшей ломки, вместе с тем становится альтернативой дальнейших изменений. Он не контрреволюционен, но консервативен и непримиримо враждебен продолжению революции.

Этим ставится на очередь вопрос, в чем же сущность «революции». Я думаю, что «революция» понятие чисто формальное, лишенное какого бы то ни было политического, социального и морального содержания. Это — переворот, разрыв непрерывности, смена одной легальности другой легальностью. В исторической перспективе «революции» отмечают точки бурного, ускоренного движения. Привходящие черты процесса объясняются именно возрастанием скорости. Отсюда и спиральность движения, и качание маятника, и пафос революционных эпох, и кровь и грязь, остающиеся за революционной колесницей.

Итак, после пафоса ломки, разрушения старых форм жизни, революционных темпов приходит новая полоса покоя, устойчивости быта, личного благополучия, возвращения к традициям. Без этой новой полосы те социально-политические процессы, к[отор]ые происходили в предшествующую «революционную» эпоху, не могут утвердиться. Но по своему духу новая эпоха непримиримо враждебна предыдущей. Вчерашние

ско-зиновьевского центра» — профессоре Московского университета М.И. Лурье и главном враче здравпункта Челябинского тракторного завода Н.Л. Лурье. Оба они были членами Коммунистической партии Германии и приехали в СССР в 1932 г.

герои становятся преступниками, вредителями, предателями. Их физическое истребление является для народа доказательством того, что надоевшая всем «революция» кончилась и не возобновится. Но этим же символизируется и закрепление «завоеваний революции». В этом нет противоречия, ибо результаты переворота могут быть закреплены лишь устойчивостью нового равновесия.

И вот здесь сказывается различие между Сталиным и Наполеоном. Наполеон сумел сохранить своих бывших соратников-якобинцев при помощи блестящего маскарада. Будучи головой выше их, он не боялся ни одного из них. Отблесками своей славы он осветил их так, что народ забыл в них «героев» 1793 г. А Сталин не способен на столь тонкую игру и выполняет свою историческую роль с прямолинейностью мясника. Есть много оснований полагать, что это не избавит его самого от общей участи. Погибнет и он, как другие. И так же будет ошельмован после смерти. Процесс зашел так далеко, что возврата уже нет.

А что из всего этого получится? Получится консолидация того, что есть. Плебейское тоталитарное государство, плебисцитарная диктатура, система государственного капитализма. Больше этого от «октября» не могло остаться. И потому я не вижу попятного движения ни в ликвидации словесной мишуры, к[отор]ой в течение ряда лет этот строй прикрывался, ни в ликвидации тех людей, к[отор]ые этот строй воздвигали на крови, насилии, обмане, развращении народных масс.

Письма опальных бояр, бежавших за литовский рубеж или решивших остаться за этим рубежом, ничего не доказывают. Их разоблачениям и «революционной совести» я верю не больше, чем чистосердечным признаниям их менее прытких товарищей. Если Дан мечтает разогреть свою фракционную похлебку подле этих огарков, это доказывает только, что горбатого могила исправит.

Вообще же я думаю, что самоликвидация большевиков, происходящая в настоящее время в России, далеко не самая тяжелая жертва, понесенная народом за последние 20 лет.

Вот, друзья мои, как представляются мне события. Впрочем, я за русскими газетами не слежу и многого не знаю. Ваша информация, конечно, полнее.

У нас все благополучно. Я принялся за новую работу. Пока раскачиваюсь, но уже наметился ряд очень любопытных проблем как методологического, так и социологического характера (о резервах рабочей силы в стране и т. п.). На праздниках мы кутим. Поедем на конвенцию статистиков и экономистов, к[отор]ая собирается в Atlantic City, на берегу океана, а оттуда в Нью-Йорк, где встретим Новый год на красно-крестовской вечеринке. В безвестном отсутствии пробудем целую неделю. Зато после Нового Года работы предстоит куча, особенно Эмме Сав[ельевне] (я-то буду дальше раскачиваться).

У Ясных конъюнктура повернулась к лучшему. После двух лет без заработка (хотя и не совсем без работы) Н[аум] М[ихайлович] получил приглашение в научный институт в Калифорнии. Место временное, но работа интересная и открывающая кое-какие перспективы в дальнейшем. Он прямо воскрес, и мы очень рады за него. Теперь, вероятно, он сам Вам напишет. А если не напишет, то исключительно в силу предосудительных черт своего характера, а не по каким-либо еще другим причинам.

С дружеским приветом.

Ваш *Вл. Войтинский.*

P.S. Посылаю Вам пару газетных вырезок, иллюстрирующих отношение американской печати к советским выборам[1]. Прибавлю, кстати, что в «единичных» кандидатах[2] я не вижу никаких намеков на поражение Сталина. Это вполне логичное применение принципа плебисцита к карикатурному парламенту[3]. Муссолини и Гитлер это давно поняли.

---

1. Первые (декабрьские 1937 г.) выборы в Верховный Совет СССР по новой Конституции.

2. На декабрьских выборах, наряду с кандидатами от правящей партии, впервые выдвигались и т. н. беспартийные, которых В.С. Войтинский и называет «единичными».

3. Недаром выдвижение партийных и т. н. «единичных» кандидатов именовалось советской официальной пропагандой не иначе, как «нерушимый блок беспартийных и коммунистов».

Письмо № 17

[Вашингтон, без точной даты, вторая половина января 1938]

Дорогие друзья!

Как живете? Что нового у Вас, дома и в парижской колонии?

У нас началась зима. Один день даже снег выпал! Погода стоит чудесная. Но много гулять не приходится, много скопилось работы, и у меня, и у Эммы Сав[ельевны]. Все же нашел [возможность] прочитать, от доски до доски, книжку Ст. Ивановича[1].

Предвижу, что Вы будете меня спрашивать, что я об этом произведении думаю. Прежде всего, она очень плохо написана, каким-то неестественным языком, с вывертами, словечками. Слова неточные, сбивчивые, местами изложение неясное и прямо неграмотное. План книги тоже сбивчивый, не то биография, не то характеристика, не то воспоминания. Меньше всего, это «портрет». Образ А[лександра] Н[иколаеви]ча получается бледный, неубедительный и убийственно неинтересный. Выявлены всего две черты характера А[лександра] Н[иколаеви]ча — сильное национальное чувство и то, что Ст. И[ванови]ч называет «отъединенностью». Но обе черты относятся лишь к определенному периоду в жизни Ал[ександра] Н[иколаеви]ча, и они не отражают всего человека. Лампадное масло страстотерпечества не спасает дела. В сухом, деловом рассказе Б[ориса] Ив[ановича] Потре́сов вырисовывался как большой человек, и все в нем казалось значительным и глубоким. А после влюбленного сюсюканья Ст. Ив[анови]ча как-то самая вера в значительность Потре́сова начинает колебаться. Как хорошо, что в свое время мы воспротивились идее сборника поминальных статей!

Впрочем, если отречься от характеристики Ал[ександра] Н[иколаеви]ча, то в книжке Ст. Ив[анови]ча можно найти коечто интересное. Лучше всего в ней личные воспоминания ав-

---

1. См.: *Иванович Ст.* А.Н. Потре́сов. Опыт культурно-психологического портрета. — Париж, 1938.

Мария Склодовская-Кюри (Curie-Sklodowska) (1867–1934), которая, вместе с мужем Пьером Кюри (1859–1906) была в числе первопроходцев учения о радиоактивности веществ, собственно именно она и ввела в научный оборот этот термин. Лауреат Нобелевской премии 1903 г. по физике (совместно с П. Кюри и А. Беккерелем), а также и химии (1911). Беккерель (Becguerel) Антуан Анри (1852–1908) — французский физик, лауреат Нобелевской премии 1903 г. за открытие радиоактивности солей урана.

тора: «День», начало б[ольшеви]зма, заграничные эмигрантские дрязги. «Партийная оппозиция» изображена достаточно выпукло, в натуральную величину и в естественных красках. Можно надеяться, что эта часть книги переживет прах прочих глав. Еще хорошо, что Ст. Ив[анови]ч помянул добрым словом Ингермана. А все прочее можно было и не печатать вовсе.

Напишите, какое впечатление произвела книжка на Вас, и какую реакцию вызвала она в наших кругах.

А если хотите прочитать по-настоящему хорошую книгу, дающую портрет большого человека, возьмите вышедшую недавно биографию M-me Curie, написанную ее дочерью[1]. Какая это изумительная книга! Такой захватывающей биографии я давно не читал. Вот, как писать надо!

В с[оциал]-д[емократической] колонии в Вашингтоне большие перемены. Колония, как Вы знаете, состоит из трех человек (мы с Эммой Сав[ельевной] да Ясный). В настоящее время она сократилась до двух чел[овек], т. к. Ясный на 7–8 месяцев переехал в Калифорнию. После двух лет безработицы и невезения он, наконец, нашел, хоть временную, но хорошую работу в научном институте. Да и климат тамошний для него лучше. Очень рады за него.

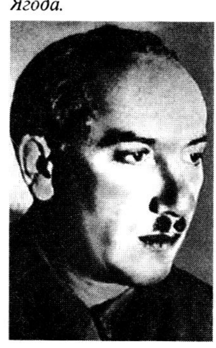
Шлем Вам сердечный привет.

Ваш *Вл. Войтинский*

Письмо № 18

[Вашингтон, без точной даты, весна 1938]

Генрих Григорьевич Ягода.

Дорогие друзья!

Последнее время вести из Парижа стали реже. А из России мы совсем не имеем писем уже третий год.

«СВ» читаю без малейшего удовольствия. Полная беспомощность и растерянность, приправленная комичным самодовольствием. Союз с боярами, бегущими из Москвы от царского гнева, просто отвратителен. Для меня нет ни малейшего

1. Речь идет о книге Евы Кюри о своей матери, физике и химике — Марии Склодовской-Кюри.

Вальтер Германович Кривицкий (Гинзберг Самуил Гершевич) (1899–1941) — чекист, резидент советской разведки в Западной Европе, в 1937 г. стал невозвращенцем. См.: Krivitsky W.G. I was Stalin's agent. — London, 1939.

различия между Кривицким, Ягодой и Ежовым. Чистейшая случайность, кто кого из этой троицы расстрелял, и кто от кого бежал. По существу же они все трое друг друга стоят. То же и Бутенки[1].

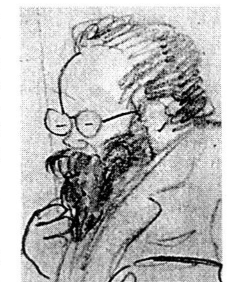
Позиция Раппопорта тоже меня не устраивает. Пока б[ольшеви]ки расстреливали крестьян, «буржуев», священников или истребляли интеллигенцию, Р[аппопорт] не протестовал. А заговорила у него совесть лишь тогда, когда очередь дошла до его личных друзей. Сталин был хорош, когда палачествовал над не большевиками. Он стал плох потому, что начал расправляться со вчерашними палачами. Этой двойной бухгалтерии я не приемлю. Московские процессы отвратительны, но то обстоятельство, что жертвами оказались вчерашние носители власти, ни чуть не увеличивает безобразия этих процессов. Скорее наоборот. Мне кажется, что всякая иная оценка противоречила бы требованиям общечеловеческой морали.

М. б., это не по-марксистски, но многое в наше время делается не по Марксу… Впрочем, не буду углубляться в эту тему.

□ □ □

Раппопорт Шарль (1865–1941) — политический деятель, публицист. Член «Народной Воли». После покушения на Александра III бежал за границу. С 1897-го — доктор философии в Бернском университете. Член социалистической партии Франции. Преподавал в ленинской школе в Лонжюмо. В 1921-м — один из учредителей Коммунистической партии Франции, соредактор «Юманите», одновременно корреспондент московской газеты «Известия». В 1938 г., потрясенный московскими процессами, вышел из рядов компартии Франции, отказавшейся осудить сталинский террор.

□ □ □

Желаю Петруше успехов в описании того, как есть пошла меньшевистская партия и что из этого вышло. Я думаю, что когда-нибудь это пригодится. Но у меня лично произошел странный отрыв от прошлого. Я как-то не чувствую больше преемственной связи с тем С. Петровым, к[отор]ый носился когда-то по заводам, организовывал безработных, сидел в тюрьме. Все

1. Бутенко Василий Феодосьевич (1894–1976) — офицер Добровольческой армии, в эмиграции с 1920 г. Закончил Загребский коммерческий институт. Член ЦК партии «Крестьянская Россия» в Праге. В 30-х гг. переехал во Францию. Его статьи Войтинский поминает как ту противоположность информациям Кривицкого, которая его так же мало устраивала. После войны переехал в США, работал в «Новом русском слове», редактировал «Русский вестник».

это было так бесконечно давно, столько воды с тех пор утекло, так переменились все ценности. С. Петров для меня почти такой же литературный образ, как Юрий Милославский или кузнец Вакула. Поэтому, между прочим, я весьма равнодушен к судьбе моих воспоминаний. Французское издательство расстроилось, конечно, что А. Каффи не приготовил перевода. Но вина целиком на мне, пункт 1-й — т[о,] ч[то] я навязал издателю своего переводчика, пункт 2-й — то, что я не хотел напоминать ему о переводе и предпочел похоронить дело. Впрочем, я не жалею об этом, т. к. не думаю, чтоб это издание доставило мне особое удовольствие. Прибавилась бы лишняя книжка на камине, вот и все. Не заинтересован я и в издании моих воспоминаний о 1917 г. Ну их совсем…

У нас здесь стоит весна. Жары еще не начинались. Лучшее время года в Вашингтоне. Но много работы. Приходится заканчивать разные дела, чтобы со спокойной душой пуститься в странствие в конце июля. По расписанию я должен до отъезда выпустить мою книгу о Labor in the United States и сдать в типографию рукопись другой книги, на более специальную тему.

Теперь несколько слов о проекте постепенного переселения Гарвей и Гарвят в Америку. Отлично понимаю все трудности. Но мне кажется, что преимущества жизни в Америке для молодежи настолько несомненны, а положение в Европе настолько безнадежно, что надо решиться. М. б., будут временные затруднения, а, м. б., даже и затруднений — в смысле потери заработка — не будет. Я встречал здесь молодых людей примерно такого же возраста, как Юра или Сильвуша, перебравшихся в Америку. Поразительно, как быстро они привязались к этой стране и вошли в местную жизнь. Хороший пример — Бича[1], а еще лучше — молодые Minderhausen'ы[2]. Между прочим, серьезно предупреждаю Сильвушу: если она не переберется в Америку, то есть опасность, что Minderhausen'ы, если и не совсем вытеснят ее из наших симпатий, то во всяком случае создадут конкуренцию ей. Здесь молодые люди, подготовленные и желающие работать, не могут долго оставаться без дела. А при работе, естественно, получается из-

1. Уже поминавшаяся ранее дочка Г. Бинштока и Ю. Гринфельд.
2. О ком идет речь, установить не удалось.

быток заработка, больше чем весь заработок по французскому масштабу. Конечно, это только одна сторона вопроса. Существенно то, что здесь нет «нежелательных иностранцев». Кто вступил на американскую почву и заявил о своем желании стать американцем, становится гражданином, получает все права, вплоть до права быть избранным в конгресс. Единственное ограничение: Президент должен быть сыном американских родителей. Но с этим ограничением можно примириться! Для меня главная суть «проекта» именно в этом: вырваться из атмосферы бесправия, унижений, безнадежности. А дальше — каждый получает здесь свой «шанс», и вступает в силу закон отбора. Одни всплывают, другие идут ко дну. Гарвят мы зовем в Америку, т. к. уверены, что они всплывут (если надо будет, мы им пособим). По отношению к людям моего возраста такой уверенности у меня нет. Поэтому старшему поколению рекомендуется последовать за молодыми пионерами немного позже, через пару лет, когда они обживутся и устроятся. Конечно, Вам с горы виднее, Вы и решать будете. Но с нашей стороны проект остается в силе.

Ну, дорогие друзья, желаю Вам всего хорошего, и до скорого свидания.

Ваш *Вл. Войтинский*

Письмо № 19

[Вашингтон, без точной даты, первая половина июня 1938]

Дорогие друзья!

На этих днях видел своими глазами человека, приехавшего из Парижа, и чуть ли не меньшевика по происхождению. Это Либерман[1] (лесопромышленник). Он показался мне очень толковым и интересным человеком. Говорили о положении во Франции, России, Германии, Чехословакии и др. странах. Послал через него поклон парижанам. Но что это за птица, собственно говоря, не знаю. Если знаете, напишите.

1. Либерман Семен Исаевич (1883–1946) — специалист в области лесного хозяйства; в эмиграции после 1925 г.

Вольский (Валентинов) Николай Владиславович (1879–1964) — социал-демократ, с 1903 г. — большевик, с 1905 г. — меньшевик. После первой русской революции открыто порвал с ортодоксальным марксизмом, а с лета 1917 года и с меньшевизмом. После прихода к власти большевиков короткое время с начала 20-х гг. работал заместителем главного редактора «Торгово-промышленной газеты» ВСНХ, затем в 1928 г. редактировал орган советского торгпредства во Франции газету «La Vie Economigue des Sjviets». В конце 1930 г. перешел на положение эмигранта, жил в Париже.

Еще встретился здесь с одним джентльменом, к[отор]ый 33 года тому назад вел со мной переговоры об объединении руководящих органов петербургского и московского университетов. Теперь он адвокатствует в Нью-Йорке.

А с этими двумя господами приехал в Вашингтон один молодой нью-йоркский экономист, отец к[отор]ого был арестован вместе с моим отцом в Териоках белыми.

Как мал, в конце концов, мир! Все со всеми встречаются!

От Либермана узнал об успехе Дюбуа на выставке в Париже. Порадовался за него. Но почему Вы ничего не сообщили нам об этом событии? Следуя методу Вольского[1], заключаю, что Вы утаили от нас известие об успехе Анатолия в виду его гойского происхождения.

Если конфликт с В[оль]ским дойдет до третейского разбирательства[2], можете вызвать меня в качестве свидетеля. Я под присягою покажу, что всегда считал Петрушу плохим евреем и не раз упрекал его за отсутствие национального чувства. Кроме того, я объясню третейским судьям, что тенденция Петруши заносить на скрижали истории еврейские имена меньшевиков, умалчивая о тех 2%, имена которых оканчиваются на «ов» и «ий», может проистекать не только из еврейского национализма, но и из прямо противоположного умонастроения.

Вообще говоря, я считаю, что евреи внесли в русскую культуру очень много ценного. Но перечисляя все то, чем еврейство обогатило Россию, я никогда не начинаю с апрельских тезисов[3] и меньшевизма.

Переходя к более общим вопросам, здесь преобладает мнение, что опасность войны из-за вопроса о немцах в Чехословакии на ближайшее время устранена. Это считается как бы общепризнанным. Так ли расценивается положение в Париже? Или у вас ощущение затишья перед бурей?

1. Речь идет, как мы уже отмечали, о выводах одной из рукописей Вольского, которая никогда не была опубликована и лежит в одном из дел бокса 53 коллекции Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского института.

2. Вероятно, в письме Войтинскому Гарви высказал по поводу рукописи Вольского нечто резко нелицеприятное, грозившее столкновением, что дало возможность Владимиру Савельевичу прогнозировать излюбленное в эмигрантской среде обращение к третейскому суду.

3. Имеются в виду апрельские 1920 г. тезисы Ю.О. Мартова.

В американских газетах писали, будто у немцев-судетов пропала охота воссоединяться с Германией, в виду того разгрома (или погрома), к[отор]ый немцы учинили в воссоединившейся с ними Австрии. Похоже ли это на правду?

У нас был прохладный и дождливый май, и лето по-настоящему еще не установилось. Настраиваемся на летний лад, но на южное вашингтонское лето что-то не похоже.

Печатание моей книги подвигается вперед очень медленно. Типография тянет с набором.

Последняя новость: Ясные переезжают в Бостон. Вероятно, Наум Мих[айлович] из Калифорнии прямо поедет туда, не заезжая в Вашингтон. Переезд связан с работой, к[отор]ую получила в Бостоне жена Ясного.

С сердечным приветом всем Вам, Гарвям и Гарвятам.

Ваш *Вл. Войтинский.*

Письмо №20

[Вашингтон, без точной даты, июль 1938]

Дорогие друзья!

У нас лето вступило в свои права. Заканчиваем работу, готовимся к поездке на Запад. Живем уединенно, но неожиданно негаданно Эмма Сав[ельевна] встретила здесь своего брата[1], с к[отор]ым не виделась 35 лет. Конечно, он стал совершенным американцем, русский яз[ык] позабыл совершенно. Из русской публики встречаем здесь только берлинских Гольденвейзеров[2].

1. Сводный брат от первого брака отца Эммы Савельевны.

2. Речь идет о семье Гольденвейзера Алексея Александровича (1890–1979) — юриста, выпускника Киевского университета Святого Владимира, где он затем читал лекции по общей теории права. Работал помощником присяжного поверенного у своего отца, также известного юриста. В дни февральской революции — член Исполнительного комитета общественных организаций Киева, в 1918-м — входил в состав Малой Рады, высшего законодательного органа Украины. В 1921-м эмигрировал в Берлин, занимался защитой беженцев и был экспертом по беженским делам Нансеновского комитета при Лиге Наций. В 1937-м переехал в США, первоначально жил в Вашингтоне. Там же жили его братья: Александр Александрович (1880–1940) и Эммануил Александрович (1883–1953), которые эмигрировали в США в начале 900-х гг. Оба получили образование в Америке. Здесь же стали известными учеными — первый антропологом и социологом, одним из инициато-

Георгий Димитров (1882–1949) — с 1902 г. член Болгарской рабочей социал-демократической партии, с 1903-го — партии тесняков, с 1919-го — коммунистической партии Болгарии. Один из руководителей сентябрьского антифашистского восстания 1923 г., затем — в эмиграции. Мужественно проявил себя на сфальсифицированном нацистами в 1933 г. Лейпцигском процессе по обвинению в поджоге рейхстага. В 1934–1945 гг. в СССР. С 1935 — генеральный секретарь Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. После окончания второй мировой войны — председатель Совета министров Народной Республики Болгария и генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии.

В газетах пишут о необычайной засухе в Европе. Будто бы неурожай хлебов был одним из факторов сохранения мира в Европе, т. к. Германия и Италия не решаются драться на пустое брюхо. Выдумка ли это газетчиков? Или у Вас тоже так думают?

Последний №«С[оциалистического] в[естника]»[1], как мне кажется, побил все рекорды литературной и политической безвкусицы и пошлости. Давненько не приходилось мне читать подобных произведений печати. На 24 стр. 4 статьи Дана и 2 статьи о Дане. Удивительно, что малюсенький человечек может занимать больше места, чем какой-нибудь великан. Объяснения с Цилигой по глубокомыслию и моральному пафосу стоят на уровне творений Фомы Опискина[2]. Но лучше всего объяснения Дана с «тов. Димитровым» по поводу того, что названный товарищ его, Дана, смазал не по тому уху, что Ежов, а с другой стороны. Когда я читал эту замечательную статью[3], я живо представлял себе дворового парня, получившего взбучку от господ и рассказывающего на кухне о случившемся: «Они меж собой больше спорили. Барыня кричит — ты, Федор — свинья! А барин спорит — Ты, мол, Федька с. с.! А я так понимаю, что раз с. с, так, значит, не свинья». Парень весьма доволен тем, что господа поспорили из-за него. Дворня одобрительно гогочет…

Короче, «СВ» докатился до такого уровня, что надо либо реформировать его путем привлечения новых сотрудников и ограничения числа столбцов для дановских литературных упражнений, либо просто прекращать издание. А тянуть издание в нынешнем виде, по-моему, просто стыдно.

ров и авторов американской Энциклопедии общественных наук, второй — известным экономистом, специалистом по монетарным вопросам и до 1946 г. был руководителем исследовательского отдела Совета управляющих Федеральной резервной системы (Board of Governors of the Federal Reserve System). См.: *Зейде Алла.* Указ. публикация //Ab Imperio. 3/2005.

1. См. Социалистический вестник. 1938. 18 марта. №5 (409).

2. Опискин Фома — псевдоним писателя-сатрика, драматурга, критика Аверченко А.Т. (1881–1925), под которым он публиковался в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе». Этим псевдонимом Аверченко чаще всего подписывал фельетоны на политические темы.

3. См.: *Дан Ф.* Несколько слов по «своему» делу» //Социалистический вестник. 1938. 18 марта. №5 (409).

Цилига (Ciliga) Антон (1898–1992) — член Политбюро югославской компартии и Балканского бюро Коминтерна, итальянский подданный, в 1926–1935гг. жил в СССР, за это время был арестован, отбыл три года тюрьмы в Верхнеуральске, потом два года в сибирской ссылке. В декабре 1935 г. добился права покинуть СССР. В Париже написал и опубликовал свою главную книгу — «В стране большой лжи». После войны жил в Италии, где издавал журнал, посвященный югославским проблемам.

Петрушина статья хороша, несмотря на неудачное заглавие[1]. Статья Б[ориса] И[вановича] интересна как историческая справка[2]. Но «борьба за легальность» при нынешних условиях такой непросветимый и самоочевидный вздор, что об этом едва ли стоит рассуждать серьезно. Это тема для Кузьмы Пруткова, а не для историка.

Вообще, друзья мои, «СВ» ведется так, что приходится иметь большой запас гражданского мужества, чтобы публично признать свою связь с политическим течением, представленным в этом издании.

Впрочем, …Бог с ним. Мало ли дребедени печатается на свете?

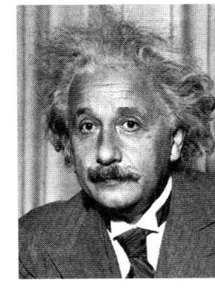
Мы уже писали Вам о переезде Ясных в Бостон. Н[аум] Мих[айлович] в Калифорнии и сюда не вернется, жена его ликвидирует квартиру и уедет через пару дней. Нам будет не хватать этого талантливого и глубоко порядочного чудака. Что делать, он пришелся в Вашингтоне не ко двору. Надеемся, что в Бостоне, в Harward'ском ун[иверсите]те, его лучше разглядят и оценят. По-видимому, и у него есть такая надежда, во всяком случае, он доволен переезду.

По делу Каутского[3] ничего нового. Einstein[4] ничего не ответил. По-видимому, мысль о награждении немецкого с[оциал]-д[емократа] ему несимпатична. А м. б., у него имеются другие соображения. Не знаю.

Пишите. С дружеским приветом и лучшими пожеланиями.

Ваш *В. Войтинский.*

Альберт Эйнштейн.

1. См.: *Гарви П.А.* К международной дискуссии о борьбе за демократию //Социалистический вестник. 1938. №15–16 (419–420).

2. См.: *Николаевский Б.И.* О лозунге «борьба за легальность» и о лозунгах вообще //Социалистический вестник. 1938. 28 мая. №9–10 (413–414).

3. Речь идет о выдвижении Карла Каутского номинантом на Нобелевскую премию.

4. Эйнштейн (Einstein) Альберт (1879–1953) — физик-теоретик, один из основателей современной физики, лауреат Нобелевской премии 1921 г., иностранный член Российской Академии наук с 1926 г., иностранный почетный член Академии наук СССР с 1926 г.

9-5125

Письмо №22

Вашингтон, 2 октября 1938

Дорогие друзья!

Хотя в течение последних 2–3 недель мы наслушались вдоволь голосов из Европы, но ждем с нетерпением известий от Вас. Как оцениваете Вы то, что случилось[1], и чего ожидаете в ближайшем времени?

Здесь общественное мнение единодушно в двух пунктах. Все рады тому, что не будет войны. Все согласны, что за мир — или отсрочку войны — Европа заплатила чудовищную цену. Дальше начинаются разногласия. Первое разногласие: что получила Европа — длительный мир или кратковременную передышку? Второе разногласие: что принесено в жертву — Чехословакия или самый принцип международных договоров и обязательств? Третье разногласие: Что приходит на смену существовавшей до сих пор системе границ и международных соглашений, — новая система соглашений или диктатура бронированного кулака?

Органы печати, к[отор]ые и до кризиса интересовались международными проблемами, склонны к более пессимистической оценке положения, чем желтые газеты. Посылаем Вам пару вырезок, к[отор]ые могут считаться типичными для здешней серьезной печати.

Отношение здешних демократических кругов к европейской демократии лучше всего выражается словами поэта: «Ликует враг, молчит в недоуменье вчерашний друг, поникнув головой…». Идее союза между американской и европейской демократии нанесен тяжелый, б. м., смертельный удар. С кем союз? И во имя чего? И какой смысл может иметь союз после того, что случилось?

1. Речь идет о заключенном 29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене соглашении между премьер-министрами Великобритании и Франции — Невиллом Чемберленом (1869–1940) и Эдуардом Даладье (1884–1970), а также фашистскими диктаторами Германии и Италии — А. Гитлером и Б. Муссолини. Оно предусматривало отторжение от Чехословакии Судетской области и передачу ее Германии, а также удовлетворяло территориальные претензии к Чехословакии со стороны правительств Венгрии и Польши.

Мюнхенское соглашение европейских стран. На фото слева направо: Герман Геринг, Невилл Чемберлен, Бенито Муссолини, переводчик, Адольф Гитлер, Эдуард Деладье. 1938 год.

Для меня, лично, предварительные итоги того, что произошло в хронологических рамках от Берхтесгадена до Мюнхена, представляются в таком виде:

Гитлер, без единого выстрела, не потеряв ни одного солдата, получил реванш за войну 1914–18 гг. Он получил больше, чем Германия потеряла по Версальскому миру, разрушил военную и политическую машину Антанты, утвердил свою безраздельную гегемонию в Восточной Европе, расчистил себе путь для дальнейшего движения на Юг и на Восток. «Демократии», опять-таки без единого выстрела, без малейшего сопротивления, капитулировали, систематически предавая друг друга, не думая о дальнейшем развитии событий, следуя лишь инстинкту страха перед непосредственной опасностью. Разбили Чехословакию, рассыпали Малую Антанту[1], добили Лигу наций[2], порвали русско-французский союз[3].

Военный потенциал Берлинско-Римского блока теперь на 50% выше, чем был месяц тому назад. Военный потенциал демократии, наоборот, понизился на 50%. Если только месяц назад соотношение сил было, примерно, 3:2 с перевесом в пользу демократий, то теперь это соотношение приближается к 1½:3, с перевесом в пользу фашизма. В международном масштабе повторилась история Германии 1932–33 гг. Мюнхен — это капитуляция Северинга[4] перед Папеном, капитуляция, продиктованная желанием избежать кровопролития (т. е. борьбы). Ворота открыты. Дальнейшее — вопрос времени.

Всего ужаснее для меня сознание, что исторически опять путь к фашизму прокладывается социалистическим пролета-

1. Малая Антанта — в 1920–1938 гг. блок Чехословакии, Румынии и Югославии, главное звено в поддерживаемой Францией системе военно-политических союзов в Европе в 1920–30-х гг.

2. Лига наций — международная организация, учрежденная в 1919 г., призванная, согласно уставу, содействовать развитию сотрудничества между народами, гарантируя им «мир и безопасность». В 1934 г. нацистская Германия и милитаристская Япония вышли из ее состава, открыто демонстрируя свои агрессивные намерения.

3. Русско-французский союз — соглашение, по которому СССР обязан был выступить в защиту территориальной целостности Чехословакии, в случае, если бы с просьбой об этом к нему обратилось правительство Франции.

4. Северинг Карл — начальник полиции Пруссии.

риатом. Блюм принял на себя полную ответственность за Берхтесгаден, а план нового соглашения приписывается здесь не то Фроссару[1], не то Полю Фору[2]. Во всяком случае, какой-то социалистический Добчинский настойчиво пищит, что это он первый сказал: «Э!».

Что же? История знала примеры угасания великих наций, распадения могущественных государств. Т. к. в эпоху упадка власть попадает обычно в руки слабых и ослепленных людей, многое из того, что они делают, представляется их потомкам актами самоубийства. Но история знает так же примеры национального возрождения. На пороге гибели в народе просыпается инстинкт самосохранения коллектива, хотя бы ценой самопожертвования индивидуумов. Этот инстинкт может выразиться лишь в сильном национальном порыве. Франция, по-видимому, приближается к рубежу, когда только чудо может спасти ее. Но во французской истории «чудес» было много. Французы привыкли верить в чудо последнего часа, как русские привыкли полагаться на «авось». И вот, я спрашиваю себя, в этот решительный час чуда, кому доверит Франция свою судьбу? Нет ли опасности, что народ будет искать себе вождей не по образу и подобию Блюма, а по образу и подобию Гитлера и Муссолини? Если это случится, Народный Фронт будет сметен в мусорный ящик истории, туда же, куда был сметен Железный фронт Вельсов и Северингов. Историческая тяжба, начатая под лозунгом «Демократия против фашизма!», будет продолжаться между двумя фашизмами различных национальных окрасок!..

Конечно, все это лишь предположения. Есть много вариантов, логически все они возможны. Различаются они лишь степенью вероятности…

Мне кажется, что события последних недель не уменьшили вероятность новой войны, но радикально изменили соотношение сил, как военных сил противоположных коалиций,

1. Фроссар (Frossard) Людвиг Оскар (1889–?) — французский социалист, один из основателей Французской коммунистической партии, затем порвавший с коммунистическим движением.

2. Фор (Faure) Поль (1878–1960) — французский социалист и бессменный секретарь французской социалистической партии с 1922-го по 1940-й, когда он примкнул к сторонникам правительства Виши, за что был исключен из ее рядов.

так и политических сил внутри каждой коалиции, особенно, внутри той коалиции, дело к[отор]ой обычно отождествляется с делом демократии.

Против своего обыкновения, написал политическое письмо. О личных делах писать не хочется. У нас все хорошо, чего и Вам от души желаем.

С искренним приветом
Ваш *Вл. Войтинский*

P.S. Пишите о том, что происходит у Вас. М. б., мы здесь чего-то не доглядели, чего-то не учли.

Письмо №23

[Вашингтон], 31 октября 1938

Дорогие друзья!

О больших политических вопросах писать на этот раз не буду. Я согласен с тем, что написала Эмма Сав.[1]

Прибавлю лишь несколько соображений о позиции социалистов. Трагедия соц[иалистических] партий в том, что идеологически они готовы встретить всевозможные ситуации, кроме той, с к[отор]ой им действительно приходится иметь дело. Германские соц[иал]-дем[ократы] «сыграли» Веймарскую республику Гитлеру, т. к. в их книжках и программах не было предусмотрено, что делать, когда 40% рабочих оказываются в армии безработных. А теперь социалисты свободных стран развлекались пустословием о том, как будут они бороться за власть в случае войны, но забыли о том, что на них может лечь ответственность за то, какой ценой правительства их стран купят мир. Тут ничего не поделаешь. Эта игра продолжается. Вместо того чтобы думать о существенном, люди занимаются пустяками. Пример: история с 40-часовой неделей[2].

Чем больше я думаю о создавшемся положении, тем больше я склоняюсь к мысли, что Мюнхенское соглашение не отсрочило войну, а действительно устранило войну на значи-

1. Данное письмо Владимира Савельевича было приложено к письму его супруги.

2. 40-часовая рабочая неделя

тельный промежуток времени. При новом соотношении сил война — хотя и мыслима, но весьма невероятна. «Союзники» по логике вещей должны все больше и больше уступать Гитлеру, и каждая новая уступка будет дальше изменять соотношение сил в пользу Германии, подготовляя необходимость дальнейших уступок, и уменьшая вероятность войны. Зачем станет Гитлер воевать, если он и так может получить все, чего пожелает? Европа вступила в полосу длительного Pax Tektonica[1]. И нечего говорить о том, как это укрепляет внутреннее положение Гитлера. Таково исходное положение. В свете этого положения девять десятых рассуждений в №-ре «Соц[иалистического] в[естника]» — непросветимая чепуха. Но я не уверен, что наши иностранные товарищи понимают стоящие перед ними проблемы многим лучше, чем наша ЗД. Вероятно, они точно так же ищут виновных на стороне, не замечая, что на них лежит вся ответственность за случившееся, т. к. они ничего не сделали, чтобы предотвратить то, что случилось.

Не знаю, впрочем, зачем я пишу или даже думаю об этом. Пора примириться с мыслью, что все, во что мы верили, отошло в область истории. Я давно знал, что страшно жить в стране, судьба которой зависит от мозговой коробочки Вельса. А теперь оказывается, что приходится расширить эту формулу.

Могу только пожелать Вам всего хорошего. Не читайте газет и берегите здоровье. А когда вода подойдет к горлу, пошлите детишек за океан, … если поздно не будет.

Ваш *В. Войтинский*

Письмо №24

22 февраля 1939

Дорогие друзья!

Конечно, Вы ждете от меня политической информации. Не знаю, что из здешней политической хроники проникает в европейские газеты. Но предполагаю, что Вы знаете все о дебатах в конгрессе по поводу военных кредитов и, в особенности, по поводу продажи аэропланов Франции. В обоих случаях

1. Pax Tektonica (*греч.*) — мировая подвижка.

президент получил, в конце концов, полную поддержку обеих палат. Мне кажется, что позиция изоляционистов очень пошатнулась за последние месяцы. Последняя акция Института Общественного Мнения показала, что абсолютное б[ольшин]ство обывателей считает, что теперь можно будет избежать войны.

Оценивая «зигзаги» амер[иканской] внешней политики, имейте в виду, что СШ не только на бумаге, а и на самом деле демократическая страна. Пра[витель]ство исполняет волю народа, оно может оказывать влияние на общественное мнение (и не один президент не сделал столько для политического воспитания страны, как Р[узвельт]), но оно не может навязывать народу своих взглядов. Поэтому и во внешней политике пр[авитель]ство СШ не может идти дальше определенной черты. Чем ближе подвигается оно к этой черте, тем вероятнее, что ему придется делать успокоительные заявления, комментировать свои решения и т. п. Это не зигзаги, а последствия того, что страна управляется согласно с правилами демократии.

Что будет дальше, когда разразится война? Никто не знает. В деловых кругах серьезно считаются с возможностью войны, в политических кругах, как мне кажется, преобладает мнение, что до осени едва ли произойдет что-либо серьезное. Вооружение и пр. — это, с одной стороны, страховка на всякий случай, а с другой стороны, попытка изменить реальное соотношение сил для переговоров.

Конец Испании — непередаваемый позор. Но т. к. это новое поражение демократии уже было учтено заранее политической биржей, то едва ли можно считать событием такого исторического значения, каким было, напр[имер], мюнхенское предательство.

С Петрушиным толкованием событий я не могу согласиться. У него выходит так, что рабочий класс защищает демократию, а буржуазия наседает на него. А между тем Веймарскую республику разнесли в щепки безработные пролетарии; Чемберлен опирается не только на английское мещанство, но и на миллионы рабочих; мюнхенское соглашение апробировано французскими социалистами, Front Populaure[1] войдет в исто-

1. Народный фронт.

рию с печатью удушения испанской революции. По-видимому, пролетарии-то бывают различные, как различны и буржуи. И вот именно тут и начинается неразбериха. Буржуазию-то мы научились сортировать: крупная, средняя, мелкая. А для пролетариата сита не придумали. Знаем только, что пролетариат бывает сознательный (это — когда он идет за нами) или бессознательный (когда он норовит дать нам в морду). Кажется, это называется марксизмом. Но как мало объясняет это события.

Я, кажется, писал Вам, что на досуге принялся за Плутарха. Писатель поверхностный, болтливый, явно бьющий на сенсацию, но необыкновенно умный. И вот я попытался сравнить его историософию с тем, что мы знаем теперь. Сравнение получилось не в нашу пользу…

А народ сюда валом валит. Появляются уже беженцы из Англии. Спешат убраться подальше от греха на случай налетов немецких аэропланов на Лондон. Иные отправляют за море престарелых родителей, другие шлют детей, а есть и такие, что перебираются сюда со всеми чадами и домочадцами.

О России здесь ни слуха, ни духа. Как будто «6-я часть Земного Шара» провалилась к черту. Даже посла Советы в Вашингтоне не имеют. А если раз в неделю в газетах телеграммка из Москвы, чаще всего это о каком-нибудь новом вредительском процессе.

На днях возвращается в Вашингтон Ясный. Жена его уже приехала и временно живет у нас (в Юриной комнате). У Ясного дела идут плохо, жалуется на немощи, работы нет.

У нас без перемен. У меня много работы, и на службе и дома. Но сегодня — нац[иональный] праздник, день рождения Вашингтона[1]. Воспользовался случаем, чтобы побеседовать с Вами.

С дружеским приветом
Вл. Войтинский

1. Вашингтон Джордж Д. (1732–1799) — первый президент США (1789–1797).

Письмо №25

Вашингтон, 27 марта 1939

Дорогие друзья!

Разделяем вполне Вашу тревогу за завтрашний день Европы и Ваше возмущение концом испанской трагедии. Впрочем, то, что произошло до сегодняшнего дня, еще не конец. Падение будет еще глубже, еще больше будет и крови, и предательства в Испании, пока маятник не начнет двигаться в обратном направлении.

Здесь, так же, как и в Европе, все гадают, что принесет ближайшая неделя, ближайший месяц. Очень высоко расценивают успехи Гитлера, осуждают слабость, медлительность Чемберлена, как-то мало внимания уделяют второстепенным персонажам развивающейся драмы. Мне лично кажется, что дело идет к развязке между Германией и Россией. Этот вариант становится все более вероятным, но он включает две возможности: Россия, предоставленная самой себе, против Германии (с ее новыми вассалами) и Японии; или повторение, с небольшими изменениями, группировки 1914 г. В первом случае победа Гитлера и конечный разгром демократической Европы неизбежны. Во втором случае наиболее вероятным исходом борьбы представляется мне разгром Германии. Но, Боже мой, как не подготовлены социалисты в Европе к реалистическому пониманию дилеммы! Международную ситуацию в такое драматическое время нельзя понять иначе, как в политических терминах. Народы, их жизненные интересы, притягивания и отталкивания являются такими терминами. Но ведь слепые вожаки бедного пролетариата не знают, с чем это кушают, забивая головы рабочих трухой, лишенной всякого политического смысла, они делают в их странах всеобщего избирательного права такой же guantite negligeable[1], как в самодержавной монархии. Какую цену имеет политический вес французского рабочего класса, когда радикальные вожди его, по несказанной глупости и близорукости, действуют как агенты Гитлера, а вожди другой фракции плетут кружево компромиссов, оговорок, оговорочек!

1. Ничтожной величиной (*лат.*).

Вчера прочел последний №«С[оциалистического] в[естника]». Кроме чрезвычайно интересного фельетона, все остальное a puster Blatt (как говаривала моя тётушка из Либавы). Но заинтересовала меня статейка о французской соц[иалистической] партии. Собственно, стал читать ее по ошибке, т. к. не знал, кто автор. Но был вознагражден вполне: подобного сконцентрированного 100% вздора, такой высокопарной болтовни давно не приходилось читать. Дочитав до вывода: «Франция нуждается в новом дискуссионном листке по вопросам социалистической тактики», я решил про автора — да он Форменный Дурак! Установив это, я принялся искать подпись, и к моему изумлению заметил, что автор так и подписался — Ф. Д.[1]

Конечно, и погромче нас были витии, а дураков не убыло в России. Но неужели, после всего, что случилось, и перед лицом всего того, что вплотную надвинулось на нас, французские соц[иалисты] все еще болтают (я чуть не написал по тюремному: бóтают) о социально-революционном содержании front populaire и т. п.?

Конечно, демократия может ошибаться и в Америке так же, как в Германии, Франции и Афинах (я вспомнил Плутарха). Конечно, главный источник её слабости всегда в неподготовленности, пассивности («несознательности») неимущего большинства. Всегда оказывается, что имущее меньшинство выдвигает лучших лидеров, вносит раскол в ряды противников и после ряда поражений выигрывает решительную битву (опять плутарховская версия исторического материализма). Но если это так, то единственная возможность выпрямить зигзаги истории это улучшить имущественное положение неимущих, поднять их политическое сознание, сделать их носителями национальных традиций и идеалов, связать их с прогрессивными силами страны, предотвратить развитие в них того шкурничества (классовой сознательности тоже), к[отор]ое делает невозможным превращение их в руководящую силу a la Longe[2]. Это и есть политическая стратегия Рузвельта.

Впрочем, будет о политике.

1. Так подписывался Ф.И. Дан.

2. Longe (*фр.*) — лонжа (трос или веревка, которая применяется для подстраховки при исполнении цирковых трюков).

У нас начинается лето. Каникулы мы возьмем в этом году очень поздно, — вероятно, в ноябре. Это значит, что самое жаркое время придется пропотеть в Вашингтоне. Идем на это испытание, т. к. хотим смотаться в Мексику, а там в августе и еще в сентябре сезон дождей. Собственно, дожди там не запойные, а более или менее упорядоченные: до обеда льет, а после обеда — гг. путешественники, — выходите погулять! Поэтому в Мексику много ездят и летом, но при этом половина времени теряется. Приходится либо урезывать программу, либо пользоваться caballos[1] вместо автомобиля (что тоже сводится к урезыванью программы). Вот мы и решили перехитрить мексиканскую погоду. Надеемся, что лето будет не слишком жестокое.

Во всяком случае, советуем Юре ехать сюда, не теряя времени, лишь только он получит визу.

На днях вышла в свет моя новая статистическая книга (та самая книжка-лилипут, о к[отор]ой я писал Вам). Сильно подвинул свою третью работу для Committee on Social Security[2] и уже подумываю о дальнейших планах.

Ясные в Вашингтоне, у них все неудачи, — у него не ладится с работой, она хворает. Поселились они довольно далеко от нас, т. ч. встречаемся мы редко, больше сносимся по телефону. У нас гостит дочь Гриневича[3] — Veer, очень симпатичная девушка. А на будущей неделе ждем Маршака[4], к[отор]ый

1. Caballos — кони, лошади (*исп.*).

2. Committee on Social Security (*англ.*) — Комитет социальной безопасности.

3. Коган (Гриневич) Михаил Григорьевич (1874–1942) — в социал-демократическом движении с середины 90-х гг. XIX века, с 1903 г. — меньшевик, один из основателей профессионального движения в России, а также историк этого движения. Первый председатель Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов. Покинул Советскую Россию в начале 1922 г.

4. Маршак Яков Израилевич (1898–1977) — с 1915 г. примкнул к меньшевикам-интернационалистам. В 1916-м — арестован, освобожден февральской революцией. Член городского правительства Киева. После октябрьского переворота работал на Северном Кавказе. Вернувшись в Киев, изучал статистику в Институте экономики. Продолжил обучение в Германии. В 1922-м окончил Гейдельбергский университет. В 1924–1926 гг — сотрудник «Франкфуртер Цейтунг», затем работал в немецком центре по изучению политэкономии. В 1927-м несколько месяцев провел в Англии, работая в Фонде Рокфеллера, затем сотрудник Института мировой экономики в Киле. В 1930-м — приват-доцент Гейдельбергского университета. После прихода Гитлера к власти эмигрировал в Великобританию. В 1935–1939 гг. — директор Института статистики в Оксфорде. Перед второй мировой войной пересе-

Борис Николаевский (стоит) и Борис Сапир (сидит справа) в Международном институте социальных проблем в Амстердаме. Вторая половина 1930-х гг.

вот уже несколько месяцев странствует по Америке в качестве Рокфеллеровского Fellow[1]. Под Новый Год я встретил его в Детройте, тогда он мечтал об окончательном переселении в СШ.

С дружеским приветом и лучшими пожеланиями всем Вам
Вл. Войтинский

Письмо №26

[Вашингтон],14 мая 1939

Дорогие друзья!

За мной недоимка: не ответил в свое время на вопросы Петруши.

Прежде всего относительно изд[ания] сборника П[авла] [Борисовича] [Аксельрода]. Я не писал Борису Ив[ановичу] [Николаевскому], и правду говоря, не то, чтобы забыл написать, а считал себя не вправе производить на него какое бы то ни было давление. Мне кажется, что время теперь крайне неблагоприятное для изд[ания] сборника. Дело не в деньгах на изд[ание], а в том, что в данный момент сборник не отвечает — так мне кажется — никакой общественной потребности, и появление его прошло бы совершенно незамеченным. А на худший конец, сборник был бы использован парой борзописцев для целей, не имеющих ничего общего с намерениями П.Б. Я чувствую, что так отнесся бы к вопросу и П.Б., к[отор]ый очень чутко различал, когда определенное выступление полезно, а когда нет. Он никогда бы не принял в учет довод: «Средства есть, за чем же задержка?». М. б., я ошибаюсь, но я стараюсь стать на точку зрения П.Б., и не делать ничего, что он лично не одобрил бы. Прошу Петрушу показать это письмо Ир[аклию] Георг[иевичу]. Если он согласится с точкой зрения Петруши, я подчиняюсь их решению.

Второй вопрос Петруши, на к[отор]ый я не ответил, — адрес Андрея И.[2] Я не имею никаких известий от него уже больше

лился в США, работал в ряде крупнейших университетов, с 1972-го — член Американской Академии наук, президент Американской экономической ассоциации. Скончался в Лос-Анджелесе.

1. Стипендиата Рокфеллеровского фонда.

2. Вероятно, Андрей Иванович Занкевич (1893–1977) — публицист, участник Белого движения.

3 лет. В последний раз он написал мне вскоре после нашего приезда в Америку. Тогда он получил какую-то газетную работу, к[отор]ая давала ему возможность вернуться к старому его труду по истории эллинизма. На этом наша переписка оборвалась, не в первый раз за 30 л[ет] нашей дружбы. Но если буду в Париже, постараюсь разыскать его.

Теперь другие новости. Сбор на Дана и Югова докатился и до Америки[1]. Получили и мы чековую книжку, и, само собой разумеется, вернули ее по принадлежности. Подобное обращение к людям, заведомо не принадлежащим к кружку «СВ», представляется мне не очень тактичным. «СВ» за последние годы стал еще плоше, чем был раньше. Собственно, читать можно только статьи В. Александровой, все прочее скука мировая, не говоря уже о нелепо противоречивой «линии». Бедный пролетариат! Чего только не пишут и не вытворяют его именем, а он — безмолвствует.

А «ген[ерал]» Кривицкий это особый №. Какие у него лампасы, из его писаний не видно. На настоящих генералов, каких я встречал на фронте[2], он что-то не похож. Но гороховое пальто[3] его видно за версту. Это просто вульгарный шпик, охранник, с соответственно проплеванной душой (и мордой). И если наш «Ф.И.» пытается искать у него политического руководства и совета[4], то это лишь подтверждает правильность моего толкования инициалов, украшающих страницы «СВ».

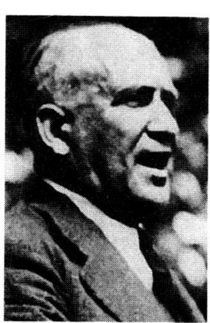
С Петрушиными замечаниями о правых вождях фр[анцузской] политики я согласен. Но я не могу забыть, что удушение респ[убликанской] Испании и предательство Чехословакии санкционировано Блюмом и скреплено печатью соц[иалистической] партии. О чем же говорить? Классовая узость, близорукость, трусость, шкурничество здесь и там. Я не валю всю

1. Речь идет не только о подписных листах на «Социалистический вестник». В связи с грядущим в 1941-м 70-летием Ф. Дана Югов развернул кампанию по подписке на страховку для Дана в качестве подарка.

2. В 1917-м В.С. Войтинский был комиссаром Временного правительства на Северном фронте.

3. Намек на чекистскую службу Кривицкого, на Гороховой в Санкт-Петербурге–Петрограде еще до революции располагалось охранное отделение, а с декабря 1917 г. — ВЧК.

4. Статьи Кривицкого публиковались: Социалистический вестник. 1938. 31 марта. №6 (410); Там же. 15 апреля. №7 (411); Там же. 29 апреля. №8 (412).

Франциско Ларго Кабальеро (Caballero) (1869–1946) — в 1918–1937 гг. генеральный секретарь Всеобщего союза трудящихся (ВСТ), в 1932–1935 гг. — председатель испанской социалистической партии, в 1936–1937 гг. — премьер-министр и военный министр правительства народного фронта в Испании.

Хуан Негрин (Negrin) (1894–1956) — премьер-министр республиканской Испании с 1937 г., в 1939–1945 гг. — глава республиканского правительства Испании в эмиграции. Член Испанской социалистической рабочей партии с 1929 г.

ответственность на одну сторону. Но я очень остро чувствую, что в эти страшные годы социализм растратил до последнего сантима свой моральный капитал, к[отор]ый накоплялся десятилетиями. Чтобы судить других, надо сперва прибрать свой собственный дом.

Я думаю, что Бинshток во многом прав, подводя итоги своим исканиям. То, что Вы пишете о нем, в общем, порадовало меня[1].

У нас все хорошо. Ждем сюда Юру. Он прав, что не строит себе никаких иллюзий относительно того, что ожидает его здесь, но Америка ему, наверное, полюбится. Еще сегодня я встретил здесь одного молодого профессора-экономиста из Лондона. Он — лейборист, блестящий ученый с большим международным именем. А пробыв здесь с полгода, он готов принять предложение преподавательской работы в любом амер[иканском] университете. Такое же настроение у Маршака. По-видимому, надо было, чтобы Гитлер опоганил пол-Европы и поверг другую ее половину в смертельный страх, чтобы европейцы открыли, как хороша Америка.

Во всяком случае, в моих подсчетах народонаселения СШ я включаю в счет всех Гарвят и Гарвей огулом. А подробнее напишет Вам об этом Эмма Сав[ельевна].

Ваш *Вл. Войтинский.*

1. В письмах конца 1938-го и первых месяцев 1939-го из Лондона Г. Биншток писал П. Гарви: «...Должен тебе сказать, что для меня Гитлер это не только внешняя, грубая сила, к[отор]ую я ненавижу всеми фибрами души, но и нечто внутри нас. Я не могу отмахнуться от Гитлера, и еще меньше от Сталина... Для тебя имеется противоположение: демократия — фашизм — большевизм. А для меня и большевизм, и фашизм дети демократии. Эволюция демократии в 19 и 20 ст[олетиях] привела к фашизму-большевизму». И в другом месте: «...Социализм и пацифизм провалились окончательно, страшно сказать, но надо смотреть истине в глаза. Старый мир идет к черту, к черту идет капитализм, а вместе с ним и родной его брат — социализм. Я остался антикапиталистом, ненавижу этот строй, как никогда еще не ненавидел, для того чтобы понять, что это за грязь и лицемерие, надо тут пожить. Но социализм — это тоже не выход, вернее сказать, старый социализм, не сумевший разрешить ни одного из вопросов, в частности не разрешивший важнейшего вопроса об отношениях между обществом и личностью, между равенством и свободой». См.: HIA. Series 18. Box 53. Folder 1.

Письмо №27

*[Вашингтон, без точной даты,
конец июня — начало июля 1939]*

Дорогие друзья!

Из дел парижской колонии, о к[отор]ых Вы пишете, больше всего волнует меня дело Мурика[1]. Это не только трагедия погибшего мальчика и его семьи, но символ — символ испанской революции, а в более общем смысле и символ революции вообще. Вот теперь деятели испанской революции сводят счеты друг с другом, сторонники Кабаллеро разоблачают сторонников Негрина, мало-помалу, раскрываются интриги, предательства. Что правда, что ложь в этих разоблачениях, это дело истории. А пока ясно, что тысячи таких юношей, как Мурик, отдали свои жизни неведомо за что. И исторически испанскую революцию представляли не Мурики, а те, кто по команде «пли!» этих Муриков расстреливали. По злой иронии судьбы их пули залетели в среду, где привыкли употреблять ужасное слово «революция» на каждом шагу и по всякому поводу, не вдумываясь в его значение.

Мое отношение к событиям в Испании нимало не изменилось под влиянием новейших разоблачений. Но мне кажется, что революцион[ную] роль (без кавычек и большого «Р») играли в этих событиях банды ген[ерала] Франко и «Революционеры» — это логическая антитеза «лойялистов». Правда лойялистов была в том, что они защищали свободу против революции, которая стремилась эту свободу задушить. А затем, на этом фоне пошли узоры международной политики, глупости, трусости, хитрости, шантажа. Боже мой, сколько вздора было написано за эти годы об испанских событиях! Особенно социалистами.

Ваше сообщение о том, что нашу ЗД выперли из Бюро Интернационала[2], искренне меня порадовало. Все же средний ин-

1. Весной 1939 года стало известно, что похищенный сын Р.А. Абрамовича — Марк Рейн — расстрелян в 1937 г.

2. Исполком РСИ 114–15 мая 1939 г. принял новое «регулирование прав и долгов партий стран без демократии», резко сокращавшее представительство этих партий в органах и конгрессах РСИ. См.: L'Los et les Pays sens Dèmocratie. Information International Documents et Discussions. 24.V.1939.

теллектуальный уровень коллегии без Дана будет чуточку выше, чем с Даном. А помимо этого соображения, Интернационал не может подняться со дна, не освободившись от мертвого груза всевозможных фиктивных делегаций и бывших людей вроде Данов, Вельсов, Мазеп[1], Ярблумов[2], Гварджаладзе[3] и т. п. Мне кажется, что Интернационал может еще играть некоторую, конечно, весьма скромную роль. Но это при условии радикальной чистки, дефляции, большого такта и широкого использования услуг экспертов, к[отор]ые действительно могли бы помочь рабочим партиям разобраться в стоящих перед ними вопросах (не только экономических, но и международно-политических, военных и т. д.). Когда подумаешь, что ныне решать эти вопросы берется коллегия из пары скандинавских моржей с дюжиной мазеп в придачу, невольно вспоминаешь Гоголя: «Скучно жить на свете, господа!».

Ну, довольно о большой политике. Здесь была у нас заездом «Лёля» (так и не знаю ее фамилии[4]). Но об ней напишет Вам Эмма Сав[ельевна]. Между прочим, она спрашивала нас, встречали ли мы здесь «американских американцев», т. е. не эмигрантов и не обамериканизировавшихся выходцев из России и Польши. Оказывается, в Нью-Йорке она только и видела настоящих американцев во время неприятностей с эмиграционной полицией, а дальше все время она двигалась в русско-

1. Мазепа Исаак Прокопович (1884–1952) — с 1917 г. член ЦК Украинской социал-демократической партии, с 1920-го — в эмиграции, лидер заграничной делегации украинских социал-демократов и их представитель в РСИ. См.: *Mazepa J.* Der Bolshewismus und die russishe Okkupatione der Ukrane. — Berlin, 1923.

2. Ярблум Марк — деятель еврейского сионистского социалистического движения, представитель партии «Поалей-Цион» в РСИ, защитник сионистских позиций против Бунда в международном социалистическом движении. Автор многих работ: The Socialist International and Zionism. — New York, 1933; Le destin de la Palestine juive. De La declaration Balfur 1917 au Livre Blanc 1939. — Paris, 1939.

3. Гварджаладзе Константин — секретарь Заграничной Делегации грузинской социал-демократии и её представитель в Исполкоме РСИ с 1930 г., заменивший И.Г. Церетели.

4. Эстрина-Гинзбург Лиля (Лёля) Яковлевна (1898–1981) — изучала право в Саратове и Москве, выехала из России с мужем, меньшевиком Самуилом Ефремовичем Эстриным (1893–1976). Работала в советском полпредстве в Берлине, в 30-х гг. была секретарем Б.И. Николаевского в Парижской конторе Амстердамского Института социальной истории. В это время стала активной троцкисткой, ближайшей сотрудницей сына Троцкого — Льва Седова. Позже переехала в Америку, вышла замуж за Давида Юльевича Далина.

польской и немецко-еврейской среде. Особенность Вашингтона та, что здесь этой среды нет вовсе. Мы встречаемся исключительно с американцами, говорим вне дома исключительно по-английски. Вероятно, именно поэтому в Вашингтоне легче войти в ам[ериканскую] жизнь, чем в Нью-Йорке. Постараемся помочь Юре устроиться так, чтобы возможно быстрее сжиться с новой средой.

Из русских тов[арищей] встречаем здесь только Ясного. Вы спрашиваете, что с ним. Ему очень не повезло. Прежде всего, не повезло в смысле работы и заработка. Вот уже четвертый год, как он не может устроиться на постоянное место, перебивается случайными, грошовыми заработками, и впредь очень мало шансов на улучшение. Затем подвело здоровье. Он долго хворал, затем поправился, но чувствовал себя инвалидом. Семья живет на заработки его жены, но и она слаба здоровьем и чувствует себя под вечной угрозой, что вот-вот свалится. Таня выросла славной, серьезной девушкой, но тоже не герой (не чета нашей Сильвуше). В сумме все это создает очень тяжелую семейную атмосферу. А если принять во внимание, что сам Наум Мих[айлович] человек тяжелый, мрачный, неуживчивый и на взгляд постороннего наблюдателя, просто неприятный, то понятно, что вокруг семьи установилась атмосфера отчужденности. Нам очень жаль Ясных, но проводить с ними время слишком утомительно, и мы не делаем особенных усилий, чтобы встречаться чаще, чем раз в неделю.

У нас начинается лето (сегодня, пожалуй, первый влажно-знойный день). Мы предполагаем никуда из Вашингтона не выезжать до октября, не знаю, выдержим ли. Последнее время у нас обоих было много работы. Я заканчиваю довольно сложную часть моего project. Никогда еще не приходилось пичкать в статистику столько математики, а главное, делаю это не для форса, а потому что иначе нельзя извлечь из цыфири необходимые сведения. Хорошо, что не всю еще математику позабыл за последние 35 лет!

На этом кончаю. Обо всем прочем напишет Эмма Сав[ельевна].

Ваш *Вл. Войтинский*

Владимир Савельевич Войтинский прожил удивительную жизнь, никогда не боясь начинать все заново.

Письмо №28

[Вашингтон, без точной даты, декабрь 1939]

Дорогой Петруша!

Наши последние письма разошлись в пути. После возвращения в Вашингтон я писал Вам, как о летней нашей поездке, так и о настроениях в Ам[ерике]. Теперь еще несколько слов о политических настроениях.

Вам кажется, что если бы нейтральные страны с СШ во главе «твердо заявили о своей готовности» и т. п., то это заставило бы Гитлера капитулировать. Я не думаю, чтобы здесь было много людей, к[отор]ые разделяют такой взгляд на дело. И я лично не разделяю его. «Заявлениям» никто в наше время не верит. Словами борьба не решается. Дело не в «твердом заявлении», а в твердом действии, т. е. в активном вступлении в войну. Но где хоть бы малейшее оправдание для вступления в войну нейтральных стран, когда по общему представлению настоящая, большая война вообще еще не началась, и все заботы прямых участников конфликта направлены на то, чтобы предупредить его распространение и обострение? Я не говорю, чтобы политика союзников была ошибочна… В дружественности ам[ериканского] общественного мнения нет никаких сомнений. Но если бы страна почувствовала, что администрация готовит почву для интервенции, это вызвало бы взрыв негодования и такую волну антибританских настроений, что Гитлер должен был бы благодарить небо за новый поворот ам[ериканской] политики. Для меня абсолютно ясно, что при данном положении в Европе и в Америке, администрация не может идти дальше на пути оказания своих симпатий союзникам, нежели она это делает.

Эти дни был у нас Герц[1]. Приехал в Вашингтон оживить личные связи (в очень скромном масштабе), провел у нас три дня. Впечатление оставил он двойственное. С одной стороны,

1. Герц (Hertz) Пауль (1888–1961) — немецкий социал-демократ, член рейхстага. После 1933 г. эмигрировал. Один из руководителей группы «Nue Beginnen». После 1945-го вернулся в Германию и играл видную роль в муниципалитете Берлина. См.: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Biographiches Lexikon. — Berlin, 1970.

конечно, честный, глубоко порядочный человек, к[отор]ый многое понял и, главное, не боится смотреть правде в глаза. А с другой стороны, когда подумаешь, что он один из вождей, один из немногих интеллигентов-руководителей движения, — так безнадежно уныло становится на душе. Много и искренне говорил Г[ерц] о своих детях, и больше всего восхищался их бережливостью, умением считать центы, откладывать деньги и т. п. Это была неисчерпаемая тема его монологов (моно-логов, т. к. мы ни единым звуком не поддерживали его восхищения мещанской скаредностью ребят). Впрочем, это мелочь. Характерна она лишь тем, что Г[ерц] не просто один из лучших немецких геноссов, а один из самых лучших, один из немногих немцев с соц[иалистической] искоркой в душе. И все же, в конце концов, какие мещанские идеалы, какие узкие запросы, какой убогий запас знаний! Говорил я с ним по душам о крушении демократической Германии, во многом встречал полное согласие с его стороны, а про себя думал: «Да как же мог удержаться режим, при к[отор]ом ты казался орлом и героем?..».

…«Пос[ледних] нов[остей]» я уже давно не видел. Фр[анцузских] мы не получаем. Но каждый день слушаем Париж по радио. От 6 ч[асов] 45 м[инут] до 7 ч[асов] вечера здесь идет программа из трех европейских столиц. Каждому корреспонденту дается 5 мин. Для сжатого резюме всего, что произошло на его глазах за последние сутки. Иногда корреспонденты болтают зря, но обычно сообщения очень хороши. Прекрасного обозревателя имеют здешние газеты в Берлине, и от него Ам[ерика] узнает такие черточки повседневной жизни в Германии, о к[отор]ых нацистские газеты, конечно, ничего не сообщают.

Осенью, во время нашего отсутствия[1], вышла (в литографированном виде) моя брошюра по довольно специальному вопросу. Хотя материя это скучная, и Вы, конечно, читать ее не станете, посылаю ее Вам, для полноты коллекции. Еще вышла статья, написанная Эммой Сав[ельевной] и мной совместно (но главным образом — Эммой Сав[ельевной]), о развитии сельскохоз[яйственной] статистики от сотворения мира до наших дней в Европе, Азии и Африке (т. е. на всем свете, кроме Америки). Эту статью пришлем Вам, лишь только получим оттиски из журнала.

1. Войтинские в ноябре 1939 г. ездили в Мексику. См. письмо от 27 марта 1939 г.

У нас все хорошо, как оно и полагается в этой счастливой стране.

Ваше возмущение по поводу гадостей в «СВ» разделяем. Но, ей Богу, эти гадости не хуже тех благоглупостей, к[отор]ые составляли с незапамятных времен платформу этого органа (имею в виду всю Дано-Бауэро-Адлеровскую концепцию нашей эпохи капитализма, демократии, Советов и пр.). Это одно к одному. Не виновата сорока, что, затвердив про Якова, твердит про всякого. На то она и сорока.

Пишите обо всем.

Ваш *В. Войтинский*

Весна 1917 года.

Другой известный журналист Кугель, подчеркивал: «...Даже полицейские физиономии старой бюрократии, наполнившей в этот торжественный день зал Таврического дворца, следили за Церетели с нескрываемой симпатией, так чист и духовно прекрасен был этот молодой человек».

После разгона 3 июня 1907 г. Второй Государственной думы Церетели был арестован и приговорен к 5 годам каторжных работ. Заключение отбывал в Александровском каторжном централе (Иркутская губерния), а с 1913 г. — на поселении в Усолье близ Иркутска.

По отношению к первой мировой войне с самого начала занял интернационалистские позиции. Группировавшаяся вокруг Церетели часть ссыльных социал-демократов (Войтинский В.С., Вайнштейн С.Л., Дан Ф.И., Рожков Н.А. и др.) выпускала журналы «Сибирское обозрение» и «Сибирский журнал», осуждая как разные формы «оборончества», которые представляли Плеханов и Потрéсов, так и ленинскую формулу «пораженчества». Сторонников Церетели именовали «сибирскими циммервальдистами». В их статьях впервые за годы войны публично обосновывалась и отстаивалась точка зрения социал-демократов интернационалистов. «Это почти историческое событие, — отмечал в письме к Аксельроду Мартов, — что такие статьи появились у нас в такое проклятое время». Вместе с тем в одной из своих статей этого периода Церетели сочтет нужным специально подчеркнуть, что, если мировая война на каком-либо этапе перерастет в борьбу за «самосохранение нации», социал-демократы с полным правом присоединятся к борьбе с агрессором. Позднее, в своих воспоминаниях он с удовлетворением отметит, что первым указал на возможность активной обороны в случае победы революции в России.

Воспользовавшись провозглашенной февральской революцией 1917 года амнистией, Церетели одним из первых среди политических лидеров (19 марта) прибудет в Петроград. Тогда же его изберут членом Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов.

Стремясь сохранить влияние стоявших за Советами масс на формирование правительства и решение проблем, затрагивающих все слои общества, Церетели призовет Совет выступить одним (наравне с временным комитетом Государственной думы) из источников формирования власти, взяв на себя, в качестве важнейших задач революции, ответственность за оборону страны. На Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов (29 марта — 3 апреля) он вновь подчеркнет необходимость единения «живых сил всей страны», а 4 апреля на собрании социал-демократов (большевиков, меньшевиков и т. н. внефракционных) выступит за созыв объединительного съезда.

Критикуя «Апрельские тезисы» Ленина, вернувшегося из эмиграции 3 апреля и уже на следующий день, выступая перед делегатами Всероссийского совещания, призвавшего к установлению власти Советов и переходу к социалистическому этапу революции, Церетели заявит:

— «...Наша революция шаг вперед по пути к конечной цели. Но нельзя изолировать себя от всего народа и от сознательного пролетариата. Надо исходить не из того, что можно захватить, а из того, что можно закрепить».

Вместе с тем, отметив, что «не боится ошибок Ленина», он подчеркнет свою готовность «объединится даже с ним», т. к. к победе революции может привести лишь объединение.

После апрельского политического кризиса Церетели войдет в состав первого коалиционного Временного правительства, заняв пост министра почт и телеграфов. Он выступит одним из инициаторов соглашения между Временным правительством и не признававшим его Кронштадтским Советом. А на первом Всероссийском съезде Советов (3–24 июня 1917 г.) вновь выступит с обоснованием необходимости единения всех «живых сил» страны. Он призовет Советы, дабы не допустить распада государства и гражданской войны, «не мешать... общенародной власти» коалиционного правительства».

Первым из российских социал-демократов Церетели открыто обратит внимание на то, что контрреволюция может прийти не только справа, но и слева, со стороны большевиков, потребовав еще в начале июня их немедленного разоружения.

Когда во второй половине июня Центральная Рада Украины выступит с требованием национально-территориальной автономии и национальной армии, Церетели войдет в состав деле-

Указатель имен